ТАДЕУШ РУТКОВСКИЙ

СТРАНИЦЫ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ТАДЕУШ РУТКОВСКИЙ

СТРАНИЦЫ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИЛЛЕРИСТА

Перевод с польского
В. А. ГЛАЗОВА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1982

ББК 63.3(2)722
Р90

TADEUSZ RUTKOWSKI

GORĄCA KARTA ŻYCIA

WSPOMNIENIA ARTYLERZYSTY

WYDAWNICTWO MINISTERSTWA
OBRONY NARODOWEJ

Р $\frac{70304\text{-}103}{068(02)82}$ 164.82.4703000000.

Товарищам фронтовикам и памяти тех,
кого уже нет среди нас.

СПУСТЯ МНОГО ЛЕТ

В начале октября 1968 года на моем пульте оперативного офицера Военно-Морского Флота зазвонил телефон.

— Тадеуш, привет! — послышался голос моего товарища с Хельской косы, старого артиллериста командора-поручника Яна Фурсевика. — Ну как, едем?

— Куда? — спросил я с удивлением.

— Да ты что, не знаешь? Пятнадцатого октября по случаю двадцать пятой годовщины битвы под Ленино там состоится торжественное открытие мемориального комплекса, а также памятника советским и польским воинам. Этот памятник — символ братства по оружию, — сообщил Ян.— В связи с этим Главное правление Союза борцов за свободу и демократию и Главное политическое управление Войска Польского организуют поездку в Ленино на специальном поезде дружбы. От ВМФ, например, едут командор Станислав Ордон, командор Януш Корнага, командор-поручник Ян Сыновец и я. Думаю, что и ты, как старый костюшковец, тоже присоединишься.

— Удивляешь ты меня, Ясь. И как это ты всегда обо всем раньше других знаешь! Спасибо за такой сюрприз. Я, конечно, как и все костюшковцы, давно мечтал побы-

вать там и вспомнить обо всем. Не тебе мне это говорить!..

— Тогда через несколько дней увидимся, — обрадовался Ян.

Поезд дружбы, в котором ехали ветераны войны, активисты Союза борцов за свободу и демократию и молодые воины Войска Польского, отправился из Варшавы 9 октября. Он следовал по маршруту Брест, Киев, Погодино, Ленино, Смоленск, Минск и Брест. Руководителем группы был генерал дивизии Чеслав Варышак.

Как только сели в поезд, начались многочисленные встречи старых товарищей по оружию. Я тоже встретил боевых друзей из моей батареи полковой артиллерии 76-миллиметровых орудий 1-го Пражского пехотного полка. В поезде ехал мой старый фронтовой товарищ — наводчик моего орудия, теперь подполковник Чеслав Кугель. Он был ранен в бою под Ленино. В последний раз мы с ним встречались в 1950 году в Высшем артиллерийском училище в Торуни, где подполковник Кугель работал старшим преподавателем, а я был его слушателем. В поезде ехал и наш однополчанин Роман Павликовский — бывший ездовой 1-го орудия. С ним мы прошли весь боевой путь до самого Берлина. Встретил я и полковника Станислава Сежпутовского. Под Ленино он служил телефонистом, а во время сражений на Одре и в Берлине исполнял обязанности командира 9-й пехотной роты 1-го пехотного полка. Из Зеленой Гуры приехал на встречу сержант артиллерии запаса Владислав Яблоньский (в годы войны — заряжающий 3-го орудия), а из Вроцлава — полковник Эдвард Соколовский (батарейный писарь, а затем офицер политико-воспитательной секции полка).

— Кто бы мог подумать, что мы вот так встретимся! — радовался подполковник Кугель. — Через столько лет! Жизнь нас разбросала по всей Польше, а в армии из нашей батареи сейчас осталось лишь несколько человек.

— Еще служит Юлек Высоцкий, — подсказал полковник Соколовский. — Несколько лет назад он был начальником артиллерии в нашем старом Пражском пехотном полку.

И потекли воспоминания о военном житье-бытье, о старых друзьях-товарищах. Их хватило до конца нашего путешествия.

Я встретил многих знакомых фронтовиков из 1-го пехотного полка, в том числе поручника запаса Зигмунта Стоцкого, бывшего командира 4-й пехотной роты, входившей в состав 2-го батальона 1-го пехотного полка. Моя батарея неоднократно поддерживала огнем прямой наводкой боевые действия этого батальона. Теперь Стоцкий жил в Щецине, работал в окружной дирекции железных дорог. В поезде ехали также капеллан 1-й дивизии имени Т. Костюшко полковник Вильгельм Кубш, полковник запаса Францишек Бонк — бывший помощник начальника штаба 1-го пехотного полка по разведке, полковник запаса Станислав Аркушевский — бывший заместитель командира учебной батареи при 1-м артиллерийском полку (я прошел курс обучения в этой батарее в Сельцах), а впоследствии заместитель командира по политико-воспитательной работе 1-й кавалерийской бригады. Кроме них ехали очень многие старые фронтовые друзья, с которыми в последние годы встречаться не приходилось.

15 октября в 8 часов утра наш поезд остановился на небольшой станции Погодино в Могилевской области.

— В Ленино поедем автобусами, — сообщил нам командор Ордон. — Сегодня там будут большие торжества, на которые мы и приглашены.

От станции отошла длинная вереница автобусов. Шоссе пролегало по типично белорусской равнине. До Ленино было недалеко. В октябре 1943 года мы наступали на позиции гитлеровцев с востока, а теперь подъезжали к этому историческому месту с запада. Видимо, поэтому местность, по которой мы ехали, показалась мне совсем незнакомой. В автобусах становилось все оживленнее. Все вспоминали те памятные дни.

— Вот там, налево, в низине, наверняка Трегубово, — проговорил один из ветеранов. — Двенадцатого октября во второй половине дня мой батальон ворвался в эту деревню. Когда мы были почти в центре, гитлеровцы перешли в яростную контратаку, и нам пришлось отойти. Если б у нас тогда было достаточно боеприпасов, да и артиллерия бы нас поддержала, мы бы удержали Трегубово, — вздохнул он.

— Наверняка бы удержали,— поддакнул ему сидевший рядом лысоватый полковник, тоже один из участников боя за Трегубово. — Однако там течет коварная болотистая Мерея, что не позволило нам ни боеприпасов подвезти, ни танки с артиллерией переправить. Кроме

того, это был наш первый тяжелый кровопролитный бой. Мы еще не имели тогда должной боевой практики, и все-таки победа была за нами! — возбужденно закончил он.

Вскоре мы прибыли в поселок Ленино. Как же он изменился! Четверть века назад на этом месте торчали развалины какой-то небольшой фабрики да несколько сельских построек. А теперь здесь высились многоэтажные здания. Была построена красивая школа-десятилетка. Появилось много различных административных зданий, социально-бытовых и культурно-просветительных учреждений. Торфяных же болот по берегам Мереи как не бывало: когда-то коварная речушка теперь соседствует с сетью мелиоративных каналов.

На центральной площади Ленино состоялся торжественный митинг, на который собрались жители окрестных деревень, делегации из ближайших городов и поселков, а также группа советских ветеранов войны, служивших прежде в Войске Польском. В торжествах приняла участие и делегация Министерства обороны СССР во главе с Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — членов Варшавского Договора, первым заместителем Министра обороны СССР, Маршалом Советского Союза Иваном Игнатьевичем Якубовским. Присутствовали также представители советских и польских партийных и государственных органов.

Прибыли сюда и мы — участники поезда дружбы, а также группа польских школьников — победители военно-спортивной игры «Голубая эстафета», которым в награду выпала честь участвовать в юбилейных торжествах по случаю 25-летия этой исторической битвы.

Мы отправились на прославившуюся в боях под Ленино высоту 215,5. На ее вершине воздвигнут прекрасный памятник воинам Советской Армии и Войска Польского. Этот памятник — символ братства по оружию. Он состоит из просторного пантеона, в котором собраны памятные экспонаты и размещается панорама битвы под Ленино. Там же находится гигантская скульптура: польский и советский солдаты поддерживают руками Знамя. Своего рода памятниками являются и братские могилы погибших под Ленино. На одной из них установлена огромная металлическая плита, пробитая снарядами, — символ тяжелых, кровопролитных боев, в которых рука об руку сражались с гитлеровцами польские и советские воины.

С высокого холма я смотрел в сторону деревни Моисеево, где перед самым наступлением находились наши исходные позиции. За двадцать пять лет местность сильно изменилась.

— А где же Ползухи? — спросил я стоявшего рядом белорусского колхозника.

— Вот там внизу, влево, — показал он и любезно провел меня по склону холма.

Внезапно над Ленино загремели орудия. Мощный гул выстрелов потряс воздух и прокатился по ближайшим высоткам, оврагам и полям. Это советская артиллерия салютовала в честь героического события, которое четверть века назад заложило фундамент польско-советского воинского братства.

И дрогнули наши сердца. И ожили у нас, старых костюшковцев, воспоминания о той уже далекой первой битве.

На родину мы увезли из Белоруссии памятные медали и урны с землей, орошенной кровью польских солдат.

Во время нашей поездки нас везде принимали очень тепло и гостеприимно. Мы встречались с воинами отдельных гарнизонов, работниками промышленных предприятий и молодежью. Зимой 1943/44 года вблизи Смоленска размещались подразделения 1-го польского корпуса, и мы поехали на встречу с жителями одной из деревень под Смоленском, где в то время стояли наши солдаты. Хозяева Смоленщины приготовили нам приятный сюрприз: на автобусах они отвезли нас в лес и устроили там солдатский «фронтовой» обед, который прошел в исключительно сердечной обстановке. И опять не было конца воспоминаниям.

В разговоре кто-то с грустью заметил, что время, дескать, неумолимо и постепенно изгладит из памяти все, что было связано с войной. Люди, мол, уходят из жизни, а с ними уходят и детали прошлых боев. Общая идея, конечно, останется, а вот нюансов будет не хватать. И битва при Ленино постепенно станет лишь символом, за которым исчезнет реальный образ героических наших современников, отдельных воинов.

— Правда, уже написаны книги о боевых действиях дивизий и полков народного Войска Польского, но, по-моему, еще никто не писал о боевом пути отдельных воинских подразделений, таких, как хотя бы наша полковая батарея, — оживленно заговорил полковник Сежпутов-

ский. — А ведь это мы непосредственно своим огнем поддерживали действия батальонов переднего края и в наступлении, и в обороне. Позиции наших орудий всегда находились в передних рядах пехоты, мы всегда шли вслед за пулеметчиками, а бывало, что и впереди них, — продолжал он увлеченно. — Хорошо бы написать об этом. Возьмись за это, Тадеуш. Вместе с батареей ты прошел путь от Ленино до самого Берлина, был командиром орудийного расчета, а закончил войну заместителем командира батареи.

— Я? — удивленно переспросил я.— Не знаю, сумею ли...

Друзья не дали мне договорить.

— Если будут какие трудности, мы все тебе поможем. — Перебивая друг друга, они горячо стали убеждать меня взяться за книгу.

Эта искренняя поддержка фронтовых друзей постепенно укрепляла во мне мысль, что действительно необходимо серьезно заняться подготовкой материала для книги о боевом пути батареи полковой артиллерии 1-го Пражского пехотного полка, прошедшего от Ленино до Берлина.

Свои воспоминания я посвящаю прежде всего погибшим артиллеристам моей батареи, а также умершему в 1977 году ее замечательному боевому командиру — капитану Стефану Козаку.

Пусть же боевые годы и события, выпавшие на нашу долю и пережитые нами, навсегда останутся в памяти поколений...

МОЙ ПУТЬ К БЕРЕГАМ ОКИ

В начале июня 1941 года на Белостокщине установилась теплая, солнечная погода. Самые последние сообщения на международные темы, помещенные в газетах и передававшиеся по радио, наводили на мысль, что война, если она начнется, прокатится прежде всего по территории стран Западной Европы или даже Африки, но вряд ли затронет восток Европы. Все больше ощущалось приближение войны. Участились полеты гитлеровских разведывательных самолетов, углублявшихся на большой высоте до Хайнувки и дальше на восток. Все это порождало беспокойство, вызывало множество слухов и разговоров.

— И что это они над нами разлетались? И что фаши-

сты высматривают на той стороне Буга? — возбужденно спрашивал мой товарищ по работе на лесопилке Антони Висьневский, который интересовался политикой.— Неужели Гитлер будет продолжать свои авантюры и на востоке?

— Едва ли. На Советский Союз он напасть не решится, — возражал ему старший по возрасту Михал Борисюк.

— Нет, Гитлеру доверять нельзя. Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии он войны не объявлял, а что получилось? Напал на них, как волк, — говорил Зигмунт Борковский. Он всегда был настроен пессимистически.

— Однако Советский Союз не чета тем маленьким, слабым странам, — успокаивал всех Борисюк.

Когда я 2 июня вернулся с работы, мать взволнованно сообщила мне важную новость:

— Через четыре дня тебе идти в армию. Боже мой! А вдруг будет война... — и заплакала.

— Не беспокойся. Скорее всего меня далеко не пошлют. Вот Фелек Печарка и другие — на Украине, некоторые — под Ленинградом, — старался я успокоить плачущую мать.

Призыв на действительную службу в Красную Армию не был для меня неожиданностью. Осенью 1940-го и ранней весной 1941 года нескольких моих сверстников уже призвали. Я был 1919 года рождения. В буржуазной Польше мой возраст в 1939 году не подлежал призыву, поэтому только теперь мне предстояло надеть солдатский мундир. Вместе со мной повестки получили некоторые из моих товарищей в Хайнувке.

Вечером 6 июня 1941 года после теплых проводов, устроенных нам, призывникам, родными и знакомыми, мы распрощались с Хайнувкой. Всего нас собралось несколько десятков человек — из Беловежи, Наревки и окрестных деревень. Мы с волнением предвкушали предстоящую поездку.

Каждый из нас имел с собой большой запас продуктов на дорогу. Родители снабдили нас домашней колбасой, хлебом и прочей снедью. Стоит ли говорить, что в вагонах царило оживление и веселье. Почти на каждой станции наши вагоны пополнялись призывниками.

Мы как-то незаметно, быстро доехали до Смоленска. Там находился центральный сборный пункт призывников из Белоруссии. В Смоленске нашу группу разделили: кто поехал на север, кто — на юг, а я с Марианом Юрча-

ком из Хайнувки и еще несколькими парнями получил назначение в группу, которой предстояло отправиться дальше на восток. Вскоре мы были уже в пути.

Из Тулы, а затем из Пензы я написал письма родителям, сообщив, что жив и здоров и что им беспокоиться обо мне не надо. Вскоре наш состав пересек широченную ленту Волги, проехали Куйбышев. Перевалив через Уральский хребет, мы очутились в азиатской части Советского Союза. Перед нашими глазами открылись просторы загадочной, экзотической для нас Сибири. Проехали Челябинск, Омск и Новосибирск. В каждом из этих больших городов часть призывников выходила. Наша, последняя группа отправилась дальше, на юго-восток. За окном равнину сменяли какие-то возвышенности. То и дело поезд нырял в длинные туннели. После двухнедельного утомительного путешествия и «ознакомления» таким образом с большей частью Сибири мы, проехав шесть тысяч километров, с радостью выгрузились из вагонов на железнодорожном вокзале города Бийска, который находился в четырехстах километрах от границы с Китаем.

Здесь мы погрузились на огромный паром. Такие паромы вмещают до двухсот человек, десятки голов скота и несколько автомашин. Переправившись через быструю широкую реку Бию, мы проделали несколько километров энергичным шагом и подошли к цели — расположенному в лесу лагерю Новосибирской стрелковой дивизии.

— А вы откуда? — спросил встречавший нас молодой офицер.

— Из Западной Белоруссии.

— О-о! — удивился он.— Сердечно приветствуем вас в Алтайском крае. Чувствуйте себя как дома.

В лагере нас встретили радушно, но по-военному. В первый же день после бани всем новичкам выдали обмундирование.

— А волосики-то придется снять. Для гигиены! — весело заявил наш новый опекун — старшина. — Кто первый, прошу! — пригласил он желающих.— Парикмахер, сам знаешь, стриги «под нуль»!

Так 20 июня 1941 года мы стали солдатами-красноармейцами. Теперь с трудом можно было бы узнать в каждом из нас тех парней в гражданской одежде, которые ехали к месту службы. Жить мы стали в палатках. Нас разделили по ротам и каждого назначили на конкретную должность. Я попал в боевой расчет станкового пулемета

в качестве подносчика патронов. Занятия начались с изучения уставов, распорядка дня в лагере и строевой подготовки.

На третий день службы, 22 июня, наша дивизия отмечала свой праздник. На плацу у берега Бии состоялся парад личного состава. Мы, новички, тоже приняли в нем участие вместе с бойцами-старослужащими и призывниками из запаса. В этот день мы увидели образцы советского оружия различного назначения. Самое большое впечатление на нас произвел плавающий танк, который, погрузившись в воду по самую башню, форсировал быструю Бию, широкую, как Висла в среднем течении.

Утром дежурный по роте объявил радостную для всех весть: сегодня будут увольнительные в город!

Вместе с Марианом Юрчаком и Томашем Собковяком из Беловежи мы направились в пригородный парк. Здесь было много военных, работали аттракционы. Повсюду звучали веселые, бодрые мелодии. Было шумно и радостно. Мы приглядывались к посетителям парка. Они ничем не отличались от публики наших мест, даже одеты были похоже. Мы с интересом рассматривали людей с азиатскими лицами. Ловкий, разговорчивый Томек уже познакомился с какой-то Любой и усиленно ее обхаживал.

Неожиданно репродукторы замолчали, оркестр перестал играть и... мы услышали речь Молотова, сообщившего, что сегодня утром гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз, начав тем самым войну.

Это неожиданное известие парализовало и ошеломило всех.

Мы с Марианом бросились на поиски Томаша, а затем побежали в часть.

Через два дня воинский эшелон доставил нас в Новосибирск. Старослужащие из нашей части отправились на фронт, а с нами, молодежью, начали форсированную боевую подготовку.

Однажды ночью нас разбудили по тревоге. С полной выкладкой мы вышли из Новосибирска и направились в находившийся в сорока километрах военный лагерь. Мы преодолели весь путь в течение ночи, и потом у нас долго болели ноги.

В лагере наша подготовка продолжалась. С большим вниманием и беспокойством мы слушали каждый день сообщения о положении на фронте. Советские войска в ходе кровопролитных боев с танковыми колоннами гитлеровцев

оставили Белостокщину и Западную Белоруссию. Таким образом, Хайнувка, а значит и мои родители, оказалась в оккупации. Сердце мое сжималось от горя.

Наступил август. Однажды, когда я отдыхал в перерыве между стрельбами на полигоне, ко мне направился пожилой солдат.

— Посмотри-ка! — выкрикнул он издалека, размахивая газетой. — Тебя, наверное, это заинтересует!

Я прочитал. Премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал Сикорский 30 июля 1941 года заключил с Советским правительством соглашение о взаимопомощи и поддержке в войне против гитлеровской Германии.

— На территории Советского Союза будет создаваться польская армия,— добавил солдат.

Это известие очень нас обрадовало. Не было конца нашим планам, проектам и надеждам.

Тем временем во второй половине августа в нашем полку прошла некоторая реорганизация. Меня в составе группы воинов направили в Минусинск. Этот город находится на расстоянии почти в тысячу километров от Новосибирска, на юге Красноярского края.

Через два дня пути мы прибыли в Абакан — столицу Хакасской автономной области. Затем пешком отправились по степной дороге к цели нашего путешествия. Вечером уже были на берегу огромной сибирской реки — Енисея. Все притихли, когда на мощном пароме переправлялись по быстрому течению. Я никогда до этого не видел такой широкой реки.

Наконец добрались до Минусинска, небольшого городка, расположенного вблизи Саянских гор.

Нас сразу же включили в работу по формированию и организации кавалерийского полка. До сих пор нам с Марианом Юрчаком и Томашем Собковяком везло: мы везде были вместе, даже в одном взводе, так что об одиночестве говорить не приходилось, настроение было хорошим.

Личный состав полка формировался в большинстве своем из молодежи, которая только обучалась военному делу, а также из резервистов, среди которых преобладали люди старшего возраста. Ощущалась большая нехватка командных кадров.

Однажды меня вызвал к себе командир взвода Андреев.

— Читать и писать по-русски умеешь, будешь командиром отделения,— безапелляционно объявил он.

Так я стал командиром отделения. Началась интенсивная учеба, на этот раз с кавалерийским уклоном. Мы занимались строевой подготовкой, учили уставы, материальную часть оружия, занимались строительством конюшен и ждали коней, которые должны были поступить из соседней Монголии.

Служба шла своим чередом. Были в ней и приятные стороны. Так, по соседству с нами находилась школа трактористок. Прекрасные амазонки, управлявшие железными конями, вносили немало сумятицы в сердца молодых кавалеристов. В конце концов Томек Собковяк поплатился за это, получив несколько дней гауптвахты. Попросту говоря, его однажды «засек» патруль, когда Томек поздно вечером через дыру в заборе возвращался с очередного свидания.

Здесь мы встретили и земляков. Однажды наш взвод направили к парому через Енисей. Там предполагалось принять несколько партий лошадей из Тувы. На ночлег мы расположились в сельсовете. До наступления темноты сидели на завалинке, грелись на солнышке. Неожиданно перед нами появилась молодая, симпатичная блондинка. По своей одежде она несколько отличалась от сибирячек. Естественно, наши взоры устремились ей вслед. Девушка вошла в дом и заговорила с одним из работников сельсовета. В ее речи явно проскальзывал польский акцент.

— Это, наверное, полька, — шепнул я.

— Сейчас убедимся,— сказал Томек.

Когда девушка вышла на крыльцо, мы громко заговорили между собой по-польски. Она остановилась и бросила на нас смелый взгляд.

— Вы поляки? — спросила она по-польски, слегка удивившись.

— Так вы тоже! — обрадованно ответил Томек Собковяк.— А кто мы такие, догадаться нетрудно. — И он показал на наши мундиры.

— А я тут с мамой и младшим братишкой нахожусь вот уже несколько месяцев. До этого мы жили под Луцком, на Волыни. Здесь работаем в совхозе, а наш отец в другой местности. Может, вы к нам заглянете? Мы живем неподалеку. Вот мама обрадуется, когда увидит поляков!

Мы с радостью приняли приглашение симпатичной девушки. Ее звали Галиной. Познакомились и с ее мамой, которая оказалась весьма рассудительной и серьезной женщиной. Мы и не заметили, как за беседой прошло около часа.

— Что, землячку встретили? — поинтересовался наш товарищ по взводу. — В моем колхозе под Омском тоже несколько польских семей живут. Хорошие люди.

Однако все хорошее быстро кончается. Спустя несколько дней меня перевели в Абакан, находившийся в пятидесяти километрах от Минусинска. В Абакане формировался новый стрелковый полк. На этот раз меня включили в состав минометной роты, на вооружении которой состояли 82-миллиметровые минометы. С Марианом Юрчаком связь была утеряна (вроде бы он остался в прежней части), а вот Томек Собковяк по счастливой случайности попал в ту же часть, что и я.

В Абакане во второй половине сентября мы с Томеком вновь встретили Галину. Настроение у нее было приподнятое. Она сообщила, что ее отец живет теперь со всей их семьей в Абакане, откуда они надеялись вскоре выехать в Среднюю Азию.

Тем временем с фронта поступали все более тревожные сообщения. Гитлеровские войска захватили уже всю Украину и Белоруссию, а теперь подступали к Ленинграду и Москве. Советское правительство эвакуировало на восток многие предприятия, имевшие важное оборонное значение. Заводы переезжали на Урал и в Сибирь. Предстояло в кратчайшие сроки наладить производство на новом месте, но для этого требовалась рабочая сила. С этой целью создавались строительные батальоны.

Так я стал солдатом одного из таких батальонов, прибывшего в начале октября 1941 года на станцию Заводская, в восемнадцати километрах от Новосибирска.

Темпы работы на строительстве ошеломляли. В октябре, например, там находились лишь старые складские помещения без электричества и центрального отопления, а на железнодорожных платформах громоздились ящики с различным оборудованием и станками, вывезенными с демонтированных украинских заводов. Однако уже в начале декабря того же года с конвейеров вновь построенных цехов начала сходить первая продукция для фронта.

В строительном батальоне мне приходилось выполнять многие виды работ. Я был, в частности, каменщиком, од-

нако больше всего мне приходилось выполнять земляные работы при прокладке труб парового отопления. Я не жаловался, хотя в силу необходимости часто работал на улице. Тогда-то я и познакомился по-настоящему с морозной сибирской зимой. С конца октября до начала апреля температура воздуха там бывает от 20 до 30 градусов ниже нуля, а иногда и еще ниже. Однако такие морозы не казались страшными, поскольку стояло, как правило, безветрие. При очень низких температурах земля промерзала на глубину до двух метров, и в таких условиях ее приходилось долбить как скальную породу, чтобы уложить трубы на значительную глубину, иначе бы вода разорвала как водопроводно-канализационные, так и трубы парового отопления.

Лето в районе Новосибирска стоит короткое, но жаркое. Сибиряки так шутят по поводу своего климата: «Двенадцать месяцев — зима, остальное — лето».

Со временем выяснилось, что на нашем заводе работают еще несколько поляков. Разумеется, мы старались чаще бывать вместе. Говорили главным образом об организации польской армии. Мы знали, что в Бузулуке этим занимается генерал Андерс, и завидовали тем, кто уже надел польскую форму и готовился вступить в бой с гитлеровцами.

Мы внимательно читали все, что сообщалось в советской печати об организации Войска Польского. Особенно мы обрадовались, прочитав в газетах в декабре 1941 года о приезде в Советский Союз генерала Сикорского. Он принимал парад одной полностью сформированной польской дивизии, которой вскоре предстояло выступить на фронт для совместных с советскими войсками боев против гитлеровцев.

В марте 1942 года председатель местного военторга Новицкий, предки которого были выходцами из Польши, предложил мне работать помощником повара в столовой для инженерно-технического состава. Поначалу я подносил дрова, топил печь, занимался уборкой помещений, но спустя три месяца уже перешел на поварскую работу. Столовой руководила жена полковника-фронтовика А. Т. Воронова. Мне работалось хорошо и приятно: и люди вокруг подобрались симпатичные, и с питанием не возникало проблем. Однако с каждым днем на душе становилось все тяжелее. Тоска по родине не давала покоя.

Я постоянно думал о польской армии и уже мысленно видел себя солдатом, но пока это все было мечтой.

Во всех наших разговорах темой номер один оказывалась польская армия, и каждый строил самые фантастические планы относительно того, как попасть в ее ряды.

— Необходимо все тщательно взвесить, — говорил Борковский, которого всегда отличала рассудительность.— Тебе, Тадек, иногда приходится бывать в Новосибирске. Может быть, там тебе удастся встретить сведущих поляков и разузнать реальную обстановку?

Я и впрямь в то время частенько в свободное от работы время ездил в находящийся в двадцати километрах от нас Новосибирск. И вот однажды, будучи там, я увидел на вокзале трех польских военных — капрала и двух рядовых. На них были мундиры английского покроя, а на беретах — польские орлы. Встреча с ними ошеломила меня, сердце радостно забилось. Набравшись смелости, я подошел к ним. Они сказали, что переезжают из района Бузулука в Среднюю Азию.

— А как у вас дела? Когда выступаете на фронт? Можно ли вступить в вашу армию? — Я засыпал их вопросами.

— У нас по-всякому бывает. И люди разные... Разные по своим взглядам... Иногда хочется рвать и метать, глядя на такую политику, но ничего не поделаешь...— многозначительно сказал мне капрал, старый текстильщик из Лодзи.— А вас, поляков-красноармейцев, к нам не принимают. Может, это вскоре изменится, так что набирайтесь терпения и ждите перемен.

Эти слова старого солдата несколько охладили пыл, с которым мы стремились попасть в армию генерала Андерса. Вскоре мы узнали, что Андерс вывел свою армию из Советского Союза на Ближний Восток. Честно говоря, нам в то время стыдно было смотреть в глаза старикам рабочим и женщинам, на плечи которых легла вся тяжесть труда в тылу и близкие которых героически сражались на фронте.

— Андерс гадко поступил, — качал головой мой коллега по поварской работе Алексей Петрович Комаров и, стараясь меня утешить, говорил:— Но ты, Тадек, не горюй. Отдельные незадачливые политики не могут решить судьбу всего польского народа.

Вскоре я убедился в правоте его слов. Советское правительство заняло четкую позицию: за деятельность Андерса и ему подобных политиков польский народ не несет ответственности.

Многие прогрессивные деятели и коммунисты, оказавшиеся среди многочисленных польских беженцев в СССР, приняли решение вновь поднять знамя совместной с советским народом борьбы против общего врага. Польские коммунисты, деятели крестьянской партии или прогрессивной интеллигенции — все они чувствовали неотложную необходимость доказать не на словах, а на деле, что, по их представлениям, создание действительно свободной и независимой Польши возможно только в результате совместной вооруженной борьбы с СССР против гитлеризма.

Именно по этой причине поляки, проживавшие в Советском Союзе, с огромной радостью встретили опубликованное 9 мая 1943 года историческое Заявление Советского правительства о том, что оно удовлетворило просьбу Союза польских патриотов в СССР о создании на советской территории польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко для ведения совместной борьбы с гитлеровскими захватчиками.

Поляки, проживавшие в Советском Союзе, не хотели быть в стороне от великой борьбы антигитлеровской коалиции. Они стремились с оружием в руках сражаться против фашизма и потому направились со всех уголков Советского Союза к месту формирования польской дивизии — на берег Оки в небольшую деревню Сельцы под Рязанью.

Наша группа также пришла в движение. Все мы подали в райвоенкомат рапорты о своем желании вступить в польскую армию, однако у военкома в то время были ограниченные лимиты, и повезло лишь некоторым из нас. Таким счастливчиком оказался и я.

— Антонина Трофимовна! — радостно выкрикнул я по возвращении из военкомата.— Меня приняли! Наконец-то я еду в польскую армию!

— Жаль, что уезжаешь. Работник ты был хороший, и замену тебе подобрать будет нелегко. Ну да у каждого есть свой долг перед родиной в этой страшной войне, тем более у мужчины. Желаю тебе успеха на фронте.

— Держись, парень! Дай перцу гитлеровцам да возвращайся к своим живой и здоровый,— сказал мне на про-

щание старый повар Алексей Петрович Комаров. — И нас не поминай лихом.

Нагруженный продуктами на дорогу и напутствуемый сердечными пожеланиями всех работников столовой, я спустя несколько дней прибыл на сборный пункт в Новосибирск. Там уже собралось несколько сот добровольцев.

Незаметно подошло время отъезда. На вокзале не обошлось без слез: плакали провожавшие нас девушки. Кого провожали невесты, кого — жены.

Мы ехали на запад с песнями. После недельного путешествия в первых числах июня наш поезд остановился на маленькой железнодорожной станции. Вокзальная табличка извещала, что это было Дивово. Здесь разгружались многочисленные эшелоны, доставлявшие к месту сбора тысячи поляков, радостно спешивших со всех концов Советского Союза вступить в ряды своего войска.

Увидев стрелки с указанием «В Сельцы», мы нестройной толпой зашагали по песчаной дороге. Миновали сосновый лес и раздольные прибрежные луга. Затем переправились на пароме через Оку. В избе за столом сидели несколько военных с орлами на пилотках.

— Вы поляк? Хотите вступить в польскую армию? — обратился ко мне седоватый мужчина с капральскими нашивками на рукавах.

— Да, для этого и приехал, — торопливо ответил я, видя, что за моей спиной уже выстраиваются в очередь другие.

— Вот направление в первый пехотный полк, в минометную батарею. Явитесь к старшине батареи. — С этими словами он подал мне бумажку.

Вместе с другими новичками я разыскал старшину батареи 120-миллиметровых минометов Цезария Юхневича. Он показал мне мое место в землянке на двухъярусных нарах, выдал одеяло, простыню и подушку и предупредил, что через полчаса построение на ужин.

Не кривя душой скажу, что первая миска солдатского супа показалась мне необычайно вкусной.

В 21.00 раздалась громкая команда дежурного по батарее: «На вечернюю поверку, становись!»

И вот наступили первая поверка, первое «Смир-р-но!», первый утренний развод... Все было первое.

Старшина Юхневич зачитал фамилии вновь прибывших в батарею, сообщил некоторые уставные требования, касающиеся распорядка в лагере.

— По всему видно, что за время пути в эшелоне ноги у вас затекли. Теперь придется усиленно отрабатывать ловкость и физические качества, достойные бойца. В этом в первую очередь поможет вам утренняя зарядка. Запомните: подъем в шесть утра, через пять минут построение на зарядку и бегом на Оку — умываться. После вечерней поверки — пятнадцатиминутный марш с песней. Да смотрите у меня: петь красиво и громко, чтобы соседняя пехота знала — артиллеристы идут! — И тут он совсем по-граждански погрозил нам пальцем. — Ну а теперь — головные уборы долой! К «Роте»! — серьезно скомандовал он.

И полилась песня... «Не брошу земли, откуда род наш», — разносились среди соснового бора слова нашей старой патриотической песни Марии Конопницкой. Ее пели те, кто еще вчера спешил сюда со всех уголков огромной страны, а сегодня стал солдатом польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко.

Батарея моя располагалась в большой, удобной землянке, укрывшейся в пахнувшем смолой лесу. Меня прикрепили к огневому взводу, однако пока самих минометов не было, как не было и военного обмундирования. Форму носили далеко не все офицеры и старшины, к тому же и на них были в основном довоенные мундиры или какие-то сочетания различных образцов одежды цвета хаки.

Все это объяснялось тем, что первая группа организаторов Войска Польского из Союза польских патриотов во главе с командиром дивизии полковником Зигмунтом Берлингом и еще несколькими офицерами приехала в лагерь всего лишь несколько дней назад. 14 мая командир вновь сформированной дивизии полковник Берлинг отдал свой первый приказ, который положил начало истории 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко.

Все мы видели, как много работы было у командиров батарей и офицеров штабов. Людей в лагере с каждым днем становилось все больше, создавались все новые подразделения. Ощущалась острая нехватка офицерских кадров: почти всех офицеров и подофицеров увел с собой Андерс. Командование дивизии начало ускоренную подготовку младших офицеров — командиров взводов, а также были организованы полковые подофицерские школы.

Однако эти меры не могли сразу восполнить недостаток комсостава. На помощь нам пришло Советское правительство. По просьбе Союза польских патриотов из рядов Красной Армии были направлены в распоряжение ко-

мандования нашей дивизии опытные офицеры-фронтовики преимущественно польского происхождения. Им предстояло стать инструкторами в Войске Польском.

Многие из тех офицеров, кто родился и вырос в Советском Союзе, не знали ни польского языка, ни наших национальных традиций и потому вначале чувствовали себя в новых условиях не на месте. Кроме того, в первый период своей службы в Войске Польском они столкнулись с множеством организационных проблем. Такие трудности замечали и мы, простые солдаты, и старались офицерам помогать преодолеть их.

Постепенно холодок в отношениях таял, на смену ему приходило чувство товарищества, а готовность к самопожертвованию, высокие боевые качества и героизм польского солдата окончательно закрепили сердечную боевую дружбу советских офицеров и польских воинов.

Когда решился вопрос с кадрами, начался самый важный этап — боевая и политическая подготовка той разношерстной и любознательной солдатской массы, которую мы в ту пору собой представляли. Нас, солдат 1-й польской дивизии, и впрямь интересовало все. Высокий, энергичный полковник Берлинг быстро завоевал авторитет и уважение солдат. Мы гордились, что такой офицер стал командиром нашей дивизии. Ходили слухи, что, будучи начальником штаба 5-й пехотной дивизии армии Андерса, Берлинг первым осмелился воспротивиться воле казавшегося всемогущим начальника и не последовал за ним в Иран. Пример нашего командира вдохновил тогда и некоторых других.

Нас очень интересовало, какой будет новая Польша, за которую мы готовились сражаться. Все соглашались в одном: она не будет походить на ту довоенную страну, где большинству из нас довелось испытать столько горя и разочарований.

И вот с этой недоверчивой, разнородной людской массой, переполненной обидами и болью личных переживаний военных лет, стали вести разъяснительные беседы офицеры-политработники. Ядром корпуса политработников были польские коммунисты, но среди них находились и социалисты, и члены крестьянской партии, и даже беспартийные. Именно там, в Сельцах, многие поляки впервые встретились с коммунистами. Некоторые из довоенных богатых хуторян, профессиональных подофицеров или интеллигентов теперь лично могли убедиться, что польский

коммунист — это не враг своей страны, как об этом твердила буржуазная пропаганда, а пламенный патриот, искренне мечтающий о прекрасном будущем родины, о создании сильной, подлинно народной польской армии, которая будет бороться за справедливую Польшу, без эксплуататоров и эксплуатируемых. Политработники разъясняли нам, что в освобожденной Польше власть будет принадлежать народу, что в ней не будет места для капиталистов и помещиков, что банки и заводы будут принадлежать государству, а земля — крестьянам. Обо всем этом говорила нам и председатель Союза польских патриотов Ванда Василевская.

В начале июня 1943 года солнечным воскресным днем весь личный состав 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко офицеры собрали на митинг, организованный на берегу Оки. На нем выступила Ванда Василевская. Она говорила долго и горячо, не пользуясь ни микрофоном, ни готовым текстом, но каждый из многотысячной толпы хорошо ее слышал и понимал. Ее пламенная речь доходила до сердца даже тех, у кого в душе еще жили предубеждения или сомнения.

Пословица говорит, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Так было и со мной. Через несколько дней пребывания в лагере я пережил радостную встречу. Когда я вместе с товарищами из батареи подошел к столовой на завтрак, то вдруг заметил знакомую фигуру.

— Привет, Мариан! — радостно крикнул я, узнав старого друга из Хайнувки Мариана Юрчака, который в сентябре 1941 года где-то пропал в Минусинске. — Как живешь, где пропадал?

— Привет! — Мариан тоже обрадовался, а затем поведал мне свою историю: в кавалерийском полку он пробыл еще две недели, а потом по воле судеб оказался в стройбате в Кузбассе, где работал на строительстве завода. Теперь он — солдат 2-го пехотного полка. Увы, впоследствии нам уже не довелось вновь увидеться.

Вскоре я повстречал и Фелека Печарку, который тоже был родом из Хайнувки. В Красную Армию его призвали осенью 1940 года. Он побывал во многих местах Советского Союза, а теперь числился в роте 82-миллиметровых минометов, входившей в состав 3-го батальона 1-го пехотного полка. С Фелеком мы прошли вместе весь

наш боевой путь от Ленино до Берлина, а после окончания войны в 1945 году я был шафером на его свадьбе.

15 июня нам выдали личное оружие. Началась интенсивная подготовка новобранцев. Занятия были самые разнообразные. Мы изучали уставы, занимались строевой подготовкой, изучали материальную часть оружия, стреляли из карабинов и минометов различных калибров, вплоть до 120-миллиметровых. Карабин — это, конечно, оружие нехитрое, каждый из нас имел с ним дело, но освоить минометы оказалось гораздо труднее, и даже некоторые «старые волки» из числа довоенных подофицеров немало попотели, прежде чем им удалось постичь сложную науку обращения с ними. Единственным специалистом в этой области военной техники был у нас командир батареи капитан Орловский, но ему не хватало сил обучить нас всех в горячих условиях организационного периода. К тому же во всей дивизии трудновато было с артиллерийской техникой.

— Кто хотел бы стать подофицером артиллерии — шаг вперед! — объявил однажды на построении старшина батареи Юхневич.

В наших рядах началось движение. Не раздумывая, я вместе с несколькими смельчаками изъявил такое желание, и уже в тот же день мы получили направление в школу подофицеров-артиллеристов, организованную при 1-м полку легкой артиллерии, которой командовал подполковник Леон Букоемский. Раньше он командовал артиллерией в 10-й пехотной дивизии армии Андерса и, подобно полковнику Берлингу, не согласился на выезд в Иран.

По прибытии в 1-й полк легкой артиллерии мы прошли специальную комиссию. Пожилой хорунжий, явно из так называемых «железных» офицеров, стал задавать вопросы:

— Образование и место рождения?

— Семь классов общеобразовательной школы, в Лодзи, — ответил я.

— Выйти из строя. Можешь быть зачислен курсантом артиллерийской подофицерской школы.

Мне повезло, поскольку некоторым добровольцам из 1-го пехотного полка пришлось, к сожалению, вернуться назад.

Курсанты нашего училища разместились в удобных палатках на опушке соснового леса. Большая поляна служила местом полковых учений. Начальником школы был подпоручник Мицкевич — артиллерист в довоенной поль-

ской армии, знающий офицер и хороший воспитатель. Его заместителем по политико-воспитательной работе был подпоручник Станислав Аркушевский, позже ставший заместителем командира 1-й кавалерийской бригады, а старшиной школы — Сухоцкий — тоже кадровый подофицер, очень дисциплинированный и требовательный как к себе, так и к подчиненным. Он настойчиво учил своих курсантов соблюдать воинский распорядок и постоянно добивался уставного внешнего вида, в чем ему усердно помогали несколько кадровых подофицеров, которые так же, как и мы, были курсантами училища.

В школе меня зачислили во взвод 76-миллиметровых полковых орудий. Кроме них там были подразделения 122-миллиметровых гаубиц и 76-миллиметровых орудий типа «ЗИС-3», находившихся на вооружении 1-го артполка, а также подразделения 120-миллиметровых минометов и противотанковых 45-миллиметровых орудий, находившихся на вооружении пехотных полков. Это была уже восьмая по счету военная специальность, которой я начал овладевать за время службы с 1941 года, но должен признаться, что быть артиллеристом пришлось мне больше всего по душе.

Начались напряженные учебные занятия. В течение двух месяцев мы должны были стать исправными подофицерами — командирами расчетов. В мирное время на это ушло бы более шести месяцев. В программу обучения входили политические занятия, строевая подготовка, изучение уставов, материальной части, стрельба из орудий и минометов, конная езда и ряд других предметов. На это полностью уходило все наше время.

— Вам предстоит стать артиллеристами и командирами огневых расчетов, а может быть, и взводов, и поэтому прежде всего вы должны отлично знать материальную часть орудия и уметь его обслуживать, — говорил нам на занятиях преподаватель — молодой офицер Красной Армии, всего несколько дней назад прибывший в нашу школу. Он был поляк по происхождению, но носил еще советскую форму и погоны лейтенанта.

Мы буквально зазубривали, что в каждом пехотном полку имеется одна батарея, состоящая из четырех 76-миллиметровых орудий образца 1927 года, что каждое орудие весит около 960 килограммов и может стрелять осколочно-фугасными снарядами, каждый по 6,5 килограмма, на расстояние около 11 километров. Это орудие было спосо-

но своими кумулятивными снарядами пробить броню танка типа «тигр» и «пантера», а осколочно-фугасными снарядами — поражать пехоту противника. Наряду с коротким, менее чем полутораметровым стволом орудия и большими колесами, что зачастую затрудняло его маскировку на местности, оно отличалось большой точностью попадания, в чем неоднократно могли убедиться гитлеровские танки, атаковавшие позиции советской пехоты. Мы учили, что полковые 76-миллиметровые орудия являются огневым средством, неустанно поддерживающим пехоту, непосредственно ее усиливающим во всех боевых действиях, а именно: в наступлении (следуют в рядах пехотных подразделений почти непосредственно за станковыми пулеметами и своим огнем уничтожают и выводят из строя огневые точки противника, находящиеся в различных укрытиях, строениях и даже в танках) и в обороне (уничтожают пехоту противника, а также поддерживающие ее броневые машины различного типа).

Вскоре мы без запинки могли отчеканить, что орудия такого типа способны вести артиллерийский огонь с закрытых огневых позиций, а также и прямой наводкой; что расчет этого орудия состоит из девяти человек: командира орудия, наводчика, замкового, заряжающего, установщика, первого и второго подносчиков снарядов; что орудие приводится в движение конной тягой из четырех лошадей, которые обслуживаются двумя ездовыми.

Нам объясняли, что на марше и в не слишком опасной боевой обстановке орудие на большие расстояния перемещается конной тягой из четырех лошадей, а в условиях боя, когда необходимо поддерживать огнем действия пехоты на полузакрытой местности, и при передвижении на небольшие расстояния достаточно одной пары коней.

Нас учили, что на передовой часто возникают такие ситуации, когда невозможно использовать лошадей, поскольку они могут быстро демаскировать огневую точку и навлечь на себя вражеский огонь. В таких особо трудных условиях передвижение орудия и перенос боеприпасов полностью возлагаются на расчет.

— Да, быть артиллеристом нелегко — так обычно заканчивал свои занятия молодой советский инструктор.

Мы принимали все к сведению и усиленно готовились к предстоящим фронтовым трудностям.

Значительное разнообразие вносил в культурную жизнь костюшковцев дивизионный театр. Среди бойцов особен-

ной симпатией пользовался актер Ежи Вальден, прекрасно исполнявший роль так называемого горе-солдата, который обычно есть в каждой части. Один его внешний вид — помятая гимнастерка, небрежно закрученные обмотки, сдвинутая набекрень пилотка — вызывал взрыв смеха. Это был прекрасный артист, всегда умевший развеселить солдатскую аудиторию.

Однако для отдыха в наших учебных буднях почти не оставалось времени. Боевая подготовка считалась самым главным нашим занятием.

Наша учеба шла быстрыми темпами. Особенным успехом у нас пользовались занятия по конной езде, а также фехтование. Нужно сказать, что многие из нас впервые садились на коня.

— Не горбиться и не прижиматься к гриве! Не дергать за узду! — терпеливо поучал нас старшина батареи.— Рысью марш! Курсант Бартковяк, держись крепче в стременах, иначе упадешь.

Такие указания он давал постоянно. Вначале после каждой такой конной выездки у нас болело все тело, но, несмотря на это, мы каждый раз с нетерпением ждали следующего занятия.

Большую радость мы испытали, получив в начале июля польские военные мундиры. Выглядели мы в них действительно неплохо, и каждый с гордостью стал носить эту форму.

15 июля 1943 года, в 533-ю годовщину битвы под Грюнвальдом, у нас в лагере состоялась торжественная церемония. На центральном плацу перед штабом дивизии перед трибуной, украшенной флагами и большим белым орлом, личный состав 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко принял торжественную присягу. Для участия в этом торжестве прибыли представители Союза польских патриотов, а также многочисленные гости.

Вначале дивизионный капеллан майор Вильгельм Кубш отслужил торжественную полевую службу, затем к собравшимся воинам обратилась с речью Ванда Василевская. Она напомнила о боевых традициях наших отцов, постоянно отбивавших атаки со стороны Германии, говорила нам об измученной, истекающей кровью под гитлеровским игом отчизне, о задачах, которые перед нами стояли.

И вот наступила торжественная минута. Первым принял присягу у Боевого Знамени командир дивизии пол-

ковник Зигмунт Берлинг. Громким, зычным голосом повторял он святые слова: «Присягаю!» Затем подал команду:

— Дивизия, к присяге!

Более десяти тысяч собравшихся воинов, обнажив головы, повторяли за своим командиром:

— Торжественно присягаю земле польской, истекающей кровью, польскому народу, томящемуся в немецком ярме, что не опозорю имени поляка, что верно буду служить отчизне...

Мы дали присягу, что пойдем в бой за свободу. Затем пели «Роту». Потом состоялся первый военный парад костюшковцев.

Перед трибуной в такт боевому маршу проходили стройными колоннами отлично вооруженные польские солдаты. При виде их то и дело раздавались бурные аплодисменты. И не будет бахвальством сказать, что больше всех аплодировали курсантам нашей подофицерской артиллерийской школы, когда они, блестя на солнце клинками сабель, проходили перед трибуной.

С этого дня мы стали солдатами.

В один из июльских дней у нас в училище поднялось большое оживление. Оно было вызвано коротким объявлением начальника школы подпоручника Мицкевича:

— Курсанты, объявлен набор в офицерское артиллерийское училище. Каждый из вас при наличии необходимых знаний имеет шансы получить офицерские погоны. Сегодня к нам приедет комиссия и будет производить отбор. Добровольцы могут обращаться непосредственно в комиссию. Желаю успеха!

Училище загудело, как улей. Многие из нас хотели бы стать офицерами, но нас смущал низкий уровень наших математических познаний. Несмотря на это, я тоже решил попытать счастья.

Я обратился к Владеку Сегуту, поляку из-под Житомира, с просьбой о помощи. Он окончил десятилетку и хорошо знал тригонометрию.

— С удовольствием, — согласился он. — Ты знаешь, что такое синус, косинус, тангенс и котангенс?

— Не очень, — неуверенно ответил я. — Что-то припоминаю, но это было уже давно.

— Тогда слушай внимательно. Синус угла альфа — это... — И он терпеливо стал объяснять мне элементарные основы тригонометрии. — Понял? А теперь — смелее иди на комиссию. Майор ждет следующего кандидата.

— Образование? — спросил меня председатель комиссии симпатичный майор-артиллерист.

— Три класса гимназии, — не совсем уверенно ответил я, пытаясь скрыть правду.

— В таком случае тригонометрию вы должны знать. Скажите-ка, что такое синус угла альфа и его косинус? — задал он мне опасный вопрос.

— Синус угла альфа — это... это... — В голове у меня все перемешалось: ведь до войны в седьмом классе тригонометрию не учили. Так весь урок Сегута пошел впустую.

— Ну что ж, ничего не поделаешь. Офицер артиллерии должен знать тригонометрию, чтобы не попасть в своих. А в офицерском училище вас всему с азов учить не смогут. Сейчас заканчивайте подофицерскую школу и занимайтесь тригонометрией с курсантом Сегутом. Думаю, в следующий раз вам больше повезет,— закончил майор с улыбкой.

Комиссия многих не пропустила. Мы огорчались недолго, подтрунивая друг над другом, что так быстро захотели стать офицерами.

Тем временем на фронте Красная Армия вела тяжелые, героические бои. После сокрушительной катастрофы под Сталинградом гитлеровцы еще раз попытались нанести удар на восток, намереваясь окружить и занять Москву. На Курской дуге они сосредоточили мощные бронетанковые силы. Однако советское командование разгадало намерение противника. Несколько недель продолжалась ожесточенная, огромная по масштабам битва под Курском. В результате гитлеровские войска потерпели очередное поражение и были отброшены на несколько сот километров на запад.

Во второй половине августа наша дивизия провела свою «малую войну» — учения. По тревоге части дивизии выступили из лагеря, совершив 55-километровый марш-бросок с одновременной имитацией различных видов боевых действий с участием артиллерии, минометов и танков. Мы, курсанты, также приняли участие в учениях, будучи приданными отдельным артиллерийским батареям пехотных полков и 1-го артиллерийского полка. Это было наше первое учение в условиях, приближенных к боевым.

Учения показали, что, несмотря на имеющиеся еще не-

достатки в боевой подготовке, дивизия в основном готова к ведению боевых действий.

Теперь мы в полной мере почувствовали себя настоящими солдатами и на политзанятиях буквально засыпали подпоручника Аркушевского вопросами, когда же в конце концов мы двинемся на фронт.

— Потерпите еще немного. Пока совершенствуйте свою выучку, чтобы в бою чувствовать себя уверенней... А вообще-то, начальству виднее, — так обычно заканчивал он.

И вот наконец наступил этот исторический момент.

30 августа 1943 года на плацу по тревоге собрался весь личный состав 1-го артиллерийского полка и нашего подофицерского училища.

— Воины! Послезавтра, 1 сентября, в четвертую годовщину нападения гитлеровцев на нашу родину, 1-я пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко выступает на фронт,— сообщил заместитель командира полка по политико-воспитательной работе.

Его слова мы встретили с огромным энтузиазмом. Наконец-то на фронт! Наконец-то в схватке со смертельным врагом мы сможем расплатиться за горе и беды сентября 1939 года, за все муки польского народа, изнывающего под вражеской оккупацией!

На следующий день наша школа была расформирована. Мы быстро разобрали палатки и рассчитались со старшиной за имущество.

Начальник школы подпоручник Мицкевич зачитал приказ о присвоении нам соответствующих воинских званий и распределении каждого по частям и подразделениям дивизионной артиллерии, где нам предстояло служить.

Я в звании капрала был направлен в батарею полковой артиллерии 1-го пехотного полка и в тот же день прибыл к месту службы.

НА ВАРШАВСКОМ ШОССЕ

— Приветствую тебя в полковой батарее, — такими словами встретил меня ее старшина Юзеф Бялоокий. — У нас, как видишь, работы невпроворот. Сегодня ночью выходим из лагерей на фронт. Иди доложи о своем прибытии командиру батареи.

Вокруг и впрямь царило оживление. Артиллеристы готовили орудия к походу, ездовые проверяли сбрую и чи-

стили лошадей, а хозяйственники пополняли снаряжение и запасы питания. В каждой роте, батальоне и во всем полку шла срочная подготовка к маршу.

Командира батареи капитана Адама Бондаравца я нашел на плацу для построений. Он внимательно наблюдал за кипевшей работой.

— Так вы — после окончания подофицерской артиллерийской школы?.. Это хорошо, нам такие нужны. Жаль только, что вас одного к нам направили. — Капитан Бондаравец в разговоре мешал польские слова с русскими.— На сегодняшний день все должности командиров орудий у нас заняты, но вскоре произойдут некоторые изменения. На первых порах я вас прикреплю к первому огневому взводу под командованием капрала Байча. Знакомьтесь пока с организацией батареи и набирайтесь опыта.

Капитан Бондаравец был сравнительно молодым, лет тридцати пяти. Он оказался энергичным, самолюбивым и очень требовательным человеком. В начальный период формирования дивизии он был прикреплен в качестве инструктора, а затем из-за нехватки офицеров-артиллеристов поляков его назначили на должность командира батареи.

Его заместителем был поручник Мечислав Петруха, очень спокойный, уравновешенный сорокалетний мужчина. Вначале он исполнял обязанности командира, однако из-за отсутствия у него артиллерийской подготовки (до войны он служил в железнодорожных войсках) командование батареей было поручено Бондаравцу.

Взводом управления руководил подпоручник Станислав Кропатва — поляк, родившийся в Советском Союзе и раньше служивший в Красной Армии. Это был рассудительный, толковый офицер. Командиром отделения связи был тридцатилетний сержант[1] Юлиан Высоцкий. Обязанности командира взвода разведки исполнял капрал Вацлав Панасюк.

Батарея состояла из двух огневых взводов по два орудийных расчета в каждом. Командиром 1-го взвода был капрал Ян Байч — довоенный подофицер 6-го полка легкой артиллерии. Он принадлежал к числу тех, кто отказался перебираться с Андерсом в Иран. Во главе первого расчета стоял капрал Юзеф Недзьвецкий — компанейский, умный, смелый и ловкий подофицер; впослед-

---

[1] Подофицерские звания Войска Польского времен второй мировой войны заменены по тексту принятыми в настоящее время — *Прим. ред.*

ствии он стал офицером-политработником. Вторым расчетом командовал капрал Стефан Хербут. Командиром 2-го огневого взвода был сорокадвухлетний хорунжий Стефан Козак — довоенный кадровый сержант польской армии. Это был очень дисциплинированный, подтянутый, можно сказать, образцовый офицер. С самого начала формирования батареи и на всем ее боевом пути он являлся ее душой и опорой.

Когда однажды июньским днем командир нашей дивизии полковник Берлинг, совершая обход расположения 1-го пехотного полка, вошел в землянку нашей батареи, то идеальный порядок в ней привел даже его в изумление. На окнах висели занавески, идеально заправленные спальные места на нарах сверкали чистотой. Во всем чувствовалась хозяйская рука. После этого нашу землянку всегда ставили в пример всем командирам и старшинам рот 1-го полка, а старший сержант Стефан Козак вскоре после этого получил звание хорунжего.

Командиром третьего расчета был капрал Францишек Курас, а четвертого — капрал Станислав Пивоварчик. Оба они были степенными кадровыми подофицерами довоенной школы и хорошими служаками.

Взводом боевого обеспечения командовал умный, рассудительный поручник Михал Хубай. В 1939 году он принимал участие в боях с немцами под Львовом, а в нашу 1-ю дивизию приехал из далекой Киргизии. Командиром одного из отделений в этом взводе был сорокалетний сержант Казимеж Кантынович, старшим ездовым — сержант Александр Кугель, санитаром — сержант Франтишек Каминьский, ответственным за боеприпасы — капрал Юзеф Бонк, а орудийным мастером — капрал Адам Трейтман. Все они были подофицерами в довоенной польской армии. Такую важную должность, как повар батареи, занимал у нас Гжегож Дерлятко, который в любой момент мог, по его словам, «из ничего сделать конфетку». На всем боевом пути батареи он кормил нас так, что никто никогда не жаловался.

Всего в составе батареи насчитывалось около 60 офицеров, сержантов и солдат.

Командир 1-го огневого взвода капрал Байч встретил меня очень тепло.

— Орудийные расчеты у нас подготовлены хорошо, только боевых стрельб по-настоящему еще не было. Большую работу по обучению бойцов провели хорунжий Ко-

зак и поручник Хубай. Польских инструкций по обслуживанию боевой техники не было, и им приходилось по ночам переводить с русского на польский различные наставления и самим подыскивать соответствующую польскую терминологию, чтобы днем проводить занятия с артиллеристами.

— Еще есть недоработки, но на фронте все отшлифуется,— вводил меня в курс дела на батарее капрал Байч. — Пока будешь внештатным заместителем командира первого расчета Недзьвецкого. А инструкцию по стрельбе знаешь? — поинтересовался он.

— Знаю назубок, — ответил я. — Наш командир училища крепко вбил нам это в голову. А наша батарея будет вести огонь с закрытых огневых позиций?

— Конечно. Главная задача батареи — непосредственная поддержка наступления пехоты огнем прямой наводкой, но, естественно, мы должны быть готовы вести огонь и с закрытых позиций. В свободное время напомнишь мне правила, я в них не очень-то разбираюсь. — Капрал Байч как-то незаметно перешел на «ты». — Зови меня Ян, — он протянул мне руку. — Как стемнеет, выступаем, — добавил он напоследок.

Командир первого расчета капрал Недзьвецкий был молодым, вежливым и очень общительным человеком. Он знал, что его переведут на другую должность, и поэтому не считал меня своим конкурентом. Он обстоятельно стал рассказывать мне о состоянии боевой выучки расчета и условиях жизни в батарее.

Расчет первого орудия состоял в то время из следующих бойцов. Наводчиком был восемнадцатилетний Чеслав Кугель, сын сержанта Казимежа Кугеля — нашего старшего ездового. Заряжающим был двадцатичетырехлетний Кароль Павлик, который, как и я, служил прежде в Красной Армии. Замковым был двадцатичетырехлетний Францишек Камер, а установщиком — двадцатидвухлетний Стефан Чарнецкий. Подносчиками снарядов были сорокалетний Юзеф Зубер и двадцатилетний Ян Галицкий. Ездовыми являлись двадцатичетырехлетний Роман Павликовский и его ровесник Вацлав Казимерчак.

Поздним вечером 31 августа в походной колонне 2-го батальона наша батарея покинула селецкие лагеря, которые в течение трех последних месяцев были для нас как бы островком родной земли. Освободившиеся наши землянки, бараки и палатки заняли солдаты вновь формиро-

вавшейся 2-й пехотной дивизии имени Ярослава Домбровского, а также артиллерийской бригады имени Юзефа Бема. А мы на следующий день погрузились на станции Рыбное в эшелон и двинулись на запад, на фронт.

Орудия и зарядные ящики мы укрепили на платформах, а сами разместились в теплушках. На платформах и крышах вагонов стояли станковые пулеметы и противотанковые пушки, нацеленные в небо и готовые отразить налет вражеской авиации.

Ночью в нашем вагоне неожиданно все оживились. Дело в том, что в темноте в нескольких километрах от железной дороги мы увидели многочисленные огни какого-то большого города.

— Как же так? Прифронтовая зона — и нет затемнения?! — удивлялись мы.

На одной из остановок я спросил проходившего мимо железнодорожника:

— Что это был за город? И почему у него нет затемнения?

— Это Москва, — рассмеялся он при виде моих округлившихся глаз. — Да, да, Москва, только, ясное дело, не настоящая, а фальшивая, чтобы сбить с толку гитлеровских летчиков. Пускай сбрасывают бомбы в чистом поле!

— Вот это да! Умно, ничего не скажешь! — воскликнул капрал Недзьвецкий, потирая руки от удовлетворения. — Нужно и нам взять этот метод на вооружение, ребята!

На четвертый день пути мы миновали разрушенную Вязьму, и под вечер наш эшелон остановился на маленькой, разбитой бомбежками станции Семлево. Быстро скатив с платформ орудия и зарядные ящики, мы углубились в ближайшие леса.

Район нашего размещения находился в прифронтовой полосе, вблизи поселка Степанково на берегу реки Вязьма. В этом лесу еще недавно был лагерь противника, затем разместились советские части. Мы использовали оставшиеся землянки, шалаши и все другие лагерные объекты, а затем построили новые сооружения и привели всю территорию в образцовый порядок. Конечно, мы не имели здесь таких удобств, как в Сельцах. Там все мы жили в большой удобной землянке, спали под одеялами и на чистых простынях. А здесь, неподалеку от фронта, землянки были низкими и тесными, вмещавшими самое большее по одному расчету. Спали мы на охапке листьев

и веток, плащ-палатка заменяла простыню, а одеяло — солдатская шинель, под которой, однако, спалось так же хорошо, как и под настоящим одеялом.

В лагере и его окрестностях нам приходилось соблюдать надлежащую осторожность, поскольку гитлеровцы, отступая в спешке, оставили после себя множество мин, других боеприпасов и различного рода оружия.

До нас доходили отголоски артиллерийской канонады и взрывов бомб. В темноте на горизонте мы видели обшаривающие небо лучи прожекторов. Над нашими головами гудели самолеты, неустанно напоминая о близости фронта.

Мы находились в полосе Западного фронта, во втором его эшелоне. В связи с этим полки дивизии приступили к организации круговой противотанковой и противовоздушной обороны. Это требовало напряженного труда: приходилось выполнять большой объем земляных работ, отрывать гнезда для орудий, блиндажи, пехотные окопы, ходы сообщения и делать многое другое. Началась подготовка к боям. Прежде всего предстояло устранить замеченные на учениях в Сельцах ошибки. Так, совершенствуя военную выучку, костюшковцы готовились к суровой фронтовой жизни.

Я тем временем продолжал осваиваться в батарее: изучал на практике ее организацию, ход боевой учебы и, конечно, знакомился с людьми.

Капрал Францишек Курас, командир третьего расчета, представил мне восемнадцатилетнего паренька — наводчика Адама Бронецкого:

— В полк он прибыл вместе со мной из Свердловской области. Худющий, высоченный такой. Меня тогда сразу же направили в батарею, а его решили послать в пехоту.

— А я сказал, что буду артиллеристом, и вот своего добился! — заметил Бронецкий. — Ведь наш капрал столько рассказывал об артиллерии, о том, как громко, далеко да метко стреляют пушки, что мне и в голову не приходило идти в пехоту! И когда нас разъединили, мне так досадно стало, что я расплакался как ребенок, а потом стал умолять комиссию направить меня в артиллерию.

— Пришлось мне вмешаться,— добавил, улыбаясь, Курас, — и просить капитана из комиссии, чтобы разрешил взять парнишку с собой. Сказал, что он, мол, крепкий и трудолюбивый, только отощал немного, что он уже успел

и на шахте поработать и что я обещал его старику отцу позаботиться о парне...

— И капитан в конце концов согласился определить меня в батарею, — добавил Адам.— Только на прощание предупредил, чтобы я больше не распускал нюни, так как это не пристало артиллеристу, — рассмеялся Бронецкий.

— Ничего, пока оправдывает доверие. И в службе, и в учебе — молодец! — похвалил его Курас.— Вместе постигаем военную науку, чтобы лучше бить гитлеровцев. А вообще мы с ним как отец с сыном. Правда, в соседней батарее противотанковых пушек настоящие отец с сыном служат — сержант Дионизий Краевский и сын Анджей.

Подружился я и с командиром отделения связи Юлианом Высоцким. Он также представил мне свою «ватагу»:

— Вот мои самые надежные телефонисты Станислав Сежпутовский и Хенрик Галлер. Их даже молния не взяла, — он похлопал по плечам двух молодых парней.

— Как это?

— Как? Дело было в Сельцах, в июле. — Сежпутовский, симпатичный высокий брюнет, заулыбался и стал рассказывать: — День, помнится, был жаркий и душный. Наше отделение связи направилось в лес на учение, километра за два от лагеря. Темой занятий было установление телефонной связи между наблюдательным пунктом батареи и огневыми позициями орудий. Мы приступили к работе, и в положенное время линия была готова. Все шло нормально. Неожиданно над лесом нависла большая туча, началась гроза. Молния ударила в высокую сосну, через которую был протянут телефонный кабель. Кабель мгновенно сгорел. Рядом со мной находился Галлер, и нас... слегка ударило. — Он громко рассмеялся.

— Услышав удар, я побежал туда, — продолжил рассказ Высоцкий, — смотрю: вся аппаратура сгорела, а эти двое лежат без движения. Мы сразу же отнесли их на плащ-палатках в батарею, а потом — в госпиталь...

Ребят лечили в течение нескольких дней. У них оказались сильные ожоги ног. Особенно в тяжелом состоянии находился Сежпутовский. Он долго потом ходил с трудом, так как у него еще раньше были отморожены пальцы ног.

— Теперь ноги у нас в порядке, правда, Хенрик? — Сежпутовский сказал это скорее утвердительным, чем вопросительным тоном, обращаясь к товарищу по несчастью.

После нескольких дней моего пребывания в батарее меня вызвал к себе капитан Бондаравец.

— Ну что ж, капрал, наверное, хватит ходить в стажерах, — сказал он. — Времени в обрез. Сегодня примете командование первым расчетом у капрала Недзьвецкого. Он переходит на должность заместителя командира первого взвода по политико-воспитательной работе. Желаю успеха.

Это воодушевило меня: ведь в мое подчинение поступали восемь человек. Конечно, орудийный расчет — это самое первичное артиллерийское подразделение, но от точности и правильности его действий зависело исполнение важных боевых заданий.

Расчет первого орудия встретил меня приветливо. У меня уже до этого установились с ребятами прекрасные отношения. Я, конечно, требовал неукоснительно соблюдать воинскую дисциплину, а также четко выполнять поставленные задачи. Ребята хорошо понимали меня. Наш коллектив был дружный, в стрельбе показывал хорошие результаты, а отношения внутри расчета, как, впрочем, и во всей батарее, были самые товарищеские.

В середине сентября 1-я пехотная дивизия имени Т. Костюшко приняла свое боевое крещение. Генерал Берлинг решил ознакомить пехотинцев с артиллерийским огнем и на ближайшем полигоне организовал учения по теме: «Наступление пехоты вслед за артиллерийским огневым валом».

Моя батарея тоже принимала участие в этих учениях. В начальной их стадии мы должны были вести огонь с закрытых огневых позиций, а затем, после того как наша пехота «прорвет» линию обороны «противника», — поддерживать ее дальнейшее наступление прямым артиллерийским огнем.

14 сентября батарея развернулась к бою. Капитан Бондаравец и поручник Кропатва вместе с отделением разведки и телефонистами расположились на наблюдательном пункте вблизи первой линии нашей пехоты. В тылу, за лесом, на расстоянии около трех километров, заняли позиции два наших огневых взвода — по два орудия каждый. Все проходило так, как в настоящем бою, с той лишь разницей, что «противник» нас не обстреливал. Орудия окопали и замаскировали. Офицер по управлению огнем поручник Петруха поддерживал телефонную связь с наблюдательным пунктом. Была произведена пристрел-

ка вспомогательных целей. Приближался решающий момент. Пехота должна была начать наступление вслед за стеной огня, а мы, артиллеристы, — прикрывать ее, образовав огневой вал силами артиллерии и минометов.

Командиры взводов — хорунжий Козак и капрал Байч давали своим подчиненным последние указания.

— Обращать внимание на действия наводчиков, на точное исполнение ими всех правил стрельбы, а также на соблюдение правил безопасности расчета... — еще и еще раз напоминал Байч.

Наконец раздалась долгожданная команда:

— Батарея! Прицел шестьдесят четыре, осколочно-фугасным, взрыватель мгновенного действия... Огонь!

Мощный грохот нескольких десятков орудий потряс воздух. Стреляли пушки разных калибров: наши полковые 76-миллиметровые, 122-миллиметровые гаубицы и полевые 76-миллиметровые орудия типа «ЗИС-3», находившиеся на вооружении 1-го артполка, а также полковые 120-миллиметровые и батальонные 82-миллиметровые минометы. Расчет моей батареи вел огонь слаженно и метко. Некоторые артиллеристы затыкали себе уши: ведь это были наши первые боевые стрельбы.

После нескольких выстрелов вдруг раздалась команда с наблюдательного пункта:

— Стой! Стой! Прекратить огонь!

Нас это удивило. Орудия смолкли. Оказалось, один снаряд чьей-то батареи не долетел до цели и разорвался в цепи нашей наступающей пехоты. Несколько солдат получили тяжелые ранения.

Это известие потрясло нас. Кто же в этом был виновен? Расследование показало, что несчастный случай произошел в результате технического дефекта — неполного заполнения гильзы порохом, отчего снаряд упал слишком близко. Что ж, на войне всякое бывает...

На следующий день стрельбы возобновились. Учения, в ходе которых отрабатывалось наступление пехоты за огневым валом артиллерии, показали, что костюшковцы хорошо подготовлены к боям. Взаимодействие с пехотой было прекрасным. Лавина снарядов падала на необходимом расстоянии в непосредственной близости от пехотной цепи.

Тем временем на фронте развернулись ожесточенные бои. Советские войска перешли в наступление. Через несколько дней упорных сражений они сломили сопротивле-

ние противника и начали его преследовать, продвигаясь в направлении Смоленска. Мы с радостью узнали о капитуляции Италии. Это серьезно ослабляло силы гитлеровской Германии.

Все эти приятные известия значительно повышали боевое настроение воинов нашей дивизии. Политработников забрасывали вопросами, смысл которых сводился к одному: когда же наконец и мы пойдем на фронт?

— Теперь уже скоро, — отвечали они. — Приказ может поступить со дня на день.

23 сентября все небо затянуло густыми низкими тучами. После обеда поступил приказ готовиться к маршу. Моя батарея в походной колонне 1-го батальона 1-го пехотного полка выступила в западном направлении. Мы вышли на Варшавское шоссе, по которому когда-то, в 1812 году, двигалась на Москву армия Наполеона и по которому потом отступали ее жалкие остатки. По этому шоссе осенью 1941 года рвались на восток танковые армии Гитлера, а теперь под напором победоносных советских войск фашисты поспешно отступали на «заранее подготовленные позиции». Однако враг был еще очень силен, и все мы отдавали себе отчет в том, что нас ожидают тяжелые, кровопролитные бои.

Мы шли под холодным, проливным дождем и резким, порывистым ветром. В начале пути нас защищали от непогоды знаменитые плащ-палатки, но спустя некоторое время перестали помогать и они. Мы промокли до нитки и очень продрогли. Однако, несмотря на погоду, настроение у бойцов было отличным. Шутки слышались и в походе, и на привалах у костров, которые удавалось с огромным трудом разжечь.

Наш штатный остряк Мищук никогда не терял присутствия духа.

— У нас теперь два зонтика,— с серьезным видом утверждал он. — Один — плащ-палатка, а другой — плотные слои дождевых облаков. Второй зонтик к тому же прикрывает нас и от воздушных налетов.

С этой точки зрения нам, действительно, везло. В хорошую погоду марш всей дивизии наверняка бы не удался, а в таких условиях, под прикрытием сплошной облачности и дождя, и поспать можно было по ночам, и наутро опять двигаться на запад.

— Я надеюсь, дождь не зальет кухню нашего Дерлят-

ко, — Мищук громко причмокнул, — а он-то уж постарается приготовить нам на ужин что-нибудь эдакое...

— Правильно надеешься,— улыбнулся старшина батареи Бялоокий.— Дерлятко поклялся во что бы то ни стало сварить полный котел какого-то изысканного супа. А еще он сказал, что Мищуку положена добавка, чтобы не истощил его трудный марш.

— Ты серьезно? — обрадовался Мищук, который никогда не наедался досыта. — Ну, тогда придется помочь ему картошку почистить!

А дождь все не прекращался. На ночь мы остановились в какой-то полуразрушенной деревне. Усталые донельзя, мы с радостью воспользовались найденной соломой и, зарывшись в нее, уснули мертвым сном. К утру дождь перестал, но значительно похолодало.

Мы двинулись дальше, и снова заморосил мелкий, холодный дождь, однако он не мог задержать нашего продвижения на запад.

Этот утомительный поход надолго остался в памяти каждого костюшковца. Нас не остановили ни разрушенные мосты, ни разбитые дороги с глубокими воронками от бомб. Не раз нам пришлось изрядно потрудиться, помогая измученным лошадям вытаскивать из грязи тяжелые повозки и орудия или тащить их по бездорожью, когда нужно было обходить опасные участки пути.

Деревушки и поселки, через которые мы проходили, представляли собой грустное зрелище. Как правило, все они были сожжены или разрушены до основания. Население скрывалось от гитлеровцев в лесах, и теперь изголодавшиеся, измученные жители понемногу возвращались на пепелища в свои села. Печальный вид представлял также и древний Смоленск: город почти целиком лежал в развалинах. Он был освобожден советскими войсками 25 сентября, а в ночь на 3 октября, когда мы проходили по разрушенному городу, во многих его районах еще полыхали пожары.

Гитлеровцам пришлось отступать внезапно и в спешке. Везде на нашем пути попадалось множество брошенного немецкого военного снаряжения и техники. Разбитые почтовые машины с кипами писем тоже свидетельствовали о паническом отступлении врага. Тон писем немецких солдат своим семьям стал явно минорным и резко отличался от прежнего самоуверенного «Зиг хайль!». По-

ручник Хубай, хорошо знавший немецкий, частенько потом использовал эти письма в своих политбеседах с солдатами.

Наш ускоренный марш продолжался. Погода улучшилась, дождь перестал, и из-за облаков выглянуло солнце. Однако теперь фашистская авиация возобновила свои разведывательные полеты и бомбардировки во всей прифронтовой полосе. Особенно они держали под прицелом «варшавскую дорогу». Нам приходилось передвигаться только по ночам, а днем мы углублялись в лес и отдыхали. Из шести плащ-палаток мы скорехонько собирали одну большую удобную палатку, в которой помещался весь орудийный расчет, свободный от дежурства. На подстилках из листьев спалось очень крепко. «Как у мамы на перине», — говорил в таких случаях Мищук.

С каждым днем мы приближались к линии фронта. О его близости свидетельствовали многочисленные огневые точки зенитной артиллерии, мимо которых мы проходили, а также скопления советских войск. Нас сердечно приветствовали советские солдаты. Они с любопытством присматривались к нашему обмундированию и вооружению.

— Смотри, смотри, Степа! Американцы! — услышали мы как-то ночью.

— Спятил ты, что ли? Это поляки из 1-й пехотной дивизии Тадеуша Костюшко, союзники наши. На фронт идут. Вместе будем фрицев бить, — смеясь, объяснял товарищу невидимый в темноте солдат.

— Привет союзникам! — кричали нам бойцы, приветствуя нас.

— И 76-миллиметровые орудия у них есть! — радостно и удивленно восклицали артиллеристы при виде наших полковых пушек. — Хорошие орудия, если их умело использовать.

9 октября 1-я пехотная дивизия имени Т. Костюшко прибыла в район своего сосредоточения, находившийся вблизи населенных пунктов Ладище, Захвидово и Буды. Наш 1-й пехотный полк разместился в районе деревни Панково. Прежняя линия фронта проходила в семи километрах западнее нас. Теперь мы отчетливо слышали отголоски фронта: артиллерийские залпы и глухой перестук пулеметов.

Перед обедом с запада появился гитлеровский двухфюзеляжный разведывательный самолет, прозванный сол-

датами «рамой», и стал медленно кружить над нашим районом.

— Все в укрытие! Не выходить на открытую местность! Самолет фотографирует наше расположение! — кричали офицеры.

Наш марш закончился. Теперь нас ждали бои.

ПЕРВЫЙ БОЙ КОСТЮШКОВЦЕВ

10 октября 1943 года в батарее царило необычное оживление. Артиллеристы проверяли техническое состояние своих орудий, проводили примерку оптических приборов, чистили оружие. Доносившиеся до нас с линии фронта отчетливые звуки артиллерийской канонады заставляли нас внутренне собраться, подтянуться. Ведь нас ожидал первый бой, боевое крещение, а это для каждого из его участников всегда волнующее событие, полное неизвестности. Однако у нас у всех было глубокое убеждение, что в своем первом бою мы одержим победу.

— Товарищ капрал, когда же наконец мы откроем огонь? — спросил командира взвода наводчик первого орудия Чеслав Кугель. — Ведь мы торчим здесь почти сутки. С дороги уже отдохнули, так что пора уж идти на передовую и бить по фрицам!

— Спокойней, парень, не волнуйся, — успокаивал его капрал Байч. — Скоро постреляешь вволю.

Командир батареи капитан Бондаравец в сопровождении поручника Петрухи и подпоручника Кропатвы отправились с группой разведчиков и связистов выбирать места для наблюдательного пункта и огневых позиций батареи. Все надлежало выполнить в установленный срок и в положенной очередности.

— Сегодня на рассвете первый батальон под командованием майора Ляховича уже вышел на свои рубежи на передовой,— проинформировал нас капрал Недзьвецкий.— Он сменил там советские части, которые гнали гитлеровцев от самой Вязьмы.

Командир батареи и его сопровождающие подошли к линии нашей обороны, миновали деревню Моисеево, расположенную примерно в полукилометре от передовой, и, осторожно пробираясь между деревьями, стали спускаться по склону оврага. Внезапно над их головами зашипели артиллерийские снаряды. Бондаравец успел крикнуть:

«Ложись!» — и в тот же миг менее чем в ста метрах от группы в воздухе с грохотом взорвались вражеские снаряды.

— Смотрите-ка, осколочными бьют, — будто с удивлением заметил командир батареи. — Чуть поближе — и нас бы не было...

— Ну что ж, ребята, вот вам и боевое крещение, — спокойно произнес Высоцкий. Его связисты Галлер и Крашевский не шелохнувшись стояли с подвешенными за спиной катушками с кабелем.

Немецкая артиллерия время от времени обстреливала Моисеево, окрестные холмы и переднюю линию нашей обороны. Били из шестиствольных минометов, а также осколочными снарядами, которые, разрываясь на высоте нескольких десятков метров над землей, поражали осколками рассыпавшихся на открытой местности солдат.

Наша артиллерия не оставалась в долгу. Поддерживавшие нас советские батареи очень часто обрушивали короткие огневые удары по обнаруженным целям противника.

— Когда мы подошли почти вплотную к передовой, то притаились в придорожном кювете и внимательно осмотрелись, — рассказывал нам впоследствии командир отделения разведки капрал Панасюк. — А гитлеровские снаряды — шик-шик над нами и разрывались вблизи Моисеево.

Бондаравец и Кропатва выбрали под наблюдательный пункт высотку неподалеку от деревни Моисеево. Теперь нужно было незаметно пройти туда.

— Туда пойдут лишь четверо, — решил командир. — Я, подпоручник Кропатва, бомбардир[1] Высоцкий и капрал Панасюк. Остальные пока останутся здесь, в безопасном месте.

В следующую минуту все четверо ползком, используя мертвое пространство, двинулись к намеченной цели и вскоре достигли высоты.

— Да, место для НП выбрали хорошее. — Командир был доволен. — Обзор широкий, прекрасно видно передовую линию гитлеровской обороны. Здесь и обоснуемся.

Напротив высотки в низине расстилались широкие, вязкие, поросшие кустарником болота, среди которых протекала небольшая речушка Мерея. За ней, с левой сто-

[1] Бомбардир — воинское звание в артиллерии Войска Польского, соответствует ефрейтору. — *Прим. ред.*

роны, виднелся разрушенный поселок Ленино. Вдали, несколько правее от него, в глубине вражеской обороны находилась деревня Трегубово; еще дальше вправо — деревня Ползухи.

Гитлеровцы обосновались на холмах за Мереей. Их передняя линия обороны проходила вдоль цепи холмов, тянувшихся за Ленино, а затем спускалась к подножию высоты 215,5 и дальше через Ползухи. Оборона была искусно приспособлена к рельефу местности, хорошо укреплена. Она располагалась на высоких холмах, что обеспечивало хорошие условия для наблюдения за нашими позициями.

Передний край пехоты проходил как раз под нами, по склонам возвышенностей на восточном берегу Мереи. Он начинался от Ленино и тянулся до Сысоево. Наступление нашей дивизии в полосе шириной до двух километров должны были поддерживать советские артиллеристы — бригада гаубиц, два полка легкой артиллерии, минометный полк, а также тяжелая артиллерия и ракеты армейской артиллерийской группы, что в сумме составляло свыше 400 орудий и минометов. Нашими соседями слева и справа были две советские дивизии, понесшие значительные потери в ходе продолжительных боев. Их численность составляла едва одну треть штатного состава, т. е. в каждой было примерно по четыре тысячи бойцов.

Наша дивизия была в полном составе и насчитывала 12 177 человек, поэтому командир 33-й армии генерал-полковник Гордов, которому мы были подчинены, очень на нас рассчитывал.

— Наша батарея сначала примет участие в артиллерийской подготовке наступления пехоты, а затем будет поддерживать своим непосредственным огнем действия пехоты в глубине вражеской обороны. Капитан Панасюк должен организовать наблюдение за обороной противника в обозначенном секторе, а бомбардир Высоцкий должен развернуть и поддерживать кабельную связь с отдельными орудийными расчетами, находящимися в пятистах метрах за деревней Моисеево. Необходимо также вырыть для наблюдательного пункта блиндаж, а также сделать над ним надежное перекрытие для безопасного отдыха и на случай вражеского артиллерийского обстрела, — так закончил свой боевой приказ капитан Бондаравец.

Утром 11 октября наша батарея снялась со своих позиций и начала подходить к передней линии фронта. Местность была почти плоская, кое-где слегка холмистая и полностью открытая. Лишь изредка ее разнообразили небольшие кустики и отдельно росшие деревья. Километрах в пяти от передовой нам начали встречаться многочисленные замаскированные огневые позиции советской артиллерии. Мы остновились в зарослях кустарника вблизи деревни Пузики. До фронта оставалось еще почти четыре километра, и продолжать движение дальше было нецелесообразно.

Здесь впервые мы увидели воздушный бой. С запада неожиданно появились два вражеских бомбардировщика, явно намереваясь атаковать ближайшие огневые точки советской артиллерии, однако тотчас же с восточной стороны показались три краснозвездных истребителя, которые молниеносно обрушились на самолеты врага. В воздухе разгорелся бой. Самолеты обстреливали друг друга из пулеметов и орудий, но ни один из них не падал на землю. Это казалось нам совершенно непонятным. Наконец советские самолеты сбили один бомбардировщик. Фашистские летчики выпрыгнули с парашютами на поле. Многие из нас тогда впервые увидели пленных немцев.

Во второй половине дня поручник Петруха собрал командиров взводов и расчетов, и мы направились в район деревни Моисеево определять места для орудийных окопов.

— Наши позиции будут находиться здесь, в этой ложбинке. — Заместитель командира батареи показывал рукой на участок пустого поля. — Первое орудие будет вон там. Направление: 44-00. Ориентир: сзади слева — верхушка одинокого дерева, — он указал на сухой, высокий ствол.— Интервал между орудиями — пятнадцать метров. Когда стемнеет, подтащить орудия и боеприпасы, а также приступить к оборудованию огневых позиций, которые должны быть готовы до восьми вечера. Завтра утром дивизия идет в наступление. Наша батарея примет участие в артиллерийской подготовке, будет вести огонь отсюда, с закрытых огневых позиций, а затем огнем прямой наводкой будет поддерживать бой пехоты в глубине обороны противника.

Мое первое орудие стояло на правом фланге, и по нему контролировали направление огня, на него равнялась вся батарея. Хорунжий Козак в качестве старшего по зва-

нию командира огневого взвода определил место расположения каждого орудия. Первым слева должно было находиться орудие капрала Хербута, рядом с ним третье — капрала Кураса, а на левом фланге — четвертая пушка капрала Пивоварчика. Мы внимательно осмотрели местность. Прямо перед нами на расстоянии около пятисот метров виднелись постройки деревни Моисеево. Местность была открытой, лишь кое-где на огородах виднелись отдельные плодовые деревья.

По обе стороны от нас еще около десяти таких же групп, как наша, выбирали огневые позиции для своих минометных или артиллерийских батарей. Солнце клонилось к западу. Гитлеровские «рамы» в воздухе не появлялись, и мы еще до захода солнца принялись отрывать окопы для укрытия орудий.

— Капрал Рутковский, уже темнеет, — обратился ко мне Байч. — Возьмите для компании одного артиллериста, сходите в деревню Пузики и передайте распоряжение доставить сюда орудия. Окопы сейчас будут готовы, и нужно быстро установить пушки на свои места.

Вскоре вместе с бойцом Камером я отправился полевой дорогой к орудиям. Над белорусскими полями быстро опускалась ночь. На ясном, безоблачном небе появились звезды, а в двух километрах отсюда, над линией фронта то и дело взлетали в небо ракеты, освещая линию обороны противника. Оттуда доносились звуки отдельных винтовочных выстрелов и автоматных очередей.

— Ездовые с орудиями и четыре зарядных ящика с боеприпасами уже давно ждут отправки на места,— доложил мне старший ездовой бомбардир Кугель. — А как там на фронте? Только держитесь да стреляйте лучше!

— Везите, везите, — нетерпеливо подгонял нас мой ездовой Павликовский.

— Только бы не заблудиться в темноте да на фрицев не нарваться...

— Ничего, не бойтесь! Мерея вас туда не пропустит.

— Это кто такой? — искренне удивился один из бойцов по фамилии Казимерчак.

— Не «кто», а река. Она протекает как раз между нашими и гитлеровскими позициями. — Камер аж затрясся от смеха.— Сразу видно, что в тылу сидишь,— уколол он Казимерчака.

Через несколько минут вся наша колонна прибыла в район огневых позиций батареи. Пушки установили в

боевое положение, построили параллельный веер. Боеприпасы были сложены в окопах, и поручник Петруха доложил по телефону командиру батареи, находившемуся на наблюдательном пункте, о готовности боевых расчетов к ведению огня.

— Бомбардир Кугель, — обратился Петруха к старшему ездовому, только что прибывшему па огневую позицию,— завтра через пятнадцать минут после окончания артподготовки сюда должны прибыть лошади и четыре зарядных ящика с боеприпасами. Отсюда двинемся для непосредственной поддержки огнем нашей пехоты.

— Ну, Чеслав,— обратился старший Кугель к своему восемнадцатилетнему сыну, который был наводчиком моего орудия, — ну, парень, теперь держись и стреляй метче, да не робей.

— Есть, батя. Все будет в порядке, — ответил юноша и обнял отца.

Через несколько минут на огневую позицию прибыл с кухней старшина батареи Бялоокий. Он привез нам сытный, горячий ужин. Повар Дерлятко на этот раз сам предлагал всем добавки.

— Ешьте, ребята, — приговаривал он, — ешьте, завтра еще до рассвета привезем вам такой завтрак, что пальчики оближете.

Нас не надо было долго уговаривать. Когда наелись досыта и наговорились, всех собрал капрал Недзьвецкий и каким-то особо торжественным голосом огласил специальный приказ генерала Берлинга, содержание которого мне запомнилось на всю жизнь:

— «Товарищи по оружию! Перед нами смертельный враг. Наступил наконец желанный час, пришло время кровью отомстить немцам за слезы, пепелища, за погибших и униженных. Огромные мучения принесли немцы нашей отчизне... Пусть же ваши штыки и ваши снаряды разят спокойно и уверенно, как топор дровосека...

Велика и тяжела наша задача. Мы должны выполнить эту задачу, и мы ее выполним. Мы пробьем себе путь к Польше и принесем ей свободу и независимость...

Вперед в бой, солдаты Первой дивизии!

Перед нами великая, святая цель, а на ее пути — смертельный враг. Путь в Польшу ведет через его труп.

В бой и к победе!

Да здравствует Польша!»

Вся батарея с огромным вниманием выслушала приказ. Мысленно мы все видели измученную родину и отчий дом, дорогих сердцу наших близких, с нетерпением и в горе ожидавших нас. Однако на пути к ним стоял вооруженный до зубов смертельный враг, которого нам предстояло разбить...

— Друзья, я уверен, содержание этого приказа выражает ваши чувства, желания и цели, надежды каждого костюшковца, — сказал капрал. — Перед нами великая цель — освобождение нашей несчастной родины. Наверняка нас ждет тяжелая борьба. И каждый, конечно, хотел бы остаться в живых... Но польский солдат всегда умел сражаться самоотверженно и геройски. Здесь, на советской земле, мы также должны доказать, что достойны быть продолжателями самых доблестных боевых традиций польского народа.

Мы разошлись в приподнятом настроении.

Медленно тянулась ночь накануне битвы под Ленино. Работы по сооружению огневых позиций были в основном закончены еще до полуночи, однако никто и не подумал хотя бы о коротком сне. Командиры взводов проверяли готовность орудий к ведению огня и отдавали последние распоряжения. Многие бойцы то и дело посматривали в сторону противника, в направлении Моисеево, как бы пытаясь отгадать тайну исхода ожидавшего нас боя. В окопах, потягивая цигарки и тщательно разгоняя дым, вполголоса вели разговор солдаты.

— Наконец-то дождались... Опять пойдем на гитлеровцев, повоюем, — радовался капрал Курас, который еще в сентябре 1939 года принимал участие в сражениях. — Слушай, Пивоварчик, — хлопнул он соседа по спине, — рассчитаемся с ними, а?

— Пан Зубер, — обратился молодой артиллерист Галицкий к пожилому солдату, — на фронте ведь все бывает. Если со мной что случится, сообщите, пожалуйста, моей матери, она живет в Алтайском крае. Вот адрес, — он передал сложенный лист бумаги. — Скажите ей, что я... погиб за Польшу.

— Ты что, Янек, спятил? Откуда у тебя такие мысли? — одернул его всегда спокойный и уверенный в себе Павлик. — Солдат не должен думать о смерти! А если уж и погибнет, то не должен сразу печалить своей смертью близких. Вот мне с моим отделенным хорошо, — вдруг рассмеялся он. — В случае нашей гибели и писем об этом

не отправишь. Наши родители живут за линией фронта, в Польше. В случае чего они узнают о нас лишь тогда, когда к ним придет освобождение. А тогда уж не будет такого горя...

Он был прав. Мы были призваны в Красную Армию еще до нападения фашистской Германии на СССР. Наши родные остались на Белостокщине, и с началом войны ни одно наше письмо до них дойти не могло.

Приближался холодный рассвет. Легкий морозец затянул лужи тонкой корочкой льда. Густой туман опустился над Мереей, над линией фронта. Тишину разорвал резкий телефонный звонок в окопе, где находился офицер по управлению огнем поручник Петруха. Это звонил Бондаравец с наблюдательного пункта.

— Батарея, приготовиться к созданию огневого вала на вражеских позициях! Прицел 80 и 84, двадцатью выстрелами из каждого орудия. Начало огня — в пять часов пятьдесят пять минут!

Отрывистая команда «К бою!» сорвала всех с мест. Все мгновенно оказались возле орудий. Последние приготовления — и прозвучала новая команда:

— Цель: окопы противника. Осколочно-фугасным, мгновенного действия...

Подносчик спарядов Жубер открутил колпачок взрывателя у снаряда и крикнул с воодушевлением:

— Разрывайся на тысячи осколков и бей врага!

Заряжающий Камер ввел поданный ему снаряд в открытую пасть ствола и от себя добавил пожелание, чтобы он упал прямо на головы гитлеровцам. Замковый Павлик закрыл ствол замком, наводчик Кугель проверил еще раз прицел и угломер и...

— Первое орудие готово! — доложил я, подняв руку вверх.

— Второе орудие готово! — крикнул капрал Хербут.

— Третье орудие готово! — спокойно, но громко сказал Курас.

— Четвертое орудие готово! — донесся с левого фланга голос Пивоварчика.

— За нашу любимую, многострадальную Польшу... По гитлеровцам... батаре-е-я, огонь! — прозвучала громкая команда поручника Петрухи.

Грохот сотряс все вокруг. Это стреляли польские артиллеристы. С этой минуты не стало слышно голоса офицера, управлявшего огнем. Командиры орудий ориентиро-

вались по руке поручника Петрухи, то вздымавшейся вверх, то резко опускавшейся.

Через пять минут кромешного ада, возникшего в результате артогня, наступила удивительная тишина.

— Товарищ командир орудия, а что, разве наступление дивизии отменили? — с беспокойством спросил всегда вдумчивый и интересовавшийся всем Янек Галицкий (до войны он успел закончить несколько классов гимназии, но из-за слабого здоровья и отсутствия необходимых командирских качеств его не выдвигали на командные должности).

— Не знаю,— искренне ответил я. — Был приказ выпустить по двадцать снарядов. Приказ мы выполнили, что дальше — узнаем.

Вскоре с НП пришло пояснение, что это был предварительный огневой налет, предшествовавший штурму 1-го батальона 1-го пехотного полка. Целью штурма была разведка боем состояния вражеской обороны.

— Батальон пересек болото и речку, — докладывал по телефону подпоручник Кропатва, — и ударил по высоте 215,5. Гитлеровцы открыли по нему с высоты сильный пулеметный огонь и вынудили наших залечь у подножия высоты и окопаться. Они будут там ждать огневой поддержки. Дальнейший огонь батарее открывать после сигнала о начале всеобщей артиллерийской подготовки.

В девять часов двадцать минут огневой залп «катюш» послужил сигналом к началу артиллерийской подготовки наступления. Мощный гул сотен орудий потряс воздух и перерос в непрерывную канонаду. Польские команды «Огня!» слились воедино с русскими «Огонь!».

Бомбардир Высоцкий передавал с НП по телефону свои наблюдения.

Мы узнали, что в 10.30 передовые батальоны 1-го и 2-го пехотных полков бросились в атаку на линию обороны гитлеровцев. Штурм нашей пехоты был дерзким и смелым. Солдаты шли цепью во весь рост, стреляя на ходу из автоматов и ручных пулеметов... Вот они пересекли уже болота и Мерею... Вот они ворвались на высоту и в первую линию вражеских окопов...

— Еще туман не рассеялся... Плохо видно, что происходит там, в окопах, но наверняка наши бьются здорово! — кричал в трубку Высоцкий. — Они попрыгали в окопы. Оттуда слышны только взрывы гранат!

Атака костюшковцев была героической и прошла блестяще. Они шли на свой первый штурм, бесстрашные и гордые, вызывая удивление и уважение у советских офицеров, наблюдавших за ходом боя. После короткой, но яростной схватки первая линия окопов противника оказалась в руках поляков, и костюшковцы ринулись на штурм следующей линии траншей.

Тем временем наша батарея через несколько минут после окончания артподготовки выступила вслед за наступавшими для непосредственной поддержки их огнем прямой наводкой. Мое орудие двигалось во главе колонны, состоявшей из четырех пушек и четырех зарядных ящиков с боеприпасами. Каждое орудие тянули две пары лошадей, которых вели два ездовых.

Мы уже подъезжали к Моисеево, как вдруг над верхушками деревьев показалась эскадрилья бомбардировщиков. Какое же это было счастье, когда у них на крыльях мы увидели звезды! Миновав деревню, встретили по пути нескольких пленных гитлеровцев, которых конвоировали в тыл наши солдаты.

Длинная колонна орудий и повозок приблизилась к исходным позициям нашей пехоты, которая полчаса назад пошла отсюда в атаку. Перед нами в кустарниках, тянувшихся в долине Мереи, притаились танки Т-34, готовые к переправе через болота и речушку, а дальше, на холмах, мы увидели наших солдат, продолжавших бой.

Вдоль топких берегов Мереи двигались батальоны второго эшелона. Внезапно из-за возвышенности прямо на батарею налетела эскадрилья вражеских самолетов. Цель для них была отличная: вся наша колонна стояла незамаскированная на открытой местности. Мы сломя голову кинулись в окопы пехоты. С воздуха на нас обрушились бомбы и град пуль. Раздались мощные взрывы. Земля заходила ходуном. Самолеты отлетели в сторону, будто удаляясь, но потом, сделав вираж, зашли снова на цель, прошивая все насквозь пулеметными очередями.

Наконец налет прекратился. Это был первый налет вражеской авиации на нашу дивизию. Наша батарея потеряла трех человек убитыми, было повреждено одно орудие и убито несколько лошадей.

В этом кромешном аду молодой ездовой Болеслав [illegible] пытался удержать перепуганных коней. Он не слышал ни криков товарищей, звавших его в укрытие, ни [illegible] падающих бомб...

Сорокалетний ездовой Почей Кусьнеж подъехал на своем зарядном ящике почти вплотную к четвертому орудию капрала Пивоварчика. Он вез пятьдесят снарядов. Всегда спокойный и уравновешенный, он и теперь не терял присутствия духа. Когда пикирующие бомбардировщики начали сбрасывать на нашу батарею бомбы, Кусьнеж соскочил с козел, чтобы удержать за узду очумевших лошадей. Ведь он вез такой драгоценный груз! Здесь и угодил в него осколок...

Мы быстро спустились с холма в низину и перевязали раненых, а затем отправили их в тыл. На передок поврежденного орудия мы положили тяжелораненого бойца Яна Рошковского, чтобы доставить в госпиталь. Когда мы были уже в Моисеево, на нас опять посыпались бомбы. Одна из них разорвалась рядом с орудием. От раненого Рошковского не осталось и следа, тяжелое ранение получил ездовой Казимерчак, а вот Павликовского даже не царапнуло. Вообще этот парень был счастливым: прошел до самого Берлина и ни разу не был ранен...

Батарея приблизилась к реке. Нам следовало поддержать огнем наступление пехоты в глубине обороны противника, но вдруг оказалось, что через Мерею не организована переправа для орудий. В торфяном грунте по берегу реки стали вязнуть лошади и колеса орудий и повозок. Слева от нас так же мучительно пытались выкарабкаться из торфяников наши танки, спешившие на помощь пехоте, ведущей тяжелые бои на холмах за рекой. В довершение всего гитлеровская авиация то и дело бомбила нашу пехоту и переправлявшиеся через Мерею танки. Сотрясаемые мощными взрывами, торфяники колыхались, как морские волны.

— Капрал Байч, возьмите нескольких солдат и быстро отправляйтесь на поиски брода,— лихорадочно распорядился Петруха, которому любой ценой хотелось переправить орудия на тот берег.

Байч без промедления отправился на поиски брода, взяв с собой Павлика и Бронецкого. Они перебрались через реку и на той стороне подошли почти к самой высоте. В соседнем овражке неожиданно увидели немецкий фургон. Стали подходить ближе, и в это время неподалеко от них разорвался снаряд. Очевидно, огонь вел немецкий танк, однако вблизи танка не было видно. Приглядевшись, они заметили, как танк медленно выползал из стога соломы. Кто-то выстрелил из противотанкового ружья. Танк

загорелся, да так быстро, что экипаж даже не успел выбраться.

— Товарищ поручник, переправа орудий через Мерею невозможна, нигде нет подходящего брода,— доложил Байч после возвращения.

Петруха только тихо выругался.

— Занять рубеж на склоне холма! — приказал он.— Обстреливать огневые точки врага в районе Ползухи. Хотя, ребята, это и не наш участок, но будем считать его своим и поддерживать огнем соседа справа.

Бой за Ползухи был особенно тяжелым. Пылающая деревня, которую несколько раз пытались штурмовать подразделения 2-го пехотного полка, в конце концов была взята, но гитлеровцы контратаковали, и с каждым разом все упорнее. Их атаки поддерживали авиация и танки. Костюшковцы вынуждены были отойти па восточную окраину деревни.

Наш сектор наблюдения обеспечивал отличный обзор обороны противника и был довольно удобным. Налево от деревни Ползухи находилось открытое поле шириной с полкилометра, протянувшееся почти до северного склона высоты 215,5, которая мешала наблюдать бой с участием солдат 1-го пехотного полка. Именно из-за этой высоты противник сейчас и контратаковал 2-й пехотный полк, сражавшийся за Ползухи.

Второе орудие заняло позицию в небольшой лощинке. Капрал Стефан Хербут увидел в бинокль наступавшую слева на Ползухи группу гитлеровцев. Серия снарядов, посланная в этом направлении нашей «двойкой», задержала немцев.

Мой наводчик Чеслав Кугель внимательно осматривал через панораму сектор слева от деревни.

— Товарищ командир, вон там, под кустиком, фашистский пулемет бьет по нашим! — крикнул он вдруг.

— Ну так долбани по нему пятью снарядами! Прицел сорок четыре, беглый огонь!

В это время на левом фланге дивизии наступал 1-й батальон под командованием майора Бронислава Ляховича. Капрал Владислав Хоронжий, прибывший в нашу батарею после битвы под Ленино, участвовал в том памятном штурме гитлеровских позиций в составе этого батальона. Он участвовал также в ликвидации яростных контратак немцев и пережил мощные налеты фашистской авиации.

— В то время я находился в первой роте. Нами командовал поручник Капустинский. С виду такой красавчик, но храбрый, ого-го! — рассказывал потом Хоронжий. — Взяли мы первую линию траншей, но не успели дух перевести, как сразу же команда: «В атаку на вторую линию!» Наши передовые роты уже были сильно потрепаны. Много людей погибло во время форсирования Мереи, потом под этой самой большой высотой и, наконец, во время атаки на первую линию. Гитлеровцы к тому времени уже пришли в себя после артподготовки. Их пулеметный и артиллерийский огонь все усиливался...

Тогда и погиб командир 1-го батальона майор Бронислав Ляхович. Командование принял его раненый заместитель по политико-воспитательной работе поручник Роман Пазинский, однако и он вскоре погиб от вражеских пуль. Солдаты наступали в какой-то отчаянной решимости. Овладев второй линией траншей, они ворвались в Трегубово, расположенное в полосе наступления советского полка, части которого, измотанные продолжительными боями, были приостановлены немцами сразу же после форсирования Мереи. Левый фланг батальона оказался оголенным. Положение становилось критическим. Гитлеровцы, почувствовав это, бросились в контратаку при поддержке нескольких танков и шестиствольных минометов. С воздуха их поддерживала авиация. Наряду с бомбами немецкие летчики сбрасывали также пустые бочки и другие предметы, издававшие при падении душераздирающий вой. Если бы у нас была достаточно надежная поддержка со стороны танков и артиллерии, мы наверняка не оставили бы Трегубово, однако наши танки увязли в болоте и нас поддерживали лишь несколько легких противотанковых 45-миллиметровых пушек и противотанковые ружья.

— Да, тяжело вам пришлось,— задумчиво произнес Павлик.— Очень хотелось вам помочь, но мы никак не могли переправить через топи Мереи наши тяжелые орудия. Ну да ведь кто первый раз идет в бой, тому трудно все учесть,— покачал он головой.

— Самое худшее,— продолжал Хоронжий,— что у нас кончились боеприпасы. Случалось и так, что наши солдаты кое-где отражали контратаки противника буквально последними патронами... Да... Примерно в трехстах метрах от деревни меня ранило в ногу. Вначале я даже боли не почувствовал, только будто кто плеткой стеганул

повыше колена. Потом бросило в жар, и уж нельзя было ногой пошевелить. Однако нам вовремя пришли на помощь — и мне, и батальону. В бой вступили второй и третий батальоны...

— Мы с ходу ударили по фрицам,— заговорил девятнадцатилетний солдат Зелькович из 8-й роты,— и ворвались в Трегубово. Гитлеровцы к тому времени подтянули резервы и вновь при поддержке танков обрушились на нас в яростной контратаке. Чтобы не попасть в окружение, мы отошли метров на четыреста от деревни и заняли там оборону. Под вечер меня тоже ранило...

В самый разгар боя за Трегубово на передовую прибыл заместитель командира дивизии полковник Болеслав Кеневич. Это был человек плотного телосложения, но вместе с тем очень подвижный и энергичный. Он взял на себя командование полком и спокойно организовал контратаку.

Четвертое орудие капрала Пивоварчика заняло позицию за кустом на краю болота.

— Ребята, обратите особое внимание на район левее деревни Ползухи,— приказал он артиллеристам.

Наводчик Юзеф Куликовский, прильнув к окуляру прицела, стал внимательно разглядывать поле боя, разгоревшегося на холмах за Мереей.

— Пивоварчик! — крикнул хорунжий Козак.— Сорок тысячных левее деревни, пятьсот метров вглубь, замаскированное в окопе гитлеровское противотанковое орудие ведет огонь по Ползухам. Уничтожить!

— Вижу! — обрадовался Пивоварчик.— Расчет, к бою! Прицел сорок! Осколочно-фугасным, мгновенного действия! Огонь!

Первый снаряд разорвался со значительным перелетом.

— Прицел тридцать восемь! Тремя снарядами, огонь! — прозвучала следующая команда.— Куликовский, внимательней целься!

Увидев, что находившееся в пятидесяти метрах правее от меня четвертое орудие открыло огонь, я решил тоже присоединиться и уничтожить опасную огневую точку противника.

— Пятью снарядами!.. Огонь! — приказал я моему расчету, уже готовому к стрельбе.

Мои ребята только этого и ждали. Снаряды, выпущенные из нашего орудия, взрывались вблизи гитлеровской

огневой точки и... своими разрывами заслонили цель. Когда ветер развеял дым, оказалось, что вражеская пушка находится на прежнем месте, целая и невредимая.

— Еще раз повторить, пятью снарядами... огонь! — скомандовал Козак.

На этот раз цель была уничтожена. В бинокль отчетливо просматривалось повалившееся набок орудие. Уцелевшие гитлеровцы бежали врассыпную.

Козак оторвал от глаз бинокль и взглянул на небо. С запада показались немецкие бомбардировщики. Они направлялись прямо на нас. Хоронжий сразу оценил обстановку.

— Воздух! Орудийные расчеты — от орудий! В укрытия! — громко приказал он.

Мы все посмотрели вверх. Сквозь дым едва пробивалось солнце. Гитлеровские бомбардировщики уже вошли в пике. Что и говорить, картина была устрашающей. Мы помчались в соседний кустарник и прильнули к малейшим углублениям в болотистой почве, кляня судьбу и думая только о том, чтобы не слышать этого ужасного воя, чтобы только пронесло...

Вокруг было настоящее пекло. Бомбы со страшным грохотом разрывались на ближайшем склоне холма, несколько десятков их упало в болото неподалеку от нас. Зыбкие торфяники вздымались волнами, издавая зловещее бульканье. Вверх летели кочки, пучки болотистой травы и кустарника, забрасывая нас с ног до головы и застилая все вокруг.

Наконец самолеты улетели. Мы стали выползать из своих нор и укрытий.

— Холера ясна! — твердил свое любимое ругательство Козак.— Эй, Пивоварчик, глянь-ка: орудие-то у вас начисто разбито! Только ствол уцелел...— добавил он огорченно и, осмотревшись вокруг, распорядился: — Проверить, все ли живы!

— Погиб Мариан Сташевский. Мы лежали с ним рядом.— Станислав Футровский показал рукой на большой куст: — Осколок угодил Мариану прямо в спину. Там он и остался лежать.— Футровский как-то по-ребячьи провел грязным рукавом гимнастерки по лицу.

— А что у тебя? — спросил меня Байч.

— Погиб Янек Галицкий,— с горечью проговорил я.— Двух лошадей убило, а с орудием все в порядке...

— Необходимо сменить огневые позиции. Вон там, на склоне холма, в кустиках есть маленький овражек. Туда перекатите осторожно пушку и окопайтесь, а самое главное — оборудуйте щели для людей на случай воздушного налета,— приказал командир взвода.

Во время боя под Ленино боевые порядки многих подразделений дивизии перемешались. Открылись также опасные бреши на стыке между 1-м и 2-м пехотными полками, а также соседними советскими частями. Эти бреши неоднократно использовали гитлеровцы, организуя, иногда небезуспешно, контратаки на флангах наших частей. В этих условиях моя батарея, вместо того чтобы поддерживать в тяжелых боях воинов своего 1-го пехотного полка, вынуждена была останавливать огнем прямой наводкой фашистов, атаковавших слева фланг 2-го полка, который стремился любой ценой удержать в своих руках пылающую деревню Ползухи.

В этом бою мы понесли тяжелые потери. Гитлеровские танки подбили орудие капрала Хербута. Осколками был смертельно ранен и сам отважный командир орудия. Его пытался вынести из огня заместитель командира батареи по политико-воспитательной работе капрал Недзьвецкий и оказать ему первую помощь. Увы, капрал Хербут умер у него на руках.

Внезапно вновь заговорила гитлеровская артиллерия и накрыла наши позиции, находившиеся на склонах высотки.

— Что с тобой? — спросил я моего побледневшего наводчика Чеслава Кугеля.

— Кажется, в ногу ранило. Чувствую, в ботинке горячо и мокро... Ничего, перетерплю.

— Сейчас я тебя перебинтую,— хлопнул я его по плечу.— Павлик, замени Чеслава. Будешь за наводчика.

Я осмотрел рану. Кость оказалась цела, но в таком состоянии Кугель оставаться здесь не мог, и в короткий промежуток между огневыми налетами я отослал его в тыл вместе с раненным в бедро Юзефом Рокошевским. Я видел, как они, помогая друг другу, шли по оврагу в направлении Моисеево.

В течение последнего часа наша батарея понесла ощутимые потери: трое убитых, двое раненых и одно поврежденное орудие. Исправными оставались лишь две пушки. Бойцы горячо обсуждали эти неутешительные итоги.

— Спокойно, спокойно, ребята. — Петруха проявлял удивительную выдержку. Мы чувствовали себя как на раскаленных углях, а он ничего — даже лицо каким-то кремом стал намазывать.— Еще раз говорю: спокойно! Курас, ты примешь командование вторым орудием. Произвести пополнение расчетов. Командиры орудий, следить за поражением целей!

Бойцы даже рты разинули. «Если командир сидит, как в кресле у парикмахера, то...» Все понемногу успокоились, и настроение поднялось. Потом послышалась команда: «Батарея, к бою! Цель...» Мы открыли огонь по обнаруженным огневым точкам противника.

Станислав Сежпутовский, телефонист из отделения связи, накануне боя был назначен связным между штабом полка и нашей батареей. Он несколько раз приносил различные письменные приказы командира полка, которые через начальника артиллерии 1-го полка капитана Рышарда Свитковского отдавались командиру нашей батареи капитану Бондаравцу.

— Когда батальоны первого пехотного полка пошли в наступление,— рассказывал потом Сежпутовский,— капитан Свитковский вручил мне письменный приказ. Наша пехота к тому времени была уже на другом берегу Мереи, а связь с наблюдательным пунктом батареи внезапно нарушилась. «Вот вам срочный приказ для передачи капитану Бондаравцу,— сказал мне Свитковский.— Пусть двигает батарею вслед за пехотой. Впрочем, там все написано. Непременно вручите этот приказ командиру батареи». Потом добавил, чтобы я в пути был поосторожнее. Ну что ж, я пошел. А в это время немцы начали сильную бомбежку наших позиций. Когда я прибыл на НП, капитана там уже не было. Я застал лишь одного солдата Райковского, который сторожил оставленную технику. Спрашиваю: «Где командир батареи?» Говорит, что на огневой позиции. «Где орудия?» — спрашиваю. «А они уже сменили свои позиции. Сейчас находятся где-то над Мереей и продвигаются вперед. Вот только связи кабельной у меня с ними нет...»

Сежпутовский пошел дальше. Когда в районе Моисеево опять появились вражеские самолеты и начали пикировать на наши войска, он укрылся в ближайшем окопе. Вокруг рвались бомбы, по самолетам били зенитные орудия. Стоял страшный грохот... Едва самолеты улетели, Сежпутовский поспешил дальше. Наконец в небольшом

болотистом окопчике возле Мереи он отыскал командира батареи.

Капитан Бондаравец нахмурился:

— Мы уж и так сменили позиции, а эти тяжелые орудия через реку на спине не перетащишь. Мы останемся здесь и будем обстреливать контратакующего противника в районе Ползух. Так и доложите капитану Свитковскому.

В боях беспрерывно участвовала гитлеровская авиация, которая, начиная с первого налета на нашу батарею, почти не прекращала бомбардировок позиций костюшковцев. Долина Мереи и тыловые рубежи нашей артиллерии подвергались даже более интенсивным бомбежкам, чем передние линии наших войск. В воздухе постоянно находились три-четыре эскадрильи вражеских самолетов, которые систематически, волнами делали налеты на глубинные участки нашей обороны. В налетах принимали участие двухмоторные бомбардировщики, а также штурмовики и истребители. Казалось, гитлеровцы бросили всю свою летную технику, чтобы уничтожить нас, стереть с лица земли.

Однако мы уже знали (поскольку солдат зачастую знает содержание приказа раньше, чем этот приказ доходит до него), что советское командование приняло решение оказать максимальную поддержку героически сражавшейся дивизии имени Т. Костюшко. В район Ленино было направлено значительное количество советских самолетов-истребителей, которые начали отчаянный воздушный бой с гитлеровской авиацией. Кроме того, почти беспрерывный огонь по воздушным стервятникам вела многочисленная советская зенитная артиллерия, разместившаяся на холмах вокруг Моисеево. Случалось, что на землю падало сразу несколько подбитых вражеских самолетов. И все-таки пока еще ощущалось превосходство гитлеровцев в воздухе...

Ожесточенные бои костюшковцев по обороне занятых рубежей продолжались по всей ширине наступления — от Трегубово до Ползух. С неба на нас сыпались бомбы, а на земле яростно атаковали гитлеровские пехотинцы и танки.

Около 17 часов возле Трегубово появилось несколько наших танков, которым удалось переправиться через Мерею. Это сразу подняло боевой дух. Поддерживаемые танками и артиллерией, костюшковцы вновь предприняли атаку на деревню, однако продолжительный бой основательно

изнурил бойцов. К тому же отдельные подразделения понесли большие потери в живой силе и стал ощущаться недостаток в боеприпасах. Гитлеровцы тем временем вновь бросились в контратаку. Положение на участке 1-го пехотного полка несколько улучшилось после ввода в бой 1-го батальона 3-го полка.

Тяжелые бои продолжались до позднего вечера. В отдельных местах они не прекращались даже ночью, а вражеская авиация освещала местность осветительными бомбами.

Поздно вечером 3-й пехотный полк сменил измученных боями солдат 1-го пехотного полка, которые отошли на свои исходные позиции. Две уцелевшие, исправные пушки нашей батареи (моя и Кураса) заняли боевые рубежи в районе деревни Моисеево.

Снаряды у нас были на исходе. Наши дивизионные склады боеприпасов, к сожалению, находились еще далеко от нас. Опытный командир взвода боевого питания поручник Михал Хубай взял несколько повозок и поехал в соседнюю советскую дивизию с просьбой помочь нам. Естественно, советские товарищи пошли навстречу. Однако все это происходило ночью, и на обратном пути повозки заблудились, хотя и двигались на свет многочисленных ракет и осветительных бомб, обильно сбрасываемых немцами в полосе нашей дивизии.

— Товарищи, а где же Моисеево? — спросил Хубай повстречавшихся советских офицеров. Оказалось, они находились совсем недалеко от батареи.

На следующий день, 13 октября, в восемь утра началась получасовая артподготовка нового наступления костюшковцев. Наша пехота при непосредственной поддержке шестнадцати танков вновь ударила по обороне немцев. Соседние советские дивизии тоже пошли в наступление. Бой разгорелся с новой силой. Однако вскоре гитлеровцы ввели свежие части и еще больше усилили интенсивность действий своей бомбардировочной авиации.

В этих условиях наступление дивизии приостановилось, и генерал Берлинг отдал приказ перейти к обороне на занятых рубежах.

В ночь на 14 октября нас сменили советские части, а наша дивизия отошла в тыл, в резерв 33-й армии, залечивать раны, полученные в первом, но победном бою.

— Поврежденное орудие вытащить из болота у Мереи,— приказал капитан Бондаравец.— В батарее оста-

лись лишь две исправные пушки. Правда, третье орудие можно починить, но на это уйдет несколько дней. С разбитого надо снять ствол, а остальное приложится,— улыбнулся он, а потом добавил уже серьезным тоном: — Артиллеристы должны заботиться об орудиях, даже о поврежденных, нельзя их оставлять на поле боя.

Взяв с собой нескольких солдат, снимать ствол пошел Козак. Через несколько часов работы он вытащил ствол из трясины. Работать пришлось под сильным огнем гитлеровцев, которые все время держали под обстрелом подходы к Ползухам и освещали ракетами долину Мерея. Ствол сдали в оружейные мастерские, и через несколько месяцев, подыскав остальные части к орудию, мы вновь полностью укомплектовали нашу батарею пушками.

Ночью наша дивизия покинула район Ленино, на ее место пришла советская воинская часть. Кровопролитные бои продолжались там еще несколько дней. Гитлеровцы беспрестанно яростно контратаковали и бомбардировали захваченные нами 12 и 13 октября рубежи. Мы же получили непродолжительный отдых, разместившись в палатках в небольшой рощице неподалеку от деревни Буды, которая находилась километрах в восьми от линии фронта.

Зубера немало удивляло, почему немцы так остервенело бомбят небольшой участок между Ползухами и Трегубово. «Летают, черти, как ошпаренные»,— повторял он.

Недзьвецкий, как пристало политработнику, начал объяснять:

— Эта линия немецкой обороны проходит перед Днепром и прикрывает очень важные железнодорожные и шоссейные коммуникации, соединяющие Гомель, Могилев, Оршу и Витебск. Если бы советским войскам и нашей дивизии удалось полностью прорвать линию гитлеровской обороны и в дальнейшем развить свой успех, то путь на Оршу и Минск был бы для нас открыт. Вот поэтому гитлеровцы любой ценой пытаются ликвидировать захваченный нами плацдарм на западном берегу Мереи. Да, товарищи, мы можем гордиться тем, что выполнили поставленную нам задачу. Конечно, сами знаете, какой ценой нам это досталось. Мы овладели первой линией немецкой обороны, прорвали ее на глубину до трех километров и удержали захваченное. Конечно, дорогой ценой,— сказал Недзьвецкий упавшим голосом.— Один только первый пехотный полк потерял более тысячи двухсот человек. А дивизия?.. Да вот только у нас,— он оглядел всех, будто

искал кого, — нет уже Стефана Хербута, Яголковского, Рошковского, Сташевского, Куенежа, Яна Галицкого. Чесек Кугель тяжело ранен, а с ним Вацлав Казимерчак, Юзеф Рокошевский, Юзеф Роговский, Антек Козак...— Он перечислял фамилии, как на поверке.

Воцарилось молчание. Сердца наши сжались от боли.

— А нам нужно выстоять! — с каким-то вызовом проговорил Кароль Павлик.

— Да, нужно,— повторил за ним поручник Петруха.— Но нам всегда надо помнить, что многие в нашей батарее отличились в этой битве, проявив выдержку и отвагу.— Он встал, поправил шинель и стал перечислять: — Хорунжий, Стефан Козак, сержант Юлиан Высоцкий, капрал Францишек Курас, капрал Юзеф Недзьвецкий, канониры[1] Адам Бронецкий, Роман Павликовский, Станислав Сежпутовский и многие другие. Все мы приняли боевое крещение и выдержали испытание. По-моему, нам стыдиться нечего, и, кто знает, может, когда-нибудь наши близкие и вообще все поляки будут гордиться нами. «Пока мы живы...»[2] — закончил он как-то особенно торжественно.

В ГОСТЕПРИИМНЫХ ХАТАХ

По ночам все чаще стали ударять заморозки, и через несколько дней лагерной жизни в палатках в районе Буды 1-й пехотный полк, а с ним и наша полковая батарея переместились в лес неподалеку от поселка Сломы, в пятнадцати километрах от Ленино. В лесу было много строительного материала, и в течение двух дней там появились новенькие землянки, вырытые ровнехонько, как по шнурку. В каждой из них размещалось по восемь—десять человек, или полный орудийный расчет. Землянки даже обогревались: в них устанавливались печки, сооруженные из бочек, или мастерились «камины», выдолбленные в стенах. Сделали и кровати — земляные возвышения, покрытые толстым слоем листьев и травы и застеленные плащ-палатками. Потолки землянок, утепленные слоем земли с листьями, надежно защищали от холода и дождей, а при необходимости и от осколков авиабомб.

---

[1] Рядовые артиллерии Войска Польского. — *Прим. ред.*

[2] Слова из польского национального гимна. — *Прим. ред.*

И вот в таком «комфорте» — в тепле, раздетые до белья, укутанные солдатскими шинелями — мы отсыпались после ратных трудов.

Не забыли мы и о лошадях. Для них тоже соорудили удобные землянки-стойла.

Полк постепенно приходил в нормальное состояние. В подразделения вернулись солдаты, которых поначалу считали пропавшими без вести, но которые все эти дни сражались в составе соседних частей Красной Армии. К сожалению, стрелковые роты насчитывали только тридцать—сорок человек, и мы первоначально получили пополнение за счет личного состава 3-го пехотного полка, понесшего незначительные потери в первом бою, а затем нас доукомплектовали бойцами запасного полка, прибывшего на днях из Сельцов. В конце октября в ротах удалось довести состав до ста солдат. Моя батарея также получила подкрепление. В эти дни к нам прибыли: на должность командира взвода управления подхорунжий Чеслав Берман, окончивший в Сельцах офицерские артиллерийские курсы, бомбардир Чеслав Козлович; упоминавшиеся уже мною капрал Владислав Хоронжий и канониры Михал Зелькович из 1-го пехотного полка, Владислав Глебик, Владислав Дудз, Исаак Файгенблятт, Александр Морсула и Кароль Жмурковский из 3-го пехотного полка, а также бомбардир Антони Мордань. Таким образом, наши поредевшие расчеты удалось пополнить почти до штатной численности, а поврежденное под Ленино орудие было исправлено. Нам оставалось ждать, когда починят четвертую пушку, а проще говоря, когда к уцелевшему стволу подберут остальные недостающие части.

В этот период произошли большие перемены в командном составе 1-го пехотного полка. Новым его командиром стал энергичный майор Леонард Боркович, который до этого служил заместителем командира 2-го пехотного полка по политико-воспитательной работе. Начальником штаба полка стал бывший начальник штаба 2-го батальона капитан Владислав Ястшембский. Он прославился своим мужеством в бою под Трегубово, где вместе с полковником Болеславом Кеневичем и начальником штаба 1-го батальона поручиком Станиславом Олехновичем организовал оборону 1-го пехотного полка и успешно отбивал все контратаки гитлеровцев. О геройстве Ястшембского ходили легенды, и мы внимательно присматривались к нему, как бы пытаясь разглядеть в нем что-то особое, исключительное.

Заместителем командира полка по политико-воспитательной работе стал капитан Станислав Марчевский.

Новый командир полка нередко лично и неожиданно навещал подразделения, большое внимание уделял вопросам боевой подготовки подчиненных, а также их бытовым условиям. Одним словом, он скоро завоевал всеобщее уважение.

Изменения в руководстве коснулись и нашей батареи. Заместителя командира батареи поручника Мечислава Петруху перевели во вновь сформированную дивизию, а на его место пришел подпоручник Станислав Кропатва.

— Ну, друзья,— обратился к нам однажды и капрал Недзьвецкий.— Вместе начинали мы службу в батарее, вместе сражались под Ленино, но пришло время расстаться. Ничего не поделаешь, такова жизнь. Командование решило перевести меня на должность заместителя командира третьей роты 82-миллиметровых минометов. Буду, как и здесь, заниматься политической работой. Конечно, будем часто видеться, да и действовать сообща тоже придется. Желаю вам всего доброго! Успехов вам во фронтовой жизни!

— И мы желаем вам всего наилучшего среди минометчиков,— за всех нас ответил Павлик.

Наши пожелания исполнились; дальнейшая служба Недзьвецкого проходила хорошо. Он был сначала заместителем командира 1-го огневого взвода по политико-воспитательной работе, а поскольку штатных офицеров в батарее не хватало, то он фактически являлся и заместителем командира батареи. Вскоре после его ухода к нам пришел новый заместитель командира батареи по политико-воспитательной работе хорунжий Болеслав Войцеховский.

В этот период многие офицерские должности в нашем полку занимали подофицеры, имевшие соответствующие командирские навыки и отличившиеся в боевых действиях. Штаты в подразделениях тоже изменялись в зависимости от обстановки.

Предстояло в первую очередь поднять уровень боевой подготовки полка, помочь солдатам овладеть новыми обязанностями, наладить взаимодействие между отдельными подразделениями, а также устранить ошибки, которые проявились в боевых действиях полка во время наступательных боев под Ленино. Началось интенсивное боевое обучение. Вскоре стало известно, что командующий 33-й

армией, в состав которой тогда входила наша дивизия, генерал-полковник Гордов планировал в начале ноября вновь использовать нас в боевых действиях. Мы уже были обстреляны и получили боевое крещение, так что эту новость все восприняли как должное. «Если нужно, опять пойдем на передовую»,— говорили наши солдаты.

Капитан Бондаравец созвал к себе на совещание офицерский состав, а также командиров расчетов и отделений.

— Наша батарея в первом бою допустила ряд серьезных ошибок, — сказал он. — Например, нельзя, чтобы все четыре орудия вместе с зарядными ящиками двигались колонной на открытой местности в непосредственной близости от фронта. Для гитлеровской авиации не было более легкой задачи, чем распознать батарею и безжалостно расправиться с нею. В результате таких безответственных действий мы понесли большие потери...

Еще одно замечание. Надо более умело выбирать огневые позиции для орудий и до открытия огня нельзя демаскироваться! Помните: маскировка — решающий фактор выполнения боевой задачи и сохранения жизни личного состава. Путь в Польшу — далекий, а ведь каждый из нас хотел бы дожить до победы. Во время непосредственной поддержки пехоты командир батареи не имеет возможности лично контролировать действия отдельных орудий, он не может быть сразу повсюду, и поэтому эти обязанности лежат на командирах расчетов и взводов — только они лучше всех могут это сделать. Я считаю, первый бой многому нас научил и все мы должны сделать для себя соответствующие выводы. Во время занятий необходимо обучать не только подчиненных, но и самому совершенствоваться. Прежде всего необходимо отработать взаимодействие расчетов, взводов и батарей по непосредственной поддержке огнем наступающей пехоты. Одновременно с этим необходимо устранить и другие недостатки...

Началась интенсивная учеба. Артиллеристы, недавно прибывшие в батарею, остались довольны тем, что попали в полковую артиллерию. Они быстро овладели необходимыми навыками обслуживания орудий. В мой, первый, расчет прибыли новички Владислав Глебик и Михал Зелькович, молодые, ловкие и смелые ребята, особенно Глебик, отчаянность которого иногда даже удивляла. Третьим новичком был Кароль Жмурковский.

Занятия в нашем 1-м взводе проходили весьма интенсивно. Капрал Байч гонял нас до седьмого пота.

— Поддерживаемый нами батальон двинулся в наступление на окопы противника,— передавал он нам на занятиях очередную вводную.— Капрал Рутковский, вам надлежит передвинуть первое орудие на двести метров вперед и прикрывать этот маневр огнем второго орудия.

— Номера, к орудию! — подал я команду расчету.— Прямо, двести метров, марш!

Мои бойцы дружно взялись за дело. Сильный Глебик перевернул орудие сошником вперед, а Павлик, Камер, Зубер, Зелькович и Жмурковский ухватились за кожух и лафет и изо всех сил стали толкать пушку по размякшему полю в указанном мной направлении. Проделав путь в несколько десятков метров, все устали от тяжелой работы, особенно Глебик, который выполнял самую трудную ее часть.

— Чертовски тяжелая пушка,— проговорил он, вытирая вспотевший лоб.— Товарищ капрал, как вы думаете, сколько метров еще осталось до того кустика?

— Толкай знай, не разговаривай,— заметил наводчик Павлик, прошедший хорошую школу во время памятного боя под Ленино.— Артиллерия, брат, это тебе не пехота, где только с карабинчиком скачешь, как заяц, с места на место. Здесь у тебя за спиной карабин, а в руках — орудие.

— Пехоту ты не трогай! — обиделся Глебик.— Я в ее рядах кровь под Ленино проливал. А сколько пехотинцев погибло и получило ранение под Трегубово и Ползухами? Забыл, а? Пехота, брат, именно пехота овладела немецкой линией обороны, артиллерия и другие огневые средства служили ей лишь поддержкой. Пехота — всему голова, и ей в первую очередь надлежит почет и уважение, дурень!

Зубер вовремя сориентировался и понял, что назревает ссора.

— Ты прав, Владек, не сердись,— начал он успокаивать Глебика.— Ты разве не видишь? Павлик же шутит! Кому это в голову придет оскорблять пехоту?

— Шутки шутками, но пехоту не трогай! — Глебик рассердился всерьез.— Я артиллерию тоже очень люблю, но пехота...

Павлик угрюмо смотрел исподлобья и молчал. Чтобы разрядить обстановку, я сократил перекур и скомандовал:

— Встать! Орудие к бою! — Расчет занял свои места. — Цель: огневая точка противника — впереди, в окопе. Прицел — тридцать, осколочно-фугасным моментального действия... Боец Павлик, точнее наводите на цель! Зелькович, не снял колпачок с взрывателя. Внимательнее исполняйте команды. Орудие тоже нужно быстрее передвигать! Да, придется, видно, еще несколько раз повторить этот маневр, чтобы лучше отработать его,— подвел я итог учениям.

— Нелегка ты, служба,— покрутил головой Жмурковский.

— Ничего, привыкнешь,— подбодрил его Камер.

— Орудие, вперед! Занять огневую позицию на холме! — Я показал рукой направление.

Так день за днем боевые расчеты совершенствовали свое умение поддерживать наступающую пехоту.

Однажды к нам в батарею пришло известие, которое всполошило всех: генерал Берлинг решил провести инспекцию 1-го пехотного полка. Началась ужасная горячка, поскольку всем хотелось показаться с наилучшей стороны. И вот ноябрьским морозным днем весь личный состав выстроился на одном из полей. Солдаты, естественно, ждали прибытия генерала с любопытством. Последний раз они его видели в день принятия присяги — 15 июля. Мы стояли в строю, похлопывая зябнувшими руками, и терпеливо ждали. Наконец генерал приехал. Командир полка майор Леонард Боркович отрапортовал ему, как положено, и Берлинг начал придирчивый осмотр своих костюшковцев, которые по праву могли называться гвардейцами, как нас не раз величали многие советские офицеры.

Генерал на все обращал внимание, и ничто не ускользало от его всевидящего ока. Он ходил между шеренгами и ни одну небрежность во внешнем виде не оставлял без замечания.

— Почему ботинки рваные?.. Капитан, что у вас за порядок в роте?.. Почему этот солдат не побрит?.. А почему командир взвода всего лишь капрал? Если он соответствует должности, надо ходатайствовать о присвоении ему более высокого звания.

Генерал Берлинг делал замечания, советовал, хвалил, если было за что. Некоторые командиры подразделений, до которых еще не дошла очередь, испугавшись столь необычайно строгой проверки, пытались поспешно испра-

вить какие-то недостатки, в душе надеясь, что генерал не дойдет до них. Однако Берлинг был последовательным и не упустил ни одного подразделения. Так он подошел и к нашей батарее. Видимо, у нас не оказалось никаких грубых отклонений от устава, поскольку генерал не высказал нам ни одного упрека. Я стоял вытянувшись, напрягшись как струна и чувствовал, что, несмотря на мороз, мне делается жарко. Никогда еще не приходилось видеть так близко нашего командира, и у меня даже дух перехватило, когда он проходил мимо. Возможно, Берлинг заметил мое состояние, потому что на губах у него промелькнула легкая усмешка, однако он не произнес ни слова.

Вообще, рядовые воины очень любят такие проверки, в которых участвует высокое начальство — командиры полков или дивизий. И это несмотря на то, что во время таких инспекций всегда кому-то может здорово влететь, причем этим «кем-то», как правило, бывают низшие по званию. Конечно, такие проверки дают многое, во-первых, предоставляют возможность увидеть высшее начальство, а во-вторых, они, как правило, способствуют улучшению бытовых условий солдат. Кроме всего прочего, это всегда запоминающееся событие в жизни бойцов, о котором со временем рассказывают необыкновенные истории и легенды. Генерал Берлинг, несмотря на свою требовательность, всегда пользовался любовью и уважением у солдат, так как это был чуткий и заботливый человек.

— Да, уж кто-кто, а генерал Берлинг любую мелочь подметит, я-то знаю,— вспоминал Мордань, старый лесничий из-под Пружан.— Хороший командир. Как-то раз в Селецких лагерях мне от него тоже перепало. Я служил тогда в пулеметном взводе 1-й роты 3-го пехотного полка. Однажды у нас проходили очень трудные учения по отработке наступления. Все страшно устали, гимнастерки к спинам липли. И тут видим: у леса местные женщины продают ягоды, сметану, лепешки разные. Наступил перекур, вот я и подумал: «Пойду-ка ягодами побалуюсь». Ну купил я этих ягод, иду обратно и вдруг слышу за спиной голос: «Бомбардир, стойте!» Оборачиваюсь — генерал. Ну, конечно, я по стойке «смирно» перед ним, да только корзинка мешает. Со страху я не мог доложить ему как положено. «А знаете ли вы, бомбардир, что нельзя отходить от своего подразделения?» — спрашивает меня генерал. Я пробормотал, что знаю. «Так почему же вы гуляете? Ягод захотелось?» Генерал довольно миролюби-

во погрозил мне пальцем и приказал бегом вернуться в роту. Я бросил корзинку и дал стрекача. Даже ягод не было жалко. Вот как мне с самим генералом поговорить довелось...

Зима вступала в свои права. Лег снег, крепчал мороз. Однако холода нам были не страшны: уже в начале ноября мы перешли на зимнюю форму одежды. Всем бойцам выдали стеганые ватники и брюки, теплые шапки и рукавицы, а мы, артиллеристы, получили белые полушубки и валенки.

Дивизию в это время передали в распоряжение командования Западного фронта, но пока решение о направлении нас на фронт в составе 33-й армии откладывалось.

В воскресенье 14 ноября в своих землянках мы отмечали День независимости. В честь этого праздника 11 ноября был опубликован Указ Советского правительства о награждении ряда офицеров и солдат 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко советскими орденами и медалями за доблесть и геройство, проявленные в битве под Ленино. В этот же день был обнародован приказ командира 1-го корпуса польских вооруженных сил в СССР генерала бригады Зигмунта Берлинга о награждении многих воинов польскими боевыми наградами.

Чести получения наград удостоились и воины нашей батареи: наводчик Адам Бронецкий получил бронзовую медаль «За заслуги на поле доблести», а капрал Юзеф Недзьвецкий — медаль «За отвагу».

В конце ноября от нас перевели капитана Адама Бондаравца, а на его место прибыл советский офицер, фронтовик капитан Семен Соловейчик. Генерал Берлинг передал командование дивизией своему начальнику артиллерии дивизии полковнику Войцеху Бевзюку, поскольку, являясь командиром корпуса, Берлинг не мог одновременно быть командиром дивизии.

Наше пребывание в землянках подходило к концу. В один из последних ноябрьских дней старшина батареи Бялоокий во время построения сообщил следующую новость:

— Завтра после обеда покидаем землянки. Переходим на зимние квартиры в деревню в районе Смоленска. Все тщательно запаковать и ничего не забыть, а на новом месте вести себя культурно, вежливо и с достоинством, как и подобает польским солдатам.

Упаковкой вещей нам пришлось заниматься долго. Во время этих занятий не было конца разговорам о том, что нас ожидает в будущем: перезимуем ли спокойно или же пойдем сразу в бой.

Вскоре мы отправились в путь. Через три дня тяжелого марша прибыли в составе 3-го батальона в заданный район. В деревне Теличино остановился 3-й батальон, штаб полка разместился в большой деревне Вербово, а наша полковая батарея — в деревушке Лактеево. В полукилометре от нас расположилась минометная батарея, а также батарея полковых противотанковых орудий.

Война не тронула Лактеево. Фронт прошел рядом, но не зацепил деревни. Местное население встретило нас очень приветливо. В глаза бросалось отсутствие мужчин. Все, кто способен был носить оружие, были на фронте. Остались женщины, старики и дети. Жили скудно. Война, продолжавшаяся уже третий год, наложила на все свой зловещий отпечаток.

Жилось нам в Лактеево хорошо. Каждый расчет размещался в отдельной избе. Спали на полу, на толстом слое соломы, и чувствовали себя под теплыми полушубками как дома. Мой расчет поселился у вдовы фронтовика. Кроме хозяйки в доме жили дочь-подросток и старый больной отец. Во вдовьей хате жилось бедно. Одинокой пожилой женщине нелегко было прокормить семью.

— Ну что, ребята, поможем нашей хозяйке, поправим домишко? — предложил я своим артиллеристам.

— Ясно, поможем,— Павлика не приходилось долго уговаривать. — У нас Жмурковский до войны плотничал, так что будет нами руководить, а мы поможем, эта работа нам тоже знакомая. Хоть по себе память добрую оставим.

На следующий день Жмурковский, Камер, Зубер, Зелькович и помирившиеся друг с другом Глебик с Павликом дружно взялись за работу. Дня за два поправили покосившийся хлев и сени в доме.

— Спасибо вам, ребята, за помощь,— радовалась хозяйка.— Уж и не знаю, чем вас отблагодарить...

В деревне не хватало топлива. Лес находился в нескольких километрах от Лактеево, но в селе не было лошадей, чтобы привезти дрова. А у нас лошади были, вот уже Кугель захлопотал и вскоре привез дров. В избах потеплело.

Наши бойцы помогали жителям деревни чем только могли. Например, капрал Хоронжий из четвертого расче-

та помогал дочке своей недавно овдовевшей хозяйки решать задачи по математике. Мы делились с жителями своими пайками сахара, а они угощали нас молоком или картофельной лепешкой. Очень полюбилась нам мятая картошка, запеченная в чугунке в большой русской печи, на которой каждую ночь мы сушили свои промокшие валенки. Вообще, русские печи оказались очень удобными. В них готовили еду, сушили одежду, и на них можно было хорошо поспать и отогреться.

Через две недели нашего пребывания в Лактеево мы подружились с ее жителями и чувствовали себя почти как дома. Особенно быстро мы перезнакомились с молодежью. Известное дело, молодость, она имеет свои права, поэтому не было ничего удивительного в том, что спустя некоторое время местные девчата при виде возвращавшихся с учений польских солдат выбегали на улицу с радостными криками:

— Мама, наши идут!

В Лактеево батарея продолжала интенсивную боевую подготовку. Мы совершенствовали свою выучку в ведении артиллерийского огня в зимних условиях. Шел декабрь, и снежный покров достигал почти полуметровой толщины, да и морозы стояли сильные.

Командование батареи позаботилось о том, чтобы научить нас ходить на лыжах. Сам старшина привез несколько пар лыж, пригласил советского инструктора и в течение недели мы упражнялись в этом новом для нас виде спорта. Ходить на лыжах нам понравилось. Смеялись, когда кто-то неудачно спускался с горы. И все же мы довольно скоро научились преодолевать спуск на лыжах и в свободное время частенько отправлялись на лыжные прогулки, даже устраивали соревнования. Особенно упорно тренировались связисты и разведчики, которым приходилось тащить на плечах катушки кабеля, телефонную аппаратуру и другие тяжести.

Снегу все прибывало. В сугробах застревали автомашины, подвозившие продовольствие и боеприпасы для частей корпуса, разбросанных по различным деревням. Нам приходилось помогать водителям, выходить на расчистку основных дорог, которые вскоре походили на гигантские овраги, обрамленные с обеих сторон белыми снежными стенами.

В таких необычных для нас условиях наш 1-й пехотный полк проводил двухдневные учения на открытой

местности. Орудия нашей батареи получили задачу поддерживать наступавшую пехоту и отражать контратаки противника. Пехотинцы и артиллеристы сооружали из снежных глыб настоящие укрытия, прокладывали в снегу ходы сообщения и траншеи, а будучи одетыми в белые маскхалаты, выглядели как бойцы с передовой линии фронта.

— В этих снежных дворцах даже уютно,— радовался заряжающий второго орудия Мищук. — Говорят, эскимосы так живут. Я сегодня в Лактеево не поеду, буду здесь спать, — шутил он. — А ну-ка, свободные от вахты, марш в блиндаж и раздеваться до белья! Товарищ хорунжий, они собираются спать в полушубках,— жаловался он Козаку.

— В виде исключения разрешаю отдыхать в полушубках, — смеялся Козак. — А вы, Мищук, если хотите, можете раздеться до белья. Вам разрешаю. Только советую валенки не снимать, а то вдруг объявят тревогу, а вы босиком на снег выскочите и отморозите ноги...

— Я не хочу выделяться из общей массы, товарищ хорунжий. Если они в полушубках, то и я вынужден оставаться одетым.— Он притворно вздохнул: — Ничего не поделаешь! — и покорно развел руками.

Весь расчет взорвался смехом.

Незаметно наступили рождественские праздники. Старшина и повар буквально превзошли самих себя, стараясь сделать все в самом лучшем виде. Разумеется, была и елка. В самой просторной избе, которую занимал четвертый расчет, собралась за праздничным столом вся батарея. Командир батареи капитан Семен Соловейчик пожелал всем самого главного — победного окончания войны и благополучного возвращения к своим родным. Настроение у всех стало радостным. В конце ужина неожиданно в нашей хате появился командир полка майор Боркович, объезжавший в этот вечер вверенные ему подразделения. Он также передал всей батарее праздничные пожелания.

Вскоре наступил и новый, 1944 год. Были объявлены приказы о присвоении званий большому числу воинов, в том числе и нашей батареи. В числе других хорунжий Стефан Козак получил звание подпоручника, подхорунжий Чеслав Берман — хорунжего, а капралы Ян Байч, Францишек Курас, Станислав Пивоварчик и я стали сержантами.

В свою очередь некоторым были присвоены капральские звания, в частности Станиславу Сежпутовскому, который под Ленино «стрелял из автомата по гитлеровскому самолету», как об этом рассказывали многочисленные очевидцы. Более десяти рядовых артиллеристов получили лычки бомбардиров, так что поводов весело встретить Новый год было предостаточно. Веселью способствовали не только солдатские сто граммов, но и популярные у местных жителей домашние настойки, такие, как «житневка» и даже «картофлянка». Во время общего праздничного застолья батарею навестил заместитель командира 1-й дивизии по политико-воспитательной работе поручник Конрад Светлик. Он пожелал всем следующий Новый год встретить в кругу самых близких, на родине. Это было сокровенной мечтой каждого. Со всех сторон зазвучали тосты за здоровье наших семей, за победу. В одной из изб, где размещались связисты, мы организовали танцы. Вскоре собралась почти вся деревня. Нашлись и гармошка, и гармонист. До двух часов ночи продолжалось веселье, звучали белорусские, русские и польские песни.

Со времени битвы под Ленино гитлеровские самолеты нам больше не досаждали, хотя довольно часто пролетали над районами нашего расположения и тогда, когда мы стояли в лесу, и теперь, когда мы жили в селе. Быть может, им просто не удалось пока нас раскрыть. Но однажды в морозную январскую ночь они совершили налет на расположенную неподалеку от Лактеево деревню, где были расквартированы батарея гаубиц и батарея противотанковых орудий. К счастью, налет был небольшой, самолеты сбросили всего несколько бомб, повредив при этом одну избу и ранив нескольких человек. Этот налет напомнил нам о необходимости строго соблюдать правила светомаскировки, а в этом деле в последнее время допускалась неоправданная неосторожность.

В отдельных частях продолжались кадровые изменения. В январе в нашей батарее появился капрал Антони Тарнацкий, который заступил на вакантную должность заместителя командира 1-го огневого взвода по политико-воспитательной работе. Родом он был из окрестностей Ломжи, до войны служил кадровым подофицером. Это был веселый, жизнерадостный человек, который, казалось, в любой обстановке может найти выход. Тарнацкий оказался компанейским парнем, и вскоре мы с ним очень подружились.

Капрал Сежпутовский был назначен заместителем командира 2-го огневого взвода по политико-воспитательной работе. Возвратились к нам из госпиталя раненные под Ленино Юзеф Рокошевский, а также, к радости отца, Чеслав Кугель, о котором поговаривали, будто он удрал из госпиталя. Теперь парень стал писарем в нашей батарее вместо ушедшего с этой должности капрала Эдварда Соколовского.

Генерал Берлинг сказал когда-то, что «мы, костюшковцы, являемся костяком будущей польской армии». Видимо, поэтому и не прекращались кадровые передвижения, внутренние перестановки: одни уходили на учебу в училища, другие, отучившись, возвращались в свои части. Постепенно эти перемены перестали нас удивлять.

Тем временем положение на фронте изменилось к лучшему. В январе Красная Армия разбила немецкие войска под Ленинградом, освободила Новгород и Старую Руссу. На Правобережной Украине тоже развертывалось большое наступление советских войск, в результате чего уже были освобождены Ровно и Луцк. Советские войска стремительно приближались к границам Польши. С замиранием сердца слушали мы сводки по радио об этих событиях. Почти каждый день приносил что-то новое. Польские вооруженные силы в СССР постепенно росли, и мы гордились этим фактом. 16 марта Советское правительство откликнулось на просьбу Союза польских патриотов и выразило согласие на развертывание 1-го корпуса польских вооруженных сил в армию. Новые воинские формирования уже создавались в районе города Сумы на Украине. И только мы по-прежнему стояли на «зимовке», и это уже стало в какой-то мере нас тяготить.

Военная тайна сохраняется неукоснительно, но... в ряде случаев новости просачиваются удивительным образом.

— Ой, ребятушки, через несколько дней покидаете нас. Жаль расставаться, так с вами подружились. Скучать без вас будем,— горестно покачала головой наша хозяйка.

— Как это покидаем? Куда? Да откуда ты знаешь, мать? — удивился я, так как ничто, казалось, не предвещало скорого отъезда.

— Откуда? Это уж мое дело,— ответила она, а потом добавила: — Ведь ваше начальство тоже в наших избах живет... А выезжаете вы на Украину.

Точь-в-точь так и произошло. На следующий день командир батареи капитан Соловейчик приказал нам готовиться к погрузке в эшелон.

24 марта нас провожали жители Лактеево. Они не скрывали своей печали, расставаясь с нами. Покинув эту гостеприимную деревню на смоленской земле, мы отправились на железнодорожную станцию Рябцево.

— Януш, пиши мне,— говорила молоденькая Наташа молодому, симпатичному связисту.

— Гжегож, приезжай после войны. Буду ждать...— Голубоглазая Галина обращалась к высокому артиллеристу.

— Не забывайте нас! — кричали вдогонку и другие колхозники.

— Да, да, напишем! Приедем! — перебивая друг друга, отвечали мы и верили в это, хотя никто не знал, что ждет всех нас впереди. Ведь на пути к победе надо было пройти через множество кровавых схваток.

Эшелоны, которые везли польских солдат, двигались все дальше и дальше на юг. Ранняя, неожиданная весна пробуждала природу. Погода стояла солнечная, однако ночью землю прихватывали сильные заморозки. В пути мы проводили политзанятия и изучали уставы. Мы уже знали, что в новогоднюю ночь 31 декабря 1943 года прогрессивные партии и политические организации Польши образовали в Варшаве Крайову Раду Народову, которая фактически стала представителем польского народа. Наша дивизионная газета «Жолнеж Вольности» писала, что КРН провозгласила создание Армии Людовой — демократических вооруженных сил польского народа в тылу врага, призванных вести борьбу с гитлеровскими оккупантами. Ее возглавил генерал Роля-Жимерский. Все мы с большим одобрением встретили эти известия.

У нас по-прежнему не смолкали споры по различным вопросам, но в первую очередь всех интересовало, какой же будет новая, свободная Польша. Почти все сходились в одном: необходимо осуществить аграрную реформу и национализацию промышленности. Среди солдат было много безземельных крестьян, и они уже прикидывали в уме, какой земельный надел им достанется. Постепенно у нас формировалось новое мировоззрение, создавался новый тип воина-костюшковца. Во время переезда из Белоруссии на Украину были сформированы ставшие потом широко известными «десять заповедей костюшковца», которые во-

брали в себя самые благородные, прогрессивные черты польского солдата. Мы с удовольствием заучивали их на память.

Наши лошади ехали в товарных вагонах, а вместе с ними и ездовые. Однажды, будучи дежурным по батарее, я отправился к ним узнать, все ли в порядке, и... обнаружил в одном из вагонов спрятавшуюся в сене молодую женщину.

— Танетко,— довольно резко обратился я к ездовому,— а это кто такая? Почему командование ничего об этом не знает?

Ездовые были явно обескуражены.

— Товарищ сержант,— начал объяснять Павликовский,— видите ли, это несчастная женщина. Немцы разрушили ее дом под Киевом, она теперь хочет попасть к родным, а пассажирские поезда не ходят. Ну как ей не помочь? А в «заповедях костюшковца» сказано, что воин должен быть чутким и помогать тому, кто просит о помощи. Вы уж извините за своеволие,— сбивчиво убеждал он меня. — Скоро уже будем проезжать мимо ее родных мест...

— Ладно, ладно, давай без этих подходов! Что у нас— армия или нет? Пусть остается, только чтобы без безобразий, и присматривайте за ней... Шпионы, они кем хочешь прикинутся,— добавил я на всякий случай.

— Слушаюсь! Все будет в порядке! — рявкнул Павликовский.

Что было делать? Все это, конечно, противоречило внутреннему распорядку, однако во время той ужасной войны столько семей осталось без крова, стольких людей разбросало по всему свету... Конечно, после освобождения оккупированных территорий люди любой ценой пытались вернуться в свои, зачастую разрушенные дома... Так что угрызений совести за отступление от правил я не испытывал.

Через несколько дней пути мы добрались наконец до места назначения. Это была деревня Старый Солотвин недалеко от Бердичева. Мы прибыли туда 3 апреля. Она встретила нас... сугробами снега, выпавшего ночью накануне нашего приезда. Кое-где снежные завалы достигали крыш деревенских хат. Пришлось расчищать дороги для проезда транспорта — знакомое нам уже занятие. К счастью, через несколько дней наступило потепление, и снег начал быстро таять.

Едва успев кое-как разместиться, мы вновь начали занятия по боевой подготовке как в масштабе батареи, так и всего полка.

Однажды вечером капрал Тарнацкий угостил меня куском домашней колбасы и салом. Я давно не пробовал таких деликатесов и, разумеется, ел с огромным удовольствием. Почти каждый день мы получали мясные консервы, но колбаса домашнего изготовления...

— Где же ты это достал? Наверное, забрался в кладовую какой-нибудь хозяйки? — допрашивал я Тарнацкого, набив рот сочной, пахнущей чесноком колбасой и ароматным украинским хлебом.

— Не говори глупостей. Я получил это за утешение души,— ответил он со смехом.— Сам видишь, что здесь, как и в Лактеево, все мужчины на фронте. Женщины хотят знать, живы ли их мужья и сыновья, когда они вернутся домой. Вот я им и отвечаю на это, иначе говоря, гадаю при помощи столика. Моя «клиентка» садится за столик, кладет на него руки, а я задаю столику вопрос: когда интересующий ее человек возвратится из армии. Столик так приспособлен, что поднимается на двух ножках вверх и стучит об пол определенное число раз. Причем стол мой всегда говорит «правду», а именно то, что хотели бы услышать бедные женщины. Скажешь, плохо поступаю? Каждый человек в горе ищет утешения, вот я и ободряю этих людей. А они, разумеется, стараются мне отплатить чем могут.

Молва о нашем «ясновидце» быстро облетела деревню. Мы тоже убедились в его способностях иллюзиониста. Столик по указанию Тарнацкого четко отвечал на задаваемые вопросы. Он даже выстукивал, сколько у нас денег в карманах. Смеху было при этом!..

Наступили пасхальные праздники. Как и рождество, они прошли очень весело. Весна вовсю вступала в свои права.

Нам казалось странным, что в течение столь длительного периода мы не участвовали в боевых действиях. Из Белоруссии мы перебазировались на Украину, откуда было ближе к границам Польши. И все это время командование занималось вопросами формирования и тщательной боевой подготовки многих новых польских воинских частей. Гитлеровские полчища оставались еще сильными, поэтому им должна была противостоять только очень хорошо подготовленная армия.

В Старом Солотвине мы простояли месяц. Наконец 3 мая наши пехотные подразделения погрузились в вагоны и поехали на запад, в район Киверец на Волыни, а конный транспорт 1-го пехотного полка (в состав которого входила и наша полковая батарея) под командованием майора Бондаравца двинулся пешим маршем. Через несколько дней мы, миновав Кожец и Ровно, остановились под Киверцами. Там сосредоточилась вся польская армия, сформированная в Советском Союзе. Наша батарея разместилась вблизи деревни Четвертня. Строительного материала здесь было более чем достаточно, и нам в течение нескольких дней удалось построить для себя удобные землянки.

Фронт проходил близко, под Ковелем, в нескольких десятках километров от нас. Учитывая это обстоятельство, наша батарея приняла участие в подготовке линии обороны вдоль берега реки Стырь. Мы продолжали совершенствовать боевую выучку, были усилены дежурные службы, поскольку в районе нашей дислокации еще действовали многочисленные банды бандеровцев.

Под Киверцами в нашей батарее произошел несчастный случай. Однажды после учений командир отделения разведки капрал Панасюк начал чистить свой автомат, не отделив от него предварительно магазин. Когда он протирал ствол шомполом, раздался выстрел. Пуля поразила Панасюка прямо в сердце. Все онемели. Сержант Высоцкий бросился на помощь товарищу, но сделать уже ничего было нельзя. Это событие потрясло всех воинов нашей батареи. Хотя и говорится, что каждое ружье раз в год стреляет само, тем не менее этот случай потряс нас всех до глубины души и подействовал сильнее самого строгого приказа.

Однажды наш молодой наводчик Бронецкий заболел малярией. У него поднялась температура. Вконец обессилевший, он прилег в густом сосняке у дороги, находясь в полубессознательном состоянии. Там его заметил генерал Берлинг, оказавшийся в батарее.

— Что с вами? — спросил он, внимательно всматриваясь в желтое лицо бойца, который попытался встать и представиться как положено.— Не вставайте, не нужно. Вы из какой части?

— Я заболел, товарищ генерал,— прошептал Бронецкий.— Я из первого пехотного полка, из полковой батареи...

Генерал через адъютанта подозвал старшину нашей батареи сержанта Бялоокого и лично приказал ему позаботиться о больном, который никому не докладывал о своей болезни, видимо надеясь выздороветь без медицинской помощи.

Там же под Киверцами наш полк посетили необычные гости. Это была делегация Крайовой Рады Народовой, в состав которой входили в числе других Эдвард Осубка-Моравский и Мариан Спыхальский.

Всем нам очень интересно было увидеть своих соотечественников, прибывших из-за линии фронта. На общем собрании личного состава 1-го пехотного полка делегаты рассказали нам о гитлеровском терроре в Польше и о самоотверженной борьбе народа с оккупантами.

Интенсивная боевая подготовка продолжалась. Ее итогом стали большие учения нашего полка, на которых ему при непосредственной поддержке танков и артиллерии предстояло наступать на сильно укрепленные позиции «противника».

— Ваше орудие будет вести огонь по бункеру и танку «противника», — приказал мне командир батареи капитан Соловейчик. — Для уничтожения целей вам выделяется по пять снарядов. Если выполните задание, я в долгу не останусь. Ведь стрельбы будут наблюдать командующий армией и командир дивизии, поэтому хорошо подготовьтесь.

В назначенное время наше орудие было доставлено на огневой рубеж четверкой лошадей. Расчет быстро развернул пушку и подготовил ее к стрельбе. Я подал команду:

— Орудия, к бою! Цель — вражеский бункер...

Наш самый лучший наводчик Адам Бронецкий направил ствол орудия на едва видимую амбразуру дзота. Первый же снаряд попал в цель, а вторым бункер был разбит.

Тем временем на поле примерно в восьмистах метрах от нашего огневого рубежа показался движущийся танк (это был макет, который тащил трактор).

— Цель — танк противника... — подал я следующую команду.

Бронецкий, увидев цель, навел орудие. Первый же снаряд сбил верхнюю часть макета. Однако для пущего эффекта необходимо было его разбить, и хитрец Бронецкий шепнул заряжающему:

— Открути колпачок взрывателя.

От второго снаряда «танк» разлетелся на кусочки. Задание было выполнено на «отлично», и моя батарея заняла первое место в учениях. Остальные подразделения мало в чем нам уступили.

По окончании стрельб лучшим наводчиком определили Адама Бронецкого. Его вызвали к командующему армией. Генерал Берлинг выразил ему благодарность и вручил первый приз — денежную премию. Генерал немало удивился, узнав в наводчике того самого больного малярией бойца, которого он как-то нашел в лесу и о котором проявил заботу. Бронецкий поблагодарил генерала, и вдруг его обхватили чьи-то руки. Кто-то радостно крикнул:

— Адам, это ты?!

Бронецкого обнимал его старый приятель по работе на шахтах, а теперь личный летчик командующего поручник Эугениуш Левицкий.

Генерал Берлинг, наблюдавший за этой радостной встречей, решил сделать приятное так неожиданно встретившимся друзьям и поручил Левицкому доставить молодого артиллериста в его часть самолетом.

Вся наша батарея испытывала огромную радость по случаю отлично выполненного задания командования, а вот нашим соседям — батарее полковых 45-миллиметровых противотанковых орудий радоваться не приходилось. Во время стрельбы «танки» каким-то образом ускользнули от выстрелов этих обычно метких пушек, чего никак не мог простить своим подчиненным командир батареи поручник Миколай Давискиба, который славился своей требовательностью.

Вскоре после учений многим отличникам боевой подготовки были присвоены очередные воинские звания. В нашей батарее звание фейерверкера[1] получил старшина батареи сержант Юзеф Бялоокий, а Адам Бронецкий и Кароль Павлик стали капралами.

Кадровые перемещения в батарее продолжались. Новым заместителем командира батареи по политико-воспитательной работе стал хорунжий Михал Гонсеровский. Поручник Станислав Кропатва ушел во вновь организованную дивизию, а на его место заместителем командира батареи назначили хорунжего Чеслава Бермана.

[1] Подофицерское звание в артиллерии Войска Польского. — *Прим. ред.*

Сержант Юлиан Высоцкий был назначен командиром отделения во взводе управления. Изменения произошли и в руководстве полком. Бывший наш командир полковник Леон Соколовский был переведен в другую часть, а на его место назначили подполковника Базыли Максимчука. Поляк по национальности, он родился на Украине, потом служил в Красной Армии. Он командовал 1-м пехотным полком до самого конца войны.

УЖЕ ЗА БУГОМ

— Обстановка на фронте с каждым днем улучшается, — информировал нас на проходящих в июне политзанятиях хорунжий Гонсеровский. — Советские войска ведут подготовку к новым ударам по врагу. И еще одно важное сообщение: западные союзники наконец-то открыли второй фронт и 6 июня высадились в Нормандии. Сначала там был высажен большой морской десант, а теперь идет выброска других воинских контингентов по воздуху. Немцы отчаянно сопротивляются. Может быть, теперь нам станет легче?

— Товарищ хорунжий, а каково положение на фронте под Ленино? — спросил капрал Хоронжий.

— Под Ленино с октября прошлого года ситуация практически не изменилась. Видимо, немцы там здорово закрепились. Здесь, под Ковелем, они тоже заняли удобный рубеж, хотя и находятся почти в мешке: с трех сторон окружены войсками 1-го Белорусского фронта. А отходить им отсюда тоже не резон: в таком случае открываются подступы к Бресту, Люблину и Сандомиру. Но все равно долго здесь не засидятся, — закончил хорунжий Гонсеровский.

— А когда же мы опять пойдем на передовую? — спросил Зубер о том, что нас больше всего интересовало. — Ведь нас уже целая армия...

— Теперь долго ждать не придется. Командование, видимо, намеревается использовать нас в боях на польской земле, а до Буга осталось всего сто километров. Может, некоторые соединения вступят в бой раньше, в самом начале наступления при прорыве первой линии обороны противника.

Политработников буквально забрасывали подобными вопросами: ведь теперь мы стояли у границ своей родины.

С огромным интересом мы слушали радио. В ежедневных сводках сообщалось о стремительных изменениях на Восточном фронте. Во второй половине июня началась гигантская по масштабам наступательная операция Красной Армии в Белоруссии. Правый фланг 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского, которому подчинялась и наша армия, стал развивать наступление на Барановичи и Брест.

Мы горели нетерпением вступить в бой.

Наступило 11 июля. Стоял погожий, теплый день. Мы растянулись на траве под раскидистым деревом, разомлев от жаркого солнца.

Вдруг мы увидели бегущего к нам Тарнацкого.

— Ребята, — едва отдышавшись, закричал он. — Наша батарея уже сегодня выступает на фронт! У меня есть приятель в первом артполку, — продолжал кричать Тарнацкий. — Он мне сказал, что получен приказ от командующего артиллерией 1-й армии о немедленной переброске нас на передовую. Такие же приказы получены и в других артполках! Видимо, уже планируется артподготовка наступления!

Это сообщение мгновенно подняло нас на ноги. Мы были готовы ринуться на фронт хоть сейчас, без приказа. Увы, оказалось, что командование выделило для участия в артиллерийской подготовке наступления пехоты на участке под Турьей только две польские бригады, пять артиллерийских полков и один минометный.

— Черт побери, какая жалость! — сокрушался Куликовский. — Как раз нас-то и обошли! Уже руки зудят от безделья...

На рассвете 18 июля после интенсивной получасовой артиллерийской подготовки на штурм гитлеровских позиций в районе Ковеля двинулись войска левого фланга 1-го Белорусского фронта.

— Вот это был бой! — рассказывал мне потом сержант Сегут, с которым мы вместе заканчивали подофицерскую школу в Сельцах. — Советские пехотинцы стремительно ворвались во вражеские окопы и моментально овладели ими. Однако фашисты опомнились, стали оказывать упорное сопротивление и даже не раз при поддержке танков переходили в контратаки. Мы тогда сменили огневые позиции, подступили ближе к нашей пехоте и мощными ударами помогли отбросить гитлеровцев в западном направлении. Так с боями мы дви-

гались вслед за советской пехотой и 20 июля вышли на берег Буга. Советские дивизии продолжали развивать наступление в направлении Хелма и Сандомира, а мы подождали подхода остальных наших пехотных соединений, чтобы вместе вступить на родную территорию...

Наша батарея вышла из деревни Четвертня вечером 15 июля и двинулась в походной колонне 1-го батальона на запад. Идти по сыпучей песчаной дороге ночью было очень тяжело, но, несмотря на это, мы прошли более тридцати километров. Днем немного отдохнули в придорожном лесу, а под вечер снова тронулись в путь. Бойцам хотелось выспаться, глаза слипались, многие мечтали об одном — хоть на минутку присесть на лафет. Наши лошадки тоже приморились: ведь им приходилось тянуть тяжеленные пушки или зарядные ящики, нагруженные снарядами. Частенько дорога шла в гору, и тогда слышались команды взводных:

— Расчеты, к орудиям! Помочь лошадям!

Сон мгновенно улетучивался, однако стоило дороге выровняться, как усталость свинцовой тяжестью опять давила на уставшие веки.

Боролся со сном и я. Чтобы хоть как-то одолеть сонливость, я что есть силы таращил глаза, отчего они лишь воспалялись, и казалось, будто кто-то бросил в них горсть песку. Ноги переступали автоматически. Однако все шли и я шел, время от времени даже подбадривая или подгоняя кого-то.

18 июля на рассвете мы услышали мощную канонаду, доносившуюся до нас за десяток с лишним километров. Во второй половине дня мы узнали, что гитлеровская оборона прорвана и наступление советских войск успешно развивается.

День 23 июля был для нас знаменательным. В 14 часов мы перешли Буг по понтонному мосту в районе Дорогуска и оказались на родной земле! Наш 1-й пехотный полк вступил на польскую землю под звуки оркестра под Знаменем дивизии с портретом Тадеуша Костюшко. Всех охватило огромное волнение. Многие не скрывали слез. Да, сдержали свое слово организаторы польских воинских формирований в Советском Союзе — привели своих воинов на родину, к тому же кратчайшим путем. Сбылось то, о чем мы мечтали на берегах Оки. Мы вернулись на родину, и не как толпа бездомных бродяг, а как ее защитники — с оружием в руках и с

развернутыми знаменами, осененными славой победы в битве под Ленино.

— Мама! Смотри-ка, польская армия! — радостно крикнул тоненьким голоском какой-то мальчуган. — И орлы на шапках!

— Да, сынок, это польские солдаты вернулись на родину, чтобы бить фашистов и освобождать нашу страну, — серьезно ответила женщина.

И это была святая правда.

Соотечественники приветствовали нас с огромным энтузиазмом. Были и слезы радости при виде нас, и цветы, которыми нас засыпали, и разные подарки. И не было конца возгласам: «Да здравствует Войско Польское!» Великое счастье, когда тебя так встречают!..

На привале хорунжий Гопсеровский сообщил нам, что 21 июля Крайова Рада Народова образовала первое в истории польского народа рабоче-крестьянское правительство — Польский комитет Национального освобождения. КРН утвердила также закон о воссоединении Армии Людовой, сражавшейся на территории Польши, с нашей 1-й польской армией и о создании единого Войска Польского, назначив его главнокомандующим генерала брони Михала Роля-Жимерского. Заместителями главнокомандующего были назначены генерал дивизии Зигмунт Берлинг и генерал бригады Александр Завадский.

Мы узнали также о том, что ПКНО обнародовал свой исторический Июльский манифест, определивший основные принципы строительства новой Польши, освобожденной от фашистского ига, от оков империализма, от гнета польских помещиков и капиталистов.

Словом, у нас было много оснований для радости.

Немного отдохнув, мы двинулись дальше, в глубь своей страны, где нас сердечно встречали на всем пути. Навстречу нам выходили не только мирные жители, но и партизаны.

— Привет, берлинговцы! — приветствовали они нас. — Скоро вместе будем бить гитлеровцев. В артиллерию нас возьмете? Мы пехотинцы, но легко переквалифицируемся.

— Пожалуйста, ждем вас, — отвечали мы. — Только быстрее решайте: в артиллерию много желающих, а мест вакантных не так уж много.

Однако случались и другие встречи: с холодком, с недоверием и подозрением.

— А почему у вас орел какой-то другой, чем до войны? Почему без короны? — допытывался некий господин у Тарнацкого.

Тарнацкий терпеливо стал объяснять ему происхождение новой символики, однако ни ссылки на древнюю династию Пястов, ни другие аргументы так и не смогли переубедить этого господина, вздыхавшего о «прежних добрых временах».

— Значит, вы и есть те самые берлинговцы? — Господин брезгливо скривил губы.

— Да, те самые! И гордимся тем, что носим сейчас именно такой герб. Мы пришли на родину кратчайшим путем, и пришли как ее защитники — с оружием в руках! — вскипел Глебик.

— Что не понравилось этому субъекту? — спросил Павликовский у Тарнацкого.

— Что наши орлы без короны, — рассмеялся тот.

22 июля был освобожден Хелм. Жители его устроили своим освободителям восторженную встречу. 24 июля мы в составе 1-го пехотного полка прошли по улицам ликующего свободного Люблина.

Казалось, все жители вышли нам навстречу. Нас буквально засыпали цветами. От волнения комок подступал к горлу, на глаза навернулись слезы. Я шел с охапкой цветов в руках, а их все прибавлялось и прибавлялось. Такие эпизоды запоминаются навсегда...

В городе повсюду были видны следы недавних боев. За плотной толпой встречавших нас людей, образовавших живой коридор, можно было увидеть брошенную немецкую технику, трупы лошадей...

Здесь, в освобожденном Люблине, мы узнали и о подлом преступлении интервентов, которые в день своего ухода из города во дворе Люблинского замка зверски убили заточенных там поляков. Мы видели обезображенные тела людей. В тот же день их похоронили. Последние почести от имени 1-го пехотного полка отдала им рота стрелков.

А потом мы узнали о Майданеке.

Горечь сжимала сердце, росла жажда мщения. Каждый из нас поклялся в душе не успокаиваться до тех пор, пока ненавистный враг не будет изгнан из Польши и пока не восторжествует справедливость.

Вечером мы покинули Люблин и по Демблинскому шоссе пошли к Висле. Шли мы быстро. Ночь нас совсем не тяготила, и усталость пришла лишь под утро.

На одном из привалов хорунжий Гонсеровский позвал к себе Козея.

— Ну, капрал, вас откомандировывают в органы по проведению земельной реформы, — сообщил он ему. — Забирайте свои вещи и немедленно отправляйтесь по указанному адресу. Желаю вам успеха на новой работе.

Козей чувствовал себя польщенным оказанным ему доверием, но вместе с тем ему жаль было расставаться с нами.

— Как раз теперь, когда вы идете в бой, меня в тыл отправляют... — ворчал он, но по всему было видно, что его так и распирало желание побыстрее приступить к земельной реформе. Крестьянин, он соскучился по своему хлеборобскому делу.

— Только нас не забывай. Прибереги для нас по паре гектаров земли, чтобы было где хозяйствовать после войны, — наказывали ему артиллеристы.

Наконец и мне удалось дать о себе знать родителям. Свое первое письмо после трех лет молчания я отправил из Люблина. В нем я сообщал, что жив и с нетерпением жду от них весточки.

«ЖЕЛТЫЙ ПЕСОК У ВИСЛЫ...»

Конец июля 1944 года выдался теплым и солнечным. Казалось, само небо радовалось нашему возвращению на родину. Мы тоже. Песни так и рвались из сердца, пели даже во время тяжелого марша. Нам особенно нравилось показывать свои вокальные способности тогда, когда мы шли по улицам деревень и городов. «Шумит вокруг лес...», «О, мой розмарин...» и другие песни частенько слышались в нашем исполнении в селах Люблинщины. А Висла была все ближе и ближе.

Во время привала хорунжий Гонсеровский, как обычно, рассказывал нам о положении на фронтах. Нас это очень интересовало, и мы всегда с нетерпением ждали очередной политинформации.

Демблин, Пулавы и Лукув были уже освобождены, но на севере гитлеровцы держались еще очень прочно. Шли бои за Седлец.

— Наша дивизия уже получила боевое задание, — информировал нас офицер по политико-воспитательной работе. — Мы должны сменить советские части в районе Демблина. Так что, рядовой Зубер, — обратился он к своему самому внимательному слушателю, — видимо, скоро вы встретитесь с гитлеровцами. Только Висла будет отделять вас от них! Еще мне хотелось бы предупредить вас, ребята, что фашисты перед тем, как драпануть за Вислу, заминировали дорогу, ведущую к Демблину, а также все самые важные объекты в этом городе. Об этом вовремя узнали наши партизаны, которые перерезали в Демблине провода, ведущие к минным полям, и таким образом предотвратили возможные взрывы.

— Наконец-то мы подойдем к Висле, — мечтательно сказал Губицкий. — Наконец-то «желтый песок у Вислы...», как в песне поется...

Однако не все костюшковцы первыми вышли на берег Вислы. Вечером 28 июля 2-й и 3-й пехотные полки в качестве авангарда вышли к реке и заняли оборону на берегу Вислы в районе Демблина и к югу от него. Увы, наш 1-й пехотный полк на этот раз был выделен во второй эшелон дивизии и в качестве резерва разместился в лесу, в четырех километрах от реки, неподалеку от деревни Нецеж. Несколько наших бойцов не выдержали и украдкой прошмыгнули к реке, чтобы своими глазами увидеть воспетые в песнях песчаные берега, полюбоваться главной рекой Польши.

— Так вот она какая, Висла... — взволнованно произнес двадцатилетний канонир Бидзюковский. Потомок польских ссыльных, он родился в Сибири. — Да... Енисей, конечно, пошире будет, но Висла — красавица.

— Висла, браток, царица польских рек, — объяснил ему Павлик. — Енисей могуч, но разве он может по красоте сравниться с Вислой? Наверняка нет!

— Нет, Енисей тоже красивый, — защищал сибирскую реку Бидзюковский. — А что это за стены виднеются там, справа? — он показал на приземистый темный силуэт каких-то строений.

— Это демблинская крепость, — похвастался Зубер своими познаниями. — Раньше ее называли неприступной, но все эти рассказы немногого стоили. Говорят, гитлеровцы даже не пытались ее оборонять. Давайте пройдем поближе и посмотрим.

Павлик высказал опасения, как бы батарея не сменила позицию, пока они тут ходят, но соблазн осмотреть крепость был велик.

Возвращались в батарею с военными трофеями в виде кипы немецких топографических карт различного масштаба. Во время дальнейших боевых действий они нам очень пригодились.

— Там, в крепости, их полным-полно, — сообщил Павлик. — Там много валяется и разной техники, и оружия.

На том берегу Вислы притаился смертельный враг, уверенный в том, что уж с этой линии обороны его не выбьет никакая сила. Однако гитлеровские солдаты, которым крикливая геббельсовская пропаганда вбивала в голову, что «выравнивание фронта» возможно лишь до Вислы, уже в конце июля могли убедиться, сколь непрочен этот их рубеж. Советские воины переправились через реку у Магнушева, в районе Казимежа и под Сандомиром. Им удалось закрепиться на занятых плацдармах, расположенных на левом берегу Вислы и впоследствии сыгравших важную роль в январском наступлении.

— О чем это спорит «совет подофицеров» батареи? — сострил сержант Кантыпович, командир отделения боевого питания.

— Да так, просто разговариваем о положении на нашем участке фронта, — в тон ему ответил я, — о том, где придется скоро воевать, да и вообще о разном.

— Я не боевой солдат, как вы меня величаете, а снабженец, но, по-моему, нашей дивизии скоро придется участвовать в форсировании Вислы. — Кантыпович загадочно улыбнулся. Видимо, во время получения боеприпасов на своих складах он что-то подслушал. — Второй пехотный полк уже готовится к переправе, собирает лодки по эту сторону Вислы.

— А на каком участке он будет форсировать реку? — заинтересовался Павлик.

— Ох, какой ты любопытный! Не под Торунем же! Второй полк стоит у Демблина? Так где же ему форсировать? — в голосе Бронецкого прозвучало легкое раздражение.

— А ты, Адам, хороший тактик! — заметил Павлик.

31 июля в первой половине дня капитан Соловейчик поставил перед командирами взводов следующую боевую задачу:

— Сегодня ночью форсируем Вислу. У Млынкова переправляется 2-й полк, в районе Борка — 3-й. Наш полк находится в резерве. Только три роты 82-миллиметровых минометов, батарея 122-миллиметровых гаубиц и первый огневой взвод нашей батареи примут участие в поддержке второго полка. Сержант Байч, приказываю вам сегодня вечером вывести два орудия на огневые рубежи в районе моста и поддерживать огнем прямой наводкой действия наших пехотинцев на переправе. Старшим в этой группе назначаю своего заместителя по строевой части. Днем произвести рекогносцировку местности и выбрать огневые позиции для орудий. Я буду находиться в этом районе... Для прикрытия действий правого фланга дивизии на Висле выделен 1-й батальон 1-го пехотного полка. Его будет поддерживать 2-й огневой взвод. Взвод боевого обеспечения и прочие тыловые подразделения батареи остаются под командованием поручника Хубая на своих старых местах в районе деревни Нецеж... Вопросы есть?

Вопросов не было, всем было все ясно.

Байч, взяв с собой расчеты Павлика и Кураса и две повозки со снарядами, отправился в Демблин, а подпоручник Козак с расчетами моим и Пивоварчика, а также с двумя повозками прибыл в распоряжение командира 1-го батальона.

В это время на фронте под Демблином было относительно спокойно, и только время от времени тишина нарушалась залпами вражеской артиллерии, которая вела огонь по крепости и ближайшим населенным пунктам. Наши батареи 1-го артполка и минометы отвечали им огнем.

Для проведения рекогносцировки была выделена специальная группа, в которую вошел и я. Мы осторожно приближались к деблинскому железнодорожному мосту. При отходе на западный берег Вислы гитлеровцы успели взорвать его. Несколько ферм лежало в воде, угрюмо выставив вверх обломки своих железных конструкций. На той стороне реки местность была ровная, открытая, лишь кое-где росли группы деревьев, да тут и там возвышались строения.

— Ну и пустота! Кажется, живой души нет. Хитрые, сволочи, сами, наверное, тоже времени не теряют и высматривают, что делается на нашем берегу, — громко рассуждал Курас.

— Это уж точно! — заверил Байч. — Поэтому надо не зевать и маскироваться, ребята! Мне кажется, Курас, что для следующей огневой позиции твоего орудия очень подходит вон тот холмик с кустиками, с правой стороны при въезде на мост, — он показал рукой. — А ты, Павлик, поставишь свою пушку налево от моста. С этих точек у вас будет хороший сектор обстрела как самого моста, так и противоположного берега. Как только стемнеет, подтягивайте орудия со снарядами и принимайтесь за дело. И не забудьте о хороших укрытиях для расчетов. Помните: самое главное — маскировка!

— Пока что понаблюдайте за вражеским берегом. — Хорунжий Берман напряженно всматривался в сторону Вислы, видимо надеясь обнаружить вражеские огневые точки.

Через некоторое время от глаз наблюдательного Павлика не укрылось едва уловимое движение за рекой.

— Смотрите, вон там, на насыпи, — показал он рукой, — налево от моста что-то виднеется в траве. Кажется, каска... Вот опять что-то зашевелилось, а рядом, видите, свежевырытая земля! — Павлик говорил шепотом, словно противник мог его услышать. Байч напряженно всматривался в том направлении.

— Это, наверное, пулеметное гнездо. Нанесите его на схему и помните о нем.

Ночью 2 августа на Висле разгорелся кровопролитный бой. Костюшковцы приступили к форсированию реки. Солдаты ринулись из демблинской крепости и по уцелевшим частям моста, а также по уложенным наспех доскам переправились на другой берег Вислы. Гитлеровцы, заметив их, открыли ураганный огонь.

Очереди трассирующих пуль разрезали темноту ночи.

— Товарищ командир взвода, направо от моста — пулемет! — крикнул заряжающий Рокошевский.

— По пулемету осколочно-фугасным, прицел двадцать, пятью снарядами, огонь! — поспешно скомандовал Курас.

Адам Бронецкий безошибочно навел орудие на вражеский пулемет. Он отчетливо видел сквозь прицел огневую точку, которая преграждала путь нашей пехоте. Вот несколько снарядов попало в цель — пулемет замолчал.

— За мостом, в глубине — второй вражеский пулемет. Прицел тридцать. Уничтожить! — крикнул Байч.

Его крик слился с грохотом канонады. Это вражеская артиллерия открыла огонь по району переправы. Снаряды стали ложиться вблизи наших орудий. Однако расчет сержанта Кураса пока оставался на своем месте. Рядовой Грабовский быстро посылал снаряды в ствол, а наводчик Бронецкий спокойно наводил пушку на цель, пытаясь уничтожить вражеский пулемет.

Второе орудие под командой капрала Павлика подавило пулемет противника, который стрелял слева во фланг переправлявшейся через мост роте, геройски атаковавшей гитлеровцев.

Вначале успех сопутствовал нашим. Рота овладела плацдармом на том берегу и расширила его в глубину и по фронту, подойдя к деревням Обуз и Заезеже. Вслед за передовой ротой стала форсировать Вислу 3-я рота 1-го батальона. Однако с рассветом гитлеровцы усилили контратаки и открыли по мосту мощный артиллерийский огонь, остановив наше дальнейшее продвижение. В то же время переправившиеся стали испытывать недостаток в боеприпасах и вынуждены были перейти к обороне.

При таком перевесе сил со стороны противника дальнейшая переправа батальона стала невозможной. Тем подразделениям, которые уже находились на другом берегу, доставлять боеприпасы было невозможно, поэтому им приказали отойти на наш берег.

Ободренные успехом, гитлеровцы попытались ворваться на мост, но были встречены ураганным огнем нашей артиллерии и, понеся большие потери, отошли.

Неудачными оказались и попытки форсировать Вислу под Млыновом силами 2-го батальона 2-го пехотного полка и в направлении Борка — усиленной ротой 3-го пехотного полка. На западном берегу Вислы немцы организовали упорную оборону и сосредоточили достаточно сил, чтобы сорвать наши попытки переправиться в общем-то немногочисленными отрядами, не располагавшими к тому же соответствующими плавсредствами.

В то время как орудия сержанта Байча в районе демблинского моста огнем прямой наводкой поддерживали тяжелые бои 2-го пехотного полка, наш другой взвод под командованием подпоручника Козака вместе с 1-м батальоном занимал оборону у деревни Рычице. Здесь мы, артиллеристы, непосредственно не соприкасались с противником и, естественно, не имели возможности вести

по нему огонь. До нас только доносились отзвуки боя, который велся в нескольких километрах.

Через несколько дней мы радостно приветствовали товарищей, отличившихся под Демблином. Батарея опять была в сборе. С восхищением и завистью смотрели мы на тех, кому посчастливилось принять участие в боях. Мы расспрашивали их о самых мельчайших подробностях схватки на Висле, однако они явно скромничали, о себе говорили мало, зато восторженно рассказывали о действиях друзей-пехотинцев.

— Пехотинцы были неудержимы, — восхищался Бронецкий. — На том берегу они дрались до конца... Те, кому удалось отойти, рассказывали, что гитлеровцы связывали пленных колючей проволокой, обливали бензином и сжигали заживо. Фашистская артиллерия била по нашему расположению так метко, что это вызвало подозрения. А потом выяснилось, что в погребе возле одного дома сидел немец с рацией, которому откуда-то стали известны наши огневые точки.

— Одно ясно, — в раздумье произнес Байч. — Переправа через Вислу — дело ох какое трудное. После поражения на Буге фашисты опомнились и организовали хорошую оборону. Под Демблином много наших костюшковцев погибло в волнах Вислы... — Он задумался. — Теперь перед нами стоит новая задача — отработать переправу орудий через водные преграды. Рано или поздно Вислу мы будем форсировать!

— Значит, и плавать надо учиться. Кто не умеет? — Мищук пытался изменить настроение.

— Вот именно. А ты умеешь? — обратился ко мне Байч.

— Не очень, — уклончиво ответил я. — В моей родной Хайнувке реки не было, а на Енисее я не сумел полностью овладеть этим искусством — слишком быстрое там течение.

Когда мы вели разговор о демблинской переправе, вспоминая различные эпизоды, неожиданно появился запыхавшийся хорунжий Гонсеровский.

— Есть важное сообщение, — отдышавшись, выпалил он. — Только что в штабе полка нам сообщили о том, что первого августа в Варшаве вспыхнуло антифашистское восстание, организованное командованием Армии Крайовой. Сейчас там идут очень тяжелые бои. По-моему, лондонское правительство предприняло сумасброд-

ный политический ход... — Он умолк, не докончив мысли.

Это известие всех взволновало.

В тот же день наша полковая батарея, приданная на этот раз 2-му батальону 1-го пехотного полка, двинулась в походном строю на юг вдоль Вислы в направлении Пулав. Под утро 5 августа батальон занял оборону на опушке леса севернее деревни Вулька-Профецка. Занимавшее до нас эти позиции подразделение 2-й пехотной дивизии передислоцировалось в южном направлении. Наша батарея расположилась на небольшой поляне в лесу. Занимался прекрасный солнечный день. Над Вислой стояла полная тишина. Гитлеровцы сидели в своих окопах спокойно. Наши пехотинцы тоже молчали, скрытно наблюдая за противником.

После завтрака я с командиром четвертого орудия сержантом Пивоварчиком пошел к реке: хотелось наконец поближе увидеть ее и, конечно, разузнать обстановку на передовой. Мы вышли из леса и, перебегая от кустика к кустику, добрались до окопов нашей пехоты.

— Привет артиллеристам! — громко гаркнул при нашем появлении знакомый командир отделения капрал Веселовский. — Никак вдвоем задумали провести артподготовку переправы?

— Почему бы и нет? — рассмеялся я. — А если не шутя, хотели посмотреть на Вислу, а заодно кое-что узнать и о вражеской обороне.

— Пока стоит тишина. До сего времени гитлеровцы ни разу не выстрелили, и мы не заметили никакого движения на том берегу.

Перед нами открылась чудесная панорама. Внизу лениво текла Висла, по которой мы так тосковали. С нашей стороны к воде тянулись песчаные отмели. На противоположном, низком берегу виднелась деревня Ленка, а дальше, на запад, на фоне лесов вырисовывались многочисленные хутора и деревушки. Там царила полнейшая тишина. Ни одного вражеского окопа нигде не просматривалось: немцы умели маскироваться.

Линия обороны нашей пехоты проходила по высокому берегу Вислы, частично поросшему кустарником; позади находился густой лес, что создавало нам возможность для подхода к передовой.

— Ребята, если обнаружите какую-либо цель у противника, сразу сообщите нам. Мы постараемся накрыть

ее, — обратились мы к друзьям-пехотинцам. — Ну а пока, прощайте, держитесь крепче!

Тишина на нашем участке фронта ничем не нарушалась. На следующий день, 7 августа, к нам в батарею пришел командир 2-го батальона майор Дзевановский.

— На фронте удивительная тишина. Либо немцы вообще отошли с нашего участка, либо притаились. Необходимо это проверить. Берите с собой одну пушку, пойдем к Висле, — обратился он к хорунжему Берману.

— Слушаюсь! — ответил Берман. — Сержант Рутковский, выкатывайте орудие!

Спустя несколько минут наше орудие уже стояло на краю леса. Замаскировав его в кустах и соблюдая осторожность, мы отправились на передний край нашей обороны. Вначале из окопа наблюдали за противоположным берегом. Неожиданно майор Дзевановский вылез из окопа на бруствер и стал по нему расхаживать во весь рост.

Примеру смелого майора последовали и остальные. Все мы, то есть я, хорунжий Берман, наводчик Козлович и еще несколько солдат, стали спокойно ходить по берегу Вислы.

— Может, у кого и выпить есть? — пошутил майор. — Тогда бы и пикник устроили...

— К сожалению, нет, — в тон ему ответил я. — Старшина не отпустил на этот случай.

— А я-то думал, что артиллеристы в ящиках со снарядами всегда возят с собой еще один «снаряд» — доброго самогона. Ну что ж, Берман, сами видите, немцев, вероятнее всего, нет, иначе бы они не выдержали, заметив нас. На всякий случай давайте еще и постреляем. Сержант, поставьте здесь пушку и ударьте пятью снарядами вон по тому полю, за деревней. Может, удастся переполошить какую-нибудь батарею фашистских минометчиков?..

Прогремел выстрел, и наш первый снаряд со свистом полетел в сторону противника, упав где-то за деревней. Там же разорвались второй и третий снаряды. В тот момент, когда Козлович выстрелил в четвертый раз, из глубины вражеской обороны, из-за деревни Ковале, послышался звук ответного выстрела.

— Ну, отозвались-таки, сукины дети! — спокойно заметил майор Дзевановский.

Мы выпустили пятый снаряд. Вражеский снаряд ра-

зорвался где-то сзади, примерно в двухстах метрах. Следующий упал гораздо ближе.

— Отбой! — скомандовал я, так как дальнейшая стрельба не имела смысла.

Мы быстренько скатили пушку с холмика и отвели ее в расположение батареи. Гитлеровцы же дали волю своим нервам и в течение почти получаса ожесточенно обстреливали наш «район провокации». Отозвались и их пулеметные точки. Словом, напряженной тишине пришел конец. Открыла огонь и наша артиллерия с закрытых боевых позиций. Фронт под Вулькой-Профецкой ожил.

Обнаружив таким образом некоторые огневые точки противника, мы на следующий же день, соблюдая маскировку, выкатили из леса свои орудия и разбили четыре пулеметных гнезда немцев. Вечером того же дня мы в составе 2-го батальона передали занимаемый участок обороны советской кавалерийской части, а сами отправились на север, в район Вымыслова. 2-я и 3-я дивизии пехоты покинули район Пулав и вместе с 1-й танковой бригадой имени Героев Вестерплятте были переброшены за Вислу на магнушевский плацдарм в помощь советским солдатам.

Расположились мы в лиственном лесу. Наша батарея спокойно готовилась к выполнению очередных боевых заданий. Со стороны реки Пилица непрерывно доносился гул артиллерийской канонады и бомбардировок, целью которых был мост через Вислу, возведенный нашими саперами.

Однако долго стоять здесь нам не пришлось. 21 августа костюшковцы получили новое задание — занять оборону на восточном берегу Вислы на участке Карчев, устье реки Вильга.

Мы установили орудия на открытых боевых позициях на пригорке перед деревней Собене-Езеры. На этот раз нас придали 1-му батальону 1-го пехотного полка.

— Девчата, а что это за замок виднеется за Вислой? — поинтересовались мы с Тарнацким у двух подружек, проходивших неподалеку от нас.

— Это Черск, усадьба мазовецких князей, — ответила смуглая брюнетка и, толкнув подружку локтем, удивленно добавила: — Слышишь, Крыся, они говорят по-польски!

— А как же нам еще говорить? — рассмеялся Тарнацкий. — Ведь мы же польские солдаты.

— О боже, и впрямь поляки! — обрадовались они. Дальнейший разговор принял оживленный характер.

— Может, вы заглянете к нам в деревню? — стали они нас упрашивать. — Вот бы родители обрадовались.

— С огромным удовольствием, но только не сейчас.

На следующий день наш сосед справа — 3-й батальон 2-го пехотного полка под командованием майора Рембезы вступил в ожесточенную схватку на подступах к Черску. Бои продолжались до конца августа, и мы понесли в них большие потери. Погиб и сам командир 3-го батальона. В память о нем место боя было названо островом Рембезы.

Отдохнув два дня под Черском, наша батарея перебазировалась в район деревни Высочин, получив задание поддерживать действия 2-го батальона.

— Огонь будем вести с закрытых огневых позиций, — сказал капитан Соловейчик. — Подпоручник Козак, занять и оборудовать огневые позиции вон там. — Он показал рукой на поле за Высочином. — Хорунжий Берман, наблюдательный пункт занять на прибрежной насыпи. Поручник Хубай, взвод боевого питания разместить в лесу...

— Ну, товарищи телефонисты и разведчики, вам предоставляется возможность полюбоваться прекрасной панорамой Вислы, — обратился к своим подчиненным взводный Высоцкий. — Вон на том длинном острове, который называется Кемпа Конарска, находятся гитлеровцы. Хорошенько наблюдайте за ними и старайтесь вскрыть их огневые точки. Телефонистам поддерживать постоянную связь с командирами орудий!

Работа по оборудованию огневых позиций батареи и укрытий для личного состава продолжалась всю ночь. Когда поднялось солнце, мы уже зарылись в землю и замаскировались снопами ржи. Все было готово к ведению огня. Пролетавшие над нами вражеские самолеты и не подозревали, что на поле разместились наши орудия.

— Товарищ капитан, за Вислой, неподалеку от деревни Потыч, находится минометная батарея противника, — доложил хорунжий Берман.

— Открывайте огонь. Набирайтесь опыта по управлению огнем батареи, — ответил капитан Соловейчик. — Я понаблюдаю.

Вслед за этим на КП батареи прозвучала команда:

— К бою! Цель — батарея вражеских минометов. Прицел — семьдесят... Осколочно-фугасным, мгновенного действия... Огонь!

Снопы ржи мгновенно раздвинулись, и стволы наших пушек полыхнули огнем по целям, которые после этого окончательно замолкли.

Через некоторое время к нам наведались гости — две пожилые крестьянки. Они принесли по кринке молока и корзину яблок.

— Угощайтесь, ребята, пожалуйста, — несмело обратились они к подпоручнику Козаку. — На улице жара, и устали ведь, — потчевали они. — Да только бейте этих проклятых фрицев... За все наши муки, за все их преступления...

— Спасибо. Постараемся отомстить им за все!

Со своих огневых рубежей под Высочином наши полковые пушки еще несколько раз вели обстрел противника, находившегося на Кемпе Конарской, а также на противоположном берегу Вислы. Нам удалось подавить или, по крайней мере, вывести из строя три пулеметные точки, два дота и минометную батарею.

31 августа нас вновь сменили советские кавалеристы, а батарея в походной колонне 1-го полка двинулась на север в направлении геройски сражающейся горящей Варшавы.

На первом же привале меня вызвал к себе капитан Соловейчик. У него уже находились подпоручник Козак и сержант Байч.

— Ну, комвзвода, у нас, как всегда, вечное движение, — начал командир. — Хорунжий Берман отзывается в распоряжение штаба артиллерии дивизии. Подпоручник Козак переходит на должность моего заместителя по строевой части. Козловича я назначаю командиром второго расчета, а Павлика — первого. Вам надлежит принять обязанности командира второго огневого взвода. — И, заметив растерянное выражение на моем лице, капитан добавил с улыбкой: — Желаю вам успеха в службе.

Я и впрямь не ожидал такого назначения и чувствовал себя в какой-то степени неловко, потому что командиры третьего и четвертого расчетов подофицеры Курас и Пивоварчик имели больший стаж и в батарее служили со дня ее организации. Однако приказ есть приказ, и

теперь в первую очередь мне надо было думать о том, чтобы поддерживать высокий уровень боевой и политической подготовки во взводе. Оба моих командира расчетов были серьезными людьми, и поэтому наше последующее сотрудничество сложилось без каких-либо трений, по законам настоящей фронтовой дружбы.

ЦЕЛЬ — ТАНКИ ПРОТИВНИКА

После непродолжительного перехода мы остановились в лесах северо-восточнее Отвоцка. Все понимали, что наступает время нового важного боевого задания, которое, по всей вероятности, ставит своей целью освобождение Варшавы.

Мирные жители радостно встречали нас повсюду. Они много нам рассказывали о тяжелых днях оккупации, о героической кровопролитной борьбе варшавян с гитлеровскими палачами.

— Дорогие мои! — В голосе мужчины, подошедшего к нам, слышалась невыразимая печаль. — Там, в Варшаве, на Чернякуве[1], — моя жена и дочь. Теперь там идут ужасные бои. Увижу ли я их снова? Я сам в последний день июля поехал к родителям в Свидер под Варшавой, чтобы раздобыть что-нибудь из съестного, а домой уже вернуться не смог... Родные мои, вы наверняка вскоре пойдете на Варшаву. Умоляю вас, возьмите меня в солдаты. Мне все равно — в артиллерию или в пехоту, лишь бы только иметь возможность бить этих гадов...

— Охотно бы взяли, — отвечали мы. — Только, видите ли, мы приемом в армию не занимаемся, для этого есть специальные комиссариаты и службы.

— А может, все-таки возьмете?— настаивал он.

И таких людей, разлученных войной со своими близкими, было бессчетное количество, и не многим семьям посчастливилось соединиться вновь. В те дни приходилось быть свидетелем множества человеческих драм.

Со стороны Варшавы до нас доносились звуки боя.

— Товарищ поручник, а где теперь проходит линия фронта?— Мищук, как всегда, хотел все знать первым.

— Она постоянно меняется,— ответил задумчиво Козак.— Вчера, например, советские войска овладели Сероц-

---

[1] Район Варшавы. — *Прим. ред.*

ком, а сегодня линия фронта проходит вблизи Радзымина, Воломина, Веселой и Мендзылесе. Доходит до Вислы. От нас до передовой — около десяти километров, а от Мендзылесе до варшавского моста Кербедзя — около пятнадцати.

— Вот здорово, ведь это совсем рядом!

Утром мы с Лупинским побывали на берегу Вислы в Свидере. Вдали в северо-западном направлении на горизонте виднелись густые столбы дыма. Это горела Варшава.

Уже ни для кого не было секретом, что вскоре нам придется участвовать в боях за нашу столицу. Конечно, точного направления наступления никто из нас не знал, но в штабах и в тылу вовсю кипела работа. Командиров собирали на совещания, боевые подразделения вели интенсивную подготовку к наступлению. Командование дивизии, отлично сознавая сложность предстоящей задачи, тщательно готовилось к ее выполнению.

Предстояло вести бои в пригородах и на улицах огромного города. Нам еще не приходилось принимать участия в такого рода боевых операциях, и нам помогали советские офицеры — участники боев за Сталинград. Они дали нам много ценных практических советов, вооружив своими знаниями наш командный состав, вплоть до командиров взводов.

— В условиях города наступать значительно сложнее, чем на открытой местности,— инструктировал нас советский майор во время специальных занятий.— Вот, скажем, высоту можно взять силами роты или батальона, но вести бой на улицах города, овладеть большим зданием может только специально организованная штурмовая группа, наносящая удар в первом эшелоне наступления. Эта группа может состоять из взвода, роты или батальона пехоты, соответственно усиленных саперами, взводом огнеметчиков, танками или бронетранспортерами и артиллерией для непосредственной поддержки пехоты. Если пехотинцы не в состоянии овладеть данным объектом, то всегда под рукой необходимо иметь соответствующие поддерживающие средства, которые своим огнем должны обеспечить им продвижение вперед.

Мы создали такие группы. Они учились вести бой в пригородах и в черте города, учились захватывать здания, преодолевать различные преграды, учились искусству ночного боя. Больше всего на этих занятиях пришлось

потрудиться артиллеристам семидесятишестимиллиметровых орудий, которым приходилось вручную тащить свои тяжелые пушки по песчаным сыпучим дорогам, а также переносить ящики с боеприпасами, чтобы успеть за быстро продвигавшейся пехотой: ведь в условиях боя на передовой и на открытой местности нельзя использовать конную тягу для перемещения орудий, так как немцам тогда не составило бы труда поразить такую заметную цель.

Утром 8 сентября наш 1-й пехотный полк приступил в Михалине к учениям с целью отработки наступления в условиях пригородной местности. Пехотные части при поддержке артиллерии и танков продолжали наступление через Фаленицу и Медзешин.

Во второй половине дня мы миновали огневые позиции советской артиллерии и на марше получили приказ сменить советские части, занимавшие оборону в предместьях поселка Радость.

Мы оставили свой взвод боевого обеспечения и кухню в северной части Медзешина, расположили орудия на исходных позициях в лесу, протянувшемся на северо-восток от Радости, а сами небольшой группой, в которую входили капитан Соловейчик, подпоручник Козак, сержанты Байч и Высоцкий, поручник Хубай и я, осторожно направились на рекогносцировку местности.

— Передний край нашей обороны,— ориентировал нас капитан Соловейчик,— проходит слева от железнодорожного полотна, связывающего Отвоцк с Прагой [1], и далее по полю между Радостью и Медзешином. Затем он проходит по опушке сосновой рощи, в которой мы находимся, и дальше тянется через лес на северо-запад до населенного пункта Подкачидул... Перед нами на удалении более полукилометра на окраине Мендзылесе находится первая линия обороны противника. Она усилена многочисленными бункерами, а в кирпичных постройках Мендзылесе сооружены долговременные огневые точки, позволяющие держать под обстрелом все подступы. Вторая линия вражеской обороны проходит на расстоянии двух километров за первой по южной окраине Анина. Немцы располагают сильной артиллерией различных калибров и минометами, установленными в районе Глинек и Вы-

[1] Правобережный район Варшавы. — *Прим. ред.*

годы. Они имеют возможность вести огонь с фланга своих огневых рубежей за Вислой.

Мы внимательно слушали объяснения капитана, стараясь как можно лучше все запомнить. Рассмешило нас название селения Подкачидул, однако это только способствовало лучшему запоминанию.

Наша дивизия получила следующую задачу: прорвать оборону гитлеровцев в районе Мендзылесе, а затем овладеть Прагой и выйти к Висле. Боевые порядки дивизии выглядели так, как во время битвы под Ленино. В первом эшелоне слева должен был наступать наш 1-й полк, а справа — 3-й. 2-му полку отводилась роль резерва, потому что в боях под Демблином и на острове Рембезы он понес большие потери. Главный удар наносил 1-й пехотный полк. Боевые порядки каждого полка строились в три эшелона, каждый батальон следовал на расстоянии полукилометра один от другого. В нашем полку в первом эшелоне наступал 3-й батальон под командованием капитана Виктора Капустинского, за ним шел 2-й батальон майора Лонгина Дзевановского, а затем — 1-й батальон, которым командовал капитан Ян Дробушевич.

Дивизию поддерживали советские артиллерийские части, в том числе несколько дивизионов легендарных «катюш», два батальона танков. В сумме на один километр фронта приходилось более 170 орудий и минометов.

Огневые позиции артиллерии надлежало оборудовать на небольшой возвышенности, находившейся на расстоянии около трехсот метров за передним краем нашей обороны. Все необходимо было подготовить 9 сентября до 20.00, то есть к вечеру текущего дня. А на следующий день планировалось начало операции. Батарея получила задачу: после окончания артподготовки поддерживать огнем 3-й батальон, наступавший на Мендзылесе. Нам было приказано во избежание потерь хорошо окопать орудия и проявлять осторожность в случае возможных действий на минных полях противника.

— Желаю успеха в бою!— закончил командир батареи.

Теплый сентябрьский вечер скрыл наш район обороны от наблюдения противника, и орудийные расчеты быстро занялись оборудованием огневых позиций. Спустя несколько часов наши полковые пушки стояли в укрытиях и были готовы к ведению огня. Гитлеровцы как будто чувствовали, что мы что-то затеваем, потому что в течение

всей ночи они систематически освещали ракетами подступы к своим окопам и производили обстрел их из пулеметов и автоматов. Таким образом они обнаруживали свои огневые точки, которые весьма эффективно подавлялись нашими вездесущими «кукурузниками» — самолетами полка ночных бомбардировщиков «Краков». Эту ночь гитлеровцам не пришлось спокойно отдыхать, а на нашей стороне ночь прошла в общем-то спокойно. Свободные от дежурства артиллеристы и пехотинцы, закутавшись в плащ-палатки и прислонившись к стенам окопов, использовали оставшееся у них время, чтобы немного отдохнуть перед боем.

10 сентября в 8 часов утра советская и польская артиллерия провели мощную десятиминутную артподготовку наступления. Тонны раскаленной стали обрушились на гитлеровские позиции, уничтожая их минные поля и огневые точки. В последней стадии подготовки наша полковая артиллерия перенесла огонь на предварительно обнаруженные цели. Клубы дыма повисли над Мендзылесе и вражеской линией обороны.

Первым на левом фланге полка поднялся в атаку батальон соседней советской дивизии. Ему предстояло провести разведку боем состояния вражеской обороны и овладеть фабрикой Шпотаньского в Мендзылесе. Советские воины, преодолевая отчаянное сопротивление гитлеровцев, заняли первую линию вражеских окопов и подошли вплотную к фабрике. В это время поднялся и наш 3-й батальон. К орудиям подъехали ездовые с лошадьми, и первые самые трудные участки дороги мы преодолели с помощью конной тяги. Разумеется, во время артподготовки не все вражеские огневые точки были подавлены, некоторые из них ожили и открыли огонь по нашей пехоте.

— Стой! Орудия к бою! Цель — огневые точки противника!— отдал команду Козак.

Бойцы молниеносно исполнили команду. На гитлеровцев посыпались снаряды из наших пушек. После того как удалось подавить несколько их огневых точек, прозвучал новый приказ:

— В передки! За пехотой — марш!

Внезапно на правом фланге батареи раздался взрыв. Это второе орудие Козловича наехало на мину и получило серьезное повреждение. Были ранены два человека и обе лошади. В следующую минуту такая же мина разорва-

лась перед четвертым орудием сержанта Пивоварчика. На этот раз пострадали лишь кони.

— Орудиям Павлика и Кураса продолжать поддерживать наступающую пехоту! — крикнул Козак. — Остальные пушки откатить на окраину Мендзылесе. Пивоварчик, быстро взять запасную пару лошадей — и к нам! Козловичу доставить поврежденные орудия в тыл. Пусть как можно быстрее их отремонтируют.

Мы ворвались в Мендзылесе сразу же вслед за пехотой, которая, укрываясь за строениями, быстро продвигалась вперед. Осторожно перекатив пушки по улицам поселка, мы вышли на центральную площадь. Левую ее часть уже заняли минометчики из 3-й минометной роты. Фабрика Шпотаньского была только что взята, и пехота уже пошла дальше в направлении Анина. Вокруг наступила тишина: пушки замолчали, а первый эшелон наших солдат удалялся от нас.

— Взводный Рутковский, — обратился ко мне подпоручник Козак, — быстро разведайте дальнейший путь и доложите, где наша пехота.

Я пошел по незнакомым улицам. Внезапно вблизи раздался какой-то глухой удар. Я повернул голову вправо и сам удивился, что уцелел. Гитлеровский снаряд вонзился в песчаную почву в нескольких метрах от меня, подняв вверх столб песка и массу осколков. Однако ни один из них не задел меня! Я ринулся дальше, туда, где находились передовые цепи наших пехотинцев. Увидел командира 3-го батальона капитана Капустинского. Держа в руке автомат, он отдавал распоряжения. Узнав все, что требовалось, я направился обратно. Там, на площади, завязался вскоре бой в тылу. Оказалось, что в расположенном неподалеку здании укрылось несколько десятков гитлеровцев, которые решили незаметно пробраться к своим, пропустив передовые части нашей пехоты. Две наши пушки — Кураса и Павлика — были установлены прямо на площади. Ожидая моего возвращения, орудийные расчеты с нетерпением наблюдали за тем, что делалось вокруг.

— Товарищ поручник, там — гитлеровцы, — доложил Козаку наблюдательный Павлик. — Я видел, как двое перебегали в дом, стоящий в саду.

Кто-то закричал «Хальт!», кто-то — «Хенде хох!», кто-то первый дал очередь по укрывшимся фашистам, а потом началась перестрелка.

— Рутковский, атакуем!— приказал Козак.

— Сначала ударим по ним несколькими снарядами, а атаковать лучше с обеих сторон,— предложил я и скомандовал:— Павлик, зарядить!

Гитлеровцы находились приблизительно метрах в тридцати от нас. Правда, они оказались в более выгодном положении, так как укрывались в здании, в то время как единственным нашим прикрытием служил деревянный забор. Мы выстрелили по немцам три раза из пушки, а затем с криками «ура!» ринулись в атаку, бросая гранаты и стреляя из автоматов. Немцы не выдержали нашего натиска и вышли из здания, подняв руки. Всех их отправили в тыл.

Подобный случай был и у командира четвертого орудия Пивоварчика. Ожидая на окраине Мендзылесе, пока подойдут свежие лошади, он отметил, что огонь немецкой артиллерии отличался удивительной точностью. Выслал двух солдат проверить ближайшие дома, и в одном из них Рокошевский обнаружил нескольких немцев.

— Приготовиться к атаке!— скомандовал Пивоварчик.— За мной!

После короткой рукопашной схватки удалось взять в плен троих гитлеровцев с рацией, с помощью которой они управляли огнем своей артиллерии.

Уже в самом начале боев за Прагу мы убедились в том, насколько сложнее вести сражение на улицах города, где врага приходилось ожидать повсюду, даже в тылу. Несмотря на то что нам, артиллеристам, предписывалось поддерживать огнем своих орудий наступавшую пехоту, мы не раз прибегали к помощи своего личного оружия и участвовали в атаках по захвату уцелевших огневых точек противника. В этом и состояла специфика боя в условиях населенных пунктов.

Наконец нам удалось перебросить орудия на северную окраину Мендзылесе и установить их между домами дачного типа неподалеку от передовой линии нашей пехоты, которая готовилась здесь к решающему удару по противнику в южной части Анина.

В 11 часов 15 минут залпы «катюш» послужили сигналом к началу общей артподготовки наступления на Анин. В течение полутора часов сотни пушек, гаубиц и минометов обрушивали лавину огня на гитлеровские позиции. Грохот артиллерийских выстрелов слился в мощную канонаду, заглушавшую все вокруг. Находившиеся

на левом берегу Вислы гитлеровские батареи пытались огрызаться и вели беспорядочный огонь по району нашего расположения, особенно стараясь попасть по огневым позициям артиллерии. Именно в эти минуты был смертельно ранен в голову командир 2-го батальона майор Дзевановский. Командование батальоном принял его заместитель капитан Бондал.

В час дня передовые батальоны 1-го и 3-го пехотных полков пошли на штурм вражеских позиций. Несмотря на большие потери, немцы ожесточенно сопротивлялись. Нашим ударным группам при поддержке танков и орудий приходилось каждый бункер и каждое строение брать штурмом. 3-й батальон наткнулся в анинском лесу на минные поля и заграждения из колючей проволоки, которые к тому же простреливались перекрестным огнем противника. Наша пехота вынуждена была залечь и окапываться.

Однако необходимо было преодолеть и минные поля. В этом нам помогали советские и польские саперы, которые под сильным огнем обезвреживали мину за миной, делая проходы.

Вслед за пехотой вошли в Анин и мы. Немцев уже здесь не было.

Местные жители выходили из укрытий и со слезами на глазах приветствовали своих освободителей.

— Послушайте, послушайте, — перебивая друг друга, заговорили женщины, — там, на соседней улице, немцы оставили несколько очень хороших лошадей. Вам они наверняка пригодятся!

— Пойдем посмотрим, — откликнулись бойцы и побежали за женщинами.

Кони нам были нужны, это правда. На фронте кони — первые помощники артиллеристов. Однако нам предписывалось приказом не отставать от пехоты, а тут так получилось, что почти все мои солдаты, даже наводчик Бропецкий и сержант Павлик, бросились на соседнюю улицу. Только ездовой Павликовский с грустным видом остался сидеть на лошади, запряженной в орудие, и громко сокрушался, что не поспел за остальными. Видя такой непорядок, я вскипел.

— Стой! — закричал я хриплым голосом, но никто не услышал меня. — Стой! — крикнул я снова и в сердцах стукнул прикладом автомата о землю. Длинная очередь, вырвавшаяся из ствола моего автомата, полыхнула огнем

возле самого виска. Павлик и Бронецкий, услышав ее, обернулись и, раскрыв рты от удивления, подбежали ко мне.

— Находиться у орудий и без приказа никуда не бегать! — почти кричал я, чтобы не дать задрожать голосу. — Нам вперед за пехотой нужно поспевать, а не шататься по сторонам.

— Лошади нам очень бы пригодились, — оправдывался Павлик. — А вы, товарищ сержант, что-то бледный какой. Забыли, наверное, что автоматы иногда сами стреляют...

— Это точно, — рассмеялся я. — Забыл, и этот грех у вас бы на совести остался.

Те из солдат, кто свернул за угол улицы, не услышали моей очереди и побежали дальше. Через несколько минут они догнали нас, держа под уздцы четырех рослых артиллерийских коней голландской породы. Эти кони прошли с нами до самого Берлина.

— Следовало бы наказать вас за самовольную отлучку от орудий, — сделал я им замечание. — Чтобы это было в последний раз! На будущее учтите. Подобную инициативу без разрешения проявлять не советую, а то она может плохо кончиться. Ну, а кони как кони, — пожал я плечами, хотя в душе был очень рад такому приобретению.

— Мы ведь для батареи старались, — объясняли Мищук и Зубер, — а товарищ сержант нас за это отчитывает!

А что мне оставалось делать? Во всеуслышание хвалить их?

Наступление развивалось. В течение первого дня боев, преодолевая сильное сопротивление противника, наш полк продвинулся на четыре километра в глубину его обороны, выйдя к вечеру на шоссе Вавер — Старая Милосна. О быстром темпе наступления костюшковцев свидетельствует тот факт, что в районе Глинок гитлеровцы не успели даже забрать орудия своего 173-го артиллерийского полка, который вел по нас огонь в момент атаки на Мендзылесе и Анин.

Мы прикрывали огнем пехоту, располагавшуюся рядом с шоссе, поддерживая на этот раз 2-й батальон под командованием энергичного поручника Бонка. Батальон этот штурмовал гитлеровскую оборону в районе Выгоды. Сопротивление гитлеровцев не только не ослабевало, а,

наоборот, усиливалось. Их огневые точки, сосредоточенные в Гоцлавене, вели ураганный фронтальный и фланговый огонь. В небе показалась и гитлеровская авиация, нанесшая по нашему расположению неожиданный удар, который, к счастью, не повлек за собой серьезных потерь.

Ночью бои не утихали. Наш 2-й батальон, а за ним и 3-й пытались атаковать Выгоду, однако их остановил сильный огонь противника, особенно из сгруппировавшихся там танков, гул моторов и лязг гусениц которых постоянно доносились до нас. Наши батальоны отошли на исходные рубежи. Солдаты были измотаны боем и голодны. С самого утра наши кухни не появлялись. Была уже почти ночь, когда старшина Бялоокий отыскал наконец батарею и попотчевал нас сытным, вкусным ужином. Поручник Хубай тоже не дремал и подбросил боеприпасов, которых мы ждали с не меньшим нетерпением, чем пищу.

— Ну и бой у вас здесь! — Повар Дерлятко чутко прислушивался к оживленной стрельбе. — Видать, гитлеровцы заметили нашу кухню и хотят вас голодом уморить, — засмеялся он. — Да только не выйдет это, — он погрозился кулаком в сторону немцев. — Мы теперь в Анине располагаемся. Завтра утречком чуть свет привезем вам такой завтрак, что пальчики оближете.

— Смотри, не опоздай, — заметил Мищук, — если мы отсюда уйдем, то догонишь нас только у Вислы. А я страсть как не люблю долго ждать завтрак. Что касается меня, то на второй завтрак я заказываю себе свиную тушенку, — добавил он снисходительно.

Дерлятко выполнил обещание.

В эту ночь наши «кукурузники» тоже не давали покоя немцам. Эти юркие самолеты беспрестанно висели в воздухе, трудолюбиво стрекоча над нашими головами. Затем они выключали моторы и бесшумно пикировали на огневые точки врага, сбрасывая на них бомбы или обстреливая их из пулеметов.

Положение на фронте было не совсем ясным для нас. Под прикрытием темноты наши батальоны то шли в атаку, то опять откатывались назад. Мы не представляли себе, где проходит линия фронта. В этой ситуации подпоручник Козак вызвал меня к себе:

— Рутковский, найди штаб второго батальона и выясни обстановку на сегодня и задачи на завтра.

Взяв с собой Зубера, я отправился в путь. Спустя некоторое время нам удалось отыскать штаб в обширном подвале многоэтажного дома. Народу там было как на вокзале. То и дело прибегали связные с донесениями из рот, другие спешили им навстречу с приказами, третьи суетились с какими-то иными делами.

Исполняющий обязанности командира батальона капитан Бондал отдавал приказание своему начальнику связи:

— Поддерживать непрерывную телефонную связь со штабом полка и ротами. Немедленно соединить меня с командиром пятой роты подпоручником Мицкевичем!.. А вы из батареи капитана Соловейчика? — обратился он ко мне. — Это хорошо. Передайте Козаку, что завтра в семь ноль-ноль начнется короткая артподготовка и вслед за ней будем атаковать Выгоду. Вам предстоит поддерживать действия батальона. Да, еще одно: наша линия обороны сейчас проходит в двухстах метрах отсюда и тянется вдоль дороги на Чапловизну. Пока все.

В штабе я узнал еще о том, что этой ночью во время передислокации штаба 1-го полка подорвался на мине и погиб начальник штаба полка капитан Борис Масальский. Его обязанности временно принял на себя капитан Билевич. В последнее время этот полк вообще понес тяжелые потери, особенно 3-й батальон капитана Капустинского, потерявший свыше пятидесяти человек, из них убитыми и ранеными десять офицеров.

11 сентября с утра начались приготовления к новой атаке. Мы провели разведку огневых средств противника, передовая линия обороны которого протянулась за железнодорожным полотном на окраине Выгоды.

Перед нами была густая сеть пригородных поселков: слева Гоцлавек, за ним Грохув, ближе всего к нам Выгода. Справа тянулся редкий сосновый лес, а дальше на горизонте небо застилали тучи дыма. Это горела героически сражавшаяся Варшава. Глядя на нее, мы клялись отомстить врагу за нашу варварски уничтоженную столицу.

Время начала артподготовки было перенесено с семи на десять часов утра. Наши ездовые использовали эти три часа, чтобы ознакомиться с окрестностями. Через некоторое время Павликовский доложил заместителю командира батареи о том, что он нашел ценный трофей.

— Холера! — по своему обыкновению воскликнул Козак. — Какой чудесный конь! Да еще и под седлом! Откуда он у тебя?

— В одном из дворов стоял. — Павликовский тоже был доволен находкой. — Прекрасный гнедой, благородных английских кровей. Это был наверняка конь командира артполка гитлеровцев. Конечно, в упряжку для орудий он не годится, а под седлом — это просто картинка. Я думаю, что и генерал не постыдился бы сесть на такого. Он не идет, а танцует. Я и подумал: ведь у нашего командира нет коня, а теперь ему любой командир артиллерийского полка позавидует!

— Ну ладно, ладно, расхвастался. Давай быстренько отправь коня в Анин, пусть Кугель хорошенько за ним присматривает! — Козак погладил коня. — И быстро возвращайся, через два часа атакуем Выгоду.

— Слушаюсь, товарищ поручник. Я мигом!

Конь и впрямь оказался прекрасный. Все офицеры в полку завидовали потом нашему командиру батареи.

В десять утра мы совершили десятиминутный артиллерийский налет по немецкой обороне, закончившийся мощным ударом ракетной артиллерии. Затем ожило небо: несколько эскадрилий бомбардировщиков обрушили свой смертоносный груз на позиции противника. Мы с особым удовлетворением наблюдали за действиями авиации. После артиллерийско-авиационной обработки врага в атаку поднялись советские дивизии и костюшковцы.

Однако многие еще уцелевшие огневые точки гитлеровцев открыли яростный огонь по атакующей пехоте. Наши пушки огнем прямой наводкой подавили несколько опорных пунктов немцев. Поддерживающие пехоту танки проложили ей путь в поселок, и часов около одиннадцати бойцы 2-го батальона ворвались на улицы Выгоды. Соседние батальоны тоже не отставали, а действующий на левом крыле 1-й батальон стал развивать наступление в направлении на Грохув.

— Лошадей к орудиям! — прозвучала громкая команда подпоручника Козака. — Смена позиций. Двигаться за пехотой, она уже в Выгоде.

Через некоторое время наши пушки вместе с расчетами, преодолев галопом открытый участок местности, въехали на улицы поселка. Мы расположились на его окраине и с ходу повели огонь по опорным пунктам против-

ника, который из Грохува обстреливал нашу пехоту, наступавшую уже по полю и в направлении Кавенчина.

Жители Выгоды выходили из своих укрытий и радостно нас приветствовали.

— Боже мой, наконец-то вы пришли! — плакала какая-то старушка. — Наконец-то...

Кто рыдал от счастья, кто смеялся, кто бросался нас обнимать.

— Может, попить хотите? — приглашали они нас. — Заходите в дом. Чем богаты...

— Охотно, воды или чайку. Бой продолжается, — объяснял я сияющему от счастья старику. — И прошу отойти от орудий. Здесь опасно, — обратился я к столпившимся людям.

Они быстро разошлись по домам и вскоре стали выносить кто — компот, кто — чай. Мы с удовольствием утолили жажду, казалось, на несколько дней вперед.

Тяжелые бои приносили большие потери. Пехотные роты редели, теряя своих бойцов убитыми и ранеными на каждом километре на подступах к Варшаве. Моя батарея тоже не избежала потерь. Хорошо, что я не позволил никому из местных жителей приближаться к орудиям: только мы собрались переезжать на новое место, как на нас неожиданно обрушился шквальный огонь. Несколько десятков снарядов кучно разорвались в непосредственной близости от орудий. По всей вероятности, немецкие наблюдатели, находившиеся где-то в Грохуве, обнаружили наши пушки в тот момент, когда мы перевозили их сюда. В результате этого обстрела погибли старые костюшковцы Футровский и Бобрык и получили ранения капрал Павлик, наводчик Хоронжий, который уже был однажды ранен под Ленино, а также два артиллериста-канонира и два ездовых — Яковицкий и Дудз. Второе орудие было повреждено. Не повезло командиру 1-го взвода Байчу: уже второй раз его пушка выходила из строя. В полном составе оставался лишь мой взвод, то есть третье орудие сержанта Кураса и четвертое — сержанта Пивоварчика. А до Вислы оставалось еще почти десять километров...

В результате вражеского огневого налета наши орудийные расчеты поредели. Создавалась опасность того, что некоторые пушки некому будет перемещать с одного рубежа на другой, поэтому мы перекатили наши исправные орудия с пристрелянного места в более безопасное и

стали ждать пополнения. Под вечер к нам прибыли новички: канониры Юзвин, Колодзей и Крашевский, а также бомбардир Райковский из отделения управления огнем, а из взвода боевого питания — канонир Кочук. Что касается их артиллерийской подготовки, то об этом говорить не приходилось, да ведь на безрыбье и рак рыба. Перекатывать орудия и подносить ящики со снарядами они могли.

Капитана Соловейчика все это очень волновало.

— Пожалуйста, осторожней, поручник, — напоминал он своему заместителю Козаку. — Без лихачества! Конечно, мы обязаны поддерживать пехоту огнем прямой наводкой, но ведь надо же и маскироваться! Сколько раз говорили, что нельзя, чтобы бравада брала верх над здравым смыслом, а тут опять такие потери... До Вислы еще почти десять километров, а в батарее исправных лишь два орудия. Впереди у нас еще много тяжелых минут, когда полковые орудия ох как понадобятся! Ведь каптенармусами да поварами пехоту не поддержишь! — волновался капитан. — Наш полк ведет бои уже на подступах к Грохуву. Думаете, мы там не нужны? Прикажите ездовым быть у орудий, а мы идем на передовую, в боевые порядки пехоты.

Миновав пылающий, как факел, гитлеровский танк, подбитый на северной окраине Выгоды противотанковыми орудиями из батареи подпоручника Кевлича, мы подошли к нашей передней линии. Стояла темная ночь. Поблизости шла ожесточенная перестрелка. Костюшковцы неустанно атаковали, стремясь ворваться в Грохув и овладеть Кавенчином. На флангах стала складываться опасная обстановка: наши соседи справа и слева не поспевали за быстро продвигавшимися костюшковцами и фланги начали оголяться. Гитлеровцы в открытую били по нашему правому и левому крылу.

В этой обстановке командир 1-й дивизии генерал Бевзюк решил приостановить ночное наступление и приказал закрепиться на занятых позициях. Солдаты были очень уставшими и голодными. Необходимо было доукомплектовать дивизию личным составом, пополнить боеприпасы и подождать подхода соседей.

С той стороны Вислы гитлеровская дальнобойная артиллерия и шестиствольные минометы совершали частые огневые налеты на наши позиции.

Во время одного из них несколько снарядов с оглушительным грохотом разорвались вблизи наших орудий. Кто-то громко застонал. Солдаты подбежали к Камеру.

— Рука, моя рука, — шептал он глухо. — Попали... не могу ею двинуть. И бок страшно болит.

— Рука перебита, — заключил наш санитар сержант Каминский. — Я им займусь и отведу в санбат.

Наша авиация не осталась в долгу у гитлеровцев. Трудяги «кукурузники», не обращая внимания на шквальный огонь вражеских зениток, стрелявших трассирующими снарядами, с наступлением сумерек деловито сновали в поисках огневых точек врага.

Ночное небо над Варшавой вообще представляло собой фантастическое зрелище, зловещий вид которого усиливался огромным заревом.

Два наших орудия были установлены на небольшой высотке рядом с дорогой на Кавенчин.

Рассветало. Наступало туманное утро 12 сентября, начинался третий день битвы за освобождение Праги.

Едва туман рассеялся, мы начали ознакомление с местностью. Перед нами справа виднелись постройки Кавенчина, а слева, за поляной, просматривался Грохув.

После непродолжительной артподготовки и налета на вражеские позиции эскадрильи советских бомбардировщиков наступила наша очередь. Вокруг вздымались клубы дыма и пыли. Используя эту естественную завесу, батальоны 1-го пехотного полка при поддержке танков и наших орудий начали штурм северной окраины Грохува и Козьей Горки.

Мы, артиллеристы, также сменили свои позиции и погнали лошадей вперед. Установив затем пушки у железной дороги, ведущей к Козьей Горке, мы огнем прямой наводкой вывели из строя несколько огневых точек противника. Выдвинутый вперед 3-й батальон капитана Капустинского ворвался в северо-восточную часть Грохува, не ожидая, пока подойдут приданные ему танки и артиллерия.

Под вечер сопротивление гитлеровцев усилилось. Немцы спешно стянули из-за Вислы танки и с их помощью перешли в контрнаступление в полосе 1-й дивизии.

На улицах Эльснерова, Утраты и Грохува заскрежетали гусеницы «тигров» и «пантер», а за ними двигалась пехота. Наши потрепанные в боях роты не выдержали этого неожиданного натиска бронированных чудовищ,

разящих огнем пушек и пулеметов. Укрывавшиеся за ними гитлеровцы беспрерывно стреляли из автоматов. Наша пехота открыла огонь по контратакующим гитлеровцам, но это не остановило их, и танки по-прежнему ползли вперед. Некоторые из новичков не выдержали натиска. Возникло замешательство. Кто-то бросился бежать, за ним — другие. Положение становилось критическим. Одно противотанковое орудие, преграждавшее путь танкам, было смято.

До наших позиций донеслись крики: «Немецкие танки надвигаются!»

— Сменить позиции! Орудия, за мной! — крикнул подпоручник Козак и побежал по дороге вперед на шум и грохот ожесточенного боя.

Ездовые Роман Павликовский и Станислав Слабицкий быстро пригнали коней, артиллеристы мгновенно впрягли их в орудия, и лошади галопом помчали их на новые огневые позиции.

— К бою! Орудия Кураса! Цель — танки. Пивоварчик — по пехоте противника! Огонь! — раздавались команды Козака.

И там, в районе Козьей Горки, вблизи одного пылающего дома наши две полковые 76-миллиметровые пушки, а также несколько сорокапяток из противотанковой батареи подпоручника Кевлича встретили огнем прямой наводкой пять гитлеровских танков, наступавших па нашем участке.

Переполох среди наших пехотинцев прекратился. Отступавших остановили окрики: «Стой! Ни шагу назад!» Это кричали командир 1-го батальона капитан Ян Дробушевич, командир 5-й роты подпоручник Павел Мицкевич, заместитель командира 3-го батальона по политико-воспитательной работе поручник Феликс Щепаньский и другие офицеры. Критическое состояние миновало. При виде наших готовых к бою пушек пехотинцы залегли поблизости и открыли огонь по движущимся за танками немцам.

— Спокойно, ребята! — Курас был удивительно хладнокровен. — Прицел десять, бронебойно-зажигательным... Огонь!

Его орудие, стоявшее за огромным валуном, наводил на цель Бронецкий. Сердце у него готово было выпрыгнуть из груди, но он пытался как можно спокойнее и точнее навести орудие на гитлеровский танк. Сквозь при-

цел он отчетливо видел надвигавшегося прямо на него бронированного колосса. Бронецкий не сделал ни одного неверного движения, и, когда гитлеровская машина, беспрестанно стрелявшая в сторону валуна, приблизилась на расстояние около пятисот метров, он послал в нее смертоносный заряд.

Поединок шел не на жизнь, а на смерть. Выиграть в нем мог лишь тот, кто был точнее и быстрее.

Снаряды гитлеровских танков ложились все ближе к нам. Они с громким воем проносились над нашими головами. Несколько из них попали в стоящий рядом домик и ранили укрывавшихся за ним людей и лошадей. Наш огонь был точным и эффективным, и гитлеровцы вскоре сами в этом убедились. Один снаряд, выпущенный Бронецким, задержал немецкий танк, который сначала яростно завертелся на одной неповрежденной гусенице, а затем задымил и остановился с опущенным стволом пушки. Курас перенес огонь на другую машину.

— Бронебойные снаряды кончились! — в отчаянии крикнул заряжающий Морсула.

— Осколочным бейте! Поднести бронебойные! Они за домом! — распорядился взводный.

Под ураганным огнем противника Мищук с Зельковичем поднесли ящик с бронебойными снарядами.

Вскоре был подбит и второй танк.

Так же метко стреляло и орудие под командованием Пивоварчика. Не отставали от нас и артиллеристы противотанковых пушек. Одна из них, под командованием сержанта Францишека Пели, стрелявшая из-за стога сена, подожгла один вражеский танк, но снаряд из другого попал в стог, который моментально вспыхнул. Все произошло так быстро, что расчет не успел выкатить свою пушку из пылающей соломы.

В результате ожесточенного огневого поединка гитлеровцы потеряли на нашем участке три танка. Остальные два, видя, что их ожидает такая же участь, поспешно ретировались.

Контратака танков и пехоты противника была сорвана. Поспешно выдвинутые наши орудия, а также огонь знаменитых «катюш», стрелявших с открытых позиций, остановили танки на подступах к нашей залегшей пехоте. Повторная контратака фашистов тоже захлебнулась.

13 сентября после непродолжительной артиллерийской подготовки мы ворвались в Прагу. Для непосредственной

поддержки пехоты было выделено несколько батарей 1-го артиллерийского полка. Их подтащили на передовую «студебеккеры». Когда эти орудия открыли огонь по противнику, нам стало теплее на душе оттого, что столько огневых средств действовало по соседству с нами.

В городе разгорелись жаркие уличные бои. Гитлеровцы по-прежнему дрались за каждый дом. Они еще очень уверенно чувствовали себя на левом фланге — в районе Витолина, откуда вели интенсивный обстрел нашей пехоты, наступавшей на Прагу.

Мы перекатили орудия на улицу Кавенчинскую. Там к нам подбежал какой-то офицер и сообщил, что немецкий пулемет ведет огонь из дома слева от нас. Я приказал расчетам двух моих орудий подавить вражескую огневую точку. Пулемет смолк.

— Орудия — вперед! — торопил нас подпоручник Козак. Так мы продвигались от улицы к улице, освобождая квартал за кварталом.

Жители Праги выходили на улицу. Их радость невозможно было описать.

— Хотите, мы поможем вам перекатывать орудия? — предложили нам свою помощь несколько юношей. — Видите, там за Вислой сражаются наши братья. Мы не хотим сидеть сложа руки...

— Мы сами справимся, дорогие мои, — говорил я двум пожилым мужчинам, готовым уже схватиться за орудия. — Лучше скажите нам, где немцы?

Один из этих добровольных помощников повел нас за угол дома и показал в сторону сарая, где, по его словам, стоял немецкий танк.

— Наверняка он там еще стоит. Я утром видел, как немцы маскировали его.

— Вот досада, а у меня нет бронебойных снарядов! — Бронецкий чуть не плакал. — Осколочными его не разобьешь, товарищ поручник! — обратился он к Стефану Козаку.

Подтянули противотанковую пушку. Однако она не успела выстрелить. Танк первым выпалил из своего укрытия и сразу же разбил пушку вдребезги. Было убито несколько солдат из расчета, в том числе и наш добровольный информатор, а гитлеровский танк быстро покинул свое укрытие.

— Я никуда от вас не пойду, — решительно заявил Бронецкому пятнадцатилетний паренек по имени Казик,

не отходивший от нас ни на шаг. — Гитлеровцы перебили у меня всю родню. Теперь у меня никого нет. Позвольте мне остаться у вас. Я — харцер и хочу сражаться за Польшу.

— Разрешите ему остаться с нами, — умолял Козака Бронецкий. — Мы с сержантом Курасом будем за ним присматривать...

За юного варшавянина вступились и другие артиллеристы.

— Ну хорошо, пусть пока остается, — уступил подпоручник. — Только смотрите, как бы с ним чего не случилось! А теперь — вперед, за пехотой!

Тяжелые бои в городе продолжались до темноты. Не чувствуя усталости, солдаты сражались и в ночь на 14 сентября.

Наш доброволец, юный Казик, оказался неоценимым проводником: он знал почти все закоулки своего района. Когда путь нашей пехоте преградил немецкий пулемет, Казик лишь ему одному известными путями провел орудие сержанта Пивоварчика на такое место, откуда пулемет стал виден как на ладони. Несколько метких выстрелов — и путь пехотинцам был открыт.

Сразу же после полуночи подразделения 1-го пехотного полка пошли на штурм укреплений противника вблизи моста Кербедзя. Они дошли до Вислы, однако взять мост им не удалось: в последнюю минуту немцы взорвали его.

Таким образом, мы достигли Вислы. Наши огневые позиции находились на территории зоопарка. Напротив нас на той стороне реки сражалась и полыхала Варшава. Всюду из-за густых клубов дыма виднелись обгоревшие каркасы домов. Нас отделяла от горящего города широкая полоса реки. Хотелось как-то помочь героическим его защитникам. Направив свои пушки на Цитадель, где находились немцы, мы открыли по ней огонь, а затем обстреляли гитлеровские огневые точки в районе замка и моста Кербедзя.

Усталость давала о себе знать, и в самые короткие минуты затишья сон мгновенно валил нас с ног. Хотелось есть.

— Совершенно о нас забыли, — сквозь сон бормотал Зубер. — Ни обеда, ни ужина.

— Придется травку жевать, как жирафу какому-нибудь, — поддакивали ему другие, разглядывая разрушенное хозяйство зоосада.

Наконец около полуночи к нам подъехала наша полевая кухня, лихо управляемая поваром. Рядом с Дерлятко на козлах восседал штатный кухонный ездовой Мордань.

— Прошу меня не проклинать, — упреждая упреки, стал оправдываться Дерлятко. — Еще бы чуть-чуть, и ваш обед достался бы немцам. Вы тут спрятались в зоопарке, а мы вас еле-еле нашли. Заблудились и наткнулись на немцев, которые еще держатся слева от парка! Они, разумеется, открыли огонь, ну а я мигом лошадей развернул — и ходу. На обратном пути встретили еще две батальонные кухни, но у них уже был проводник — Таня, смелая варшавянка. Она-то вела их куда следует. Ну, а теперь — кушайте на здоровье! — болтал он без умолку.

— А ты что же, не смог найти себе такого же проводника? — сердился Павликовский.

Голодный солдат — это, как говорится, полсолдата. Однако стараниями Дерлятко мы вновь стали бойцами на все сто процентов.

Наконец бои за Прагу закончились. Они длились несколько дней. Совместными усилиями советских и наших воинов правобережная Варшава была освобождена. Мы, солдаты 1-й пехотной дивизии имени Т. Костюшко, с чувством гордости сознавали, что наши ратные труды были не напрасными, что и мы внесли свой вклад в изгнание врага из Праги — очистили от него один из районов столицы нашей отчизны.

В Сельцах на Оке и после кровопролитной битвы под Ленино многие из нас еще сомневались в том, что нам удастся дойти до Вислы. Теперь мы стояли на ее берегу.

Вечером 15 сентября в район нашего расположения прибыло подразделение из 1-й кавалерийской бригады 1-й армии Войска Польского.

— Товарищ капитан, докладываем о прибытии на замену для ведения дальнейших боевых действий, — лихо доложил молодой поручник командиру батареи.

— Пожалуйста, располагайтесь... — Капитан Соловейчик стал объяснять прибывшим обстановку. — Желаем успеха в форсировании Вислы, — сказал он, дружески улыбнувшись. — По крайней мере, кони будут чувствовать себя как дома, — он повел рукой вокруг.

— Сержант Рутковский, объявить отбой на огневых позициях, — приказал Стефан Козак.

Дивизия переходила во второй эшелон армии залечивать раны после изнурительного, но победного боя. А ран было немало, особенно в нашем полку.

— Уже? Так быстро в тыл? Что же это, до Вислы добрались и отходим?..— Артиллеристы были недовольны.— Мы могли бы еще наподдать проклятым фашистам.

— Что поделаешь, — объяснял я им. — Это приказ. Но они от нас не уйдут. Мы свою задачу на сегодня выполнили с честью, теперь надо и кавалеристам дать возможность отличиться.

ПРИФРОНТОВОЙ ОТДЫХ

Утром 16 сентября наша батарея была под Глинками. В сосновом лесу вырос городок из солдатских палаток. Вблизи расположились батальоны 1-го пехотного полка. Мы отдыхали и отсыпались после шести утомительных ночей. Приводили в порядок свой внешний вид и оружие.

Наша батарея под Прагой понесла довольно большие потери: были повреждены две пушки сержанта Байча, и командир 1-го огневого взвода практически командовал взводом без орудий. Байч очень болезненно переживал это и не давал покоя нашему механику.

— Ну, так как, товарищ сержант, — приставал он к Трейтману, — когда будут готовы мои орудия? Что мне делать без пушек? В пехоту проситься?

— Починим. Немного терпения, — отвечал флегматичный артиллерийский мастер. — То орудие, которое подорвалось на мине, будет готово через несколько дней, там осталось колесо поправить. А со вторым — дело серьезнее. Противооткатное устройство продырявлено, — загибал он пальцы, — подъемный механизм не действует... Но если все пойдет нормально, то через недельку вылечим и его. А вы во время боя тоже поосторожнее будьте, по минам не ходите и не подставляйте бока под гитлеровские снаряды, вот и будет все нормально, — бурчал он себе под нос.

— Ладно, ладно. В следующий раз тебя возьмем проводником, — в тон ему ответил Байч, — вот и поведешь нас, как шафер к алтарю.

Байч не находил себе места. Ему хотелось получить орудия сейчас же, безотлагательно. Он не знал, когда они понадобятся, но ему ужасно докучали шуточки товарищей: «Сапожник, а без сапог...» Кроме того, капитан Соловейчик говорил, что задача на текущий день — это привести в боевую готовность вооружение и технику.

Задача эта была очень важной, поскольку 1-й пехотный полк понес в боях за Прагу большие потери. В течение шести дней сражений полк потерял 705 из 1800 человек личного состава: из них убитыми — 160 человек, ранеными — 472 и пропавшими без вести — 73 человека. В одной нашей батарее было двое погибших, а девять бойцов получили ранения. Люди погибали и тогда, когда не было боев. Например, в последнюю ночь подорвался на мине командир 2-го батальона капитан Влодзимеж Бондал. Этой же миной ранило начальника штаба 3-го батальона и командира 4-й роты. После этого случая было приказано провести беседы с личным составом о соблюдении мер предосторожности от мин, так как гитлеровцы оставили их после себя в большом количестве.

Чтобы доукомплектовать поредевшие пехотные батальоны, командир полка подполковник Максимчук решил временно расформировать наиболее потерпевший 2-й батальон, а оставшихся в нем людей перевести на пополнение в 1-й и 3-й батальоны.

В боях за Прагу наш полк отличился особо. Главнокомандующий Войска Польского генерал брони Михал Роля-Жимерский, а также Советское правительство высоко оценили его боевые заслуги.

Тем временем продолжались попытки прийти на помощь левобережной Варшаве. Утром 16 сентября в район Чернякува через Вислу переправился 1-й батальон 9-го полка 3-й пехотной дивизии, а на следующий день Вислу в районе Жолибожа форсировал усиленный батальон 2-й пехотной дивизии. Гитлеровцы, однако, превратили Вислу в зону ураганного огня, который не дал возможности осуществить переправу. Они яростно контратаковали польских солдат там, где им удавалось высадиться на левый берег.

— Положение в Варшаве стало чрезвычайно критическим, — рассказывал нам в конце сентября Гонсеровский. — Несмотря на огромные усилия командования, несмотря на героические, полные самопожертвования попытки польских подразделений закрепиться на том бере-

гу, все они успеха не имели. В боях погибло много наших воинов. В ночь на 24 сентября только немногим солдатам, повстанцам и гражданским лицам удалось эвакуироваться в Прагу.

Хорунжий рассказал нам тогда ужасающие подробности трагедии столицы, о чем ему поведали те немногие, кому удалось переправиться с того берега.

С ходу форсировать такую широкую реку, как Висла, было невозможно, равно как и взять штурмом в лоб столь сильно укрепленный город, каким являлась Варшава, тем более что для нашего правого фланга большую опасность представляли немецкие войска, стоявшие еще перед Жераньским каналом, то есть на правом берегу реки.

— Варшавой можно овладеть только при условии хорошо организованной операции с использованием фланговых обходов по крайней мере в масштабе фронта, а в данной ситуации мы к этому не подготовлены, — закончил Гонсеровский.

Вскоре мы встретились с повстанцами. Нам было интересно послушать их рассказы. Встреча с группой бойцов АК[1] и АЛ[2], которым удалось перебраться через Вислу на Прагу, состоялась в Вавере. Настроение повстанцев было подавленным, и в их высказываниях преобладали критические нотки в адрес руководства восстанием. Они говорили о кровопролитных, ожесточенных боях с оккупантами, о безжалостном уничтожении Варшавы.

Эти храбрые участники восстания вместе с группой солдат пражского отряда АК добровольно вступили в нашу армию и были зачислены в 1-й пехотный полк. Из них был сформирован 2-й батальон под командованием капитана Николая Здоровикова. Во взвод управления батареи был зачислен из этого нового пополнения капрал Хенрик Влодарчик, а бывший начальник V района АК в Праге подполковник Зигмунт Бобровский (псевдоним Людвик) был назначен заместителем командира 1-го пехотного полка по строевой части.

После нескольких дней отдыха под Глинками в батарее начались занятия по боевой подготовке. Требовалось обучить новичков из взвода управления и хозяйственных служб знанию материальной части и умению об-

[1] АК — Армия Крайова — военные формирования, подчинявшиеся так называемому лондонскому правительству. — *Прим. ред.*

[2] АЛ — Армия Людова — вооруженные отряды, подчиненные Крайовой Раде Народовой. — *Прим. ред.*

служивать орудия, а также проанализировать допущенные во время недавних боев ошибки. Во всем полку шла также интенсивная работа по составлению своеобразной «Табели отличий»: писали представления о награждениях и повышениях по службе.

— Слушай, Тадек, — поделился со мной взводный Байч, — а я узнал от нашего писаря, кого командир батареи представил к награждению: польскими орденами — Кураса, Бронецкого, Павлика и Камера, медалями — Высоцкого, Цура, Бялоокого, Пивоварчика, Куликовского, Морданя, Хабовского, Еднача, Морсула и еще нескольких человек. Стефан Козак представлен к советскому ордену Красной Звезды, а ты получишь тоже советский орден — Отечественной войны II степени.

— Ты это серьезно? — обрадовался я. — А тебя что ожидает?

— С места не сойти, не вру! Говорят, что командир полка уже утвердил списки. А меня ждет то же, что и Козака. — Янек не скрывал своей радости.

Все так и вышло, как он говорил. Через несколько дней фамилии всех, кто был представлен к наградам, оказались в приказе.

В конце сентября мы сменили место расположения. Нас отвели от линии фронта и перебросили в район Старой Милосны. Батарея разместилась в нескольких пустых полуразрушенных домиках среди густых деревьев у дороги в Минск-Мазовецкий. Вблизи нас расположился также 3-й батальон под командованием капитана Капустинского — героя боев за Прагу.

До 10 сентября, то есть до начала наступления на Прагу, в этих местах проходила линия обороны немецких войск. Разрушенные дома, брошенное оружие, окопы, траншеи и минные поля — все свидетельствовало о продолжительных и тяжелых боях, которые здесь велись. Гражданское население покинуло свои жилища и только теперь постепенно возвращалось.

Здесь, в Старой Милосне, для нас был обычный распорядок дня, то есть подъем, зарядка и учебные занятия. Кроме того, мы получили задание — оборудовать соответственно огневые рубежи, которые входили в систему второй полосы обороны. Ведь на фронте всякое бывает: неизвестно, какая обстановка сложится в любой момент. К тому же солдатам было полезно поупражняться в этом обязательном воинском ремесле.

Еще в сентябре нескольких рядовых и подофицеров батареи ожидал приятный сюрприз. В приказах командиров дивизии и полков сообщалось о присвоении очередных званий. Многие рядовые получили нашивки бомбардира, прибавилось также несколько капралов, в частности им стал Чеслав Козлович. Командир третьего орудия Адам Бронецкий стал сержантом. А сержанты Ян Байч, Юлиан Высоцкий, Казимеж Кантипович и я получили звание фейерверкера. Нашему политработнику Гонсеровскому было присвоено звание подпоручника.

Командование пыталось как-то организовать солдатам прифронтовой отдых. Однажды к нам приехал театр 1-й армии Войска Польского. Выступали два оркестра: один — духовой, другой — симфонический. Дирижером последнего была женщина. Артисты играли, пели, читали стихи. Им вторило лесное эхо. Это было удивительное явление! Все совершалось дважды: сначала на эстраде, а потом повторялось из-за деревьев за нашими спинами. Концерт поднял всем настроение, и как-то легче стало на душе.

К некоторым судьба благоволила. В числе счастливцев оказался и наш подпоручник Стефан Козак. В Старой Милосне он нашел свою даму сердца, которой остался верен навсегда. После окончания войны он вернулся туда. Многие из нас завидовали тогда и капитану Капустинскому.

— Смотрите, какую блондиночку нашел себе Капустинский! — причмокивал Бронецкий, провожая восхищенным взглядом стройную, симпатичную варшавяночку, которая частенько появлялась вблизи нашей батареи в обществе тоже недурного собой командира батальона. — Живет она вместе с матерью на соседней улице, вон в том доме. Жаль, что я раньше об этом не узнал. — Адам громко вздохнул.

— Не только тебе она нравится, — философски изрек Мищук. — Я предпочитаю не высказываться... Ну что ж, на этот раз нам с тобой не повезло.

В начале октября закончили ремонт наших пушек. Полк интенсивно залечивал свои раны. Возвращались те, кто получил в боях ранения. Из Люблинского воеводства тоже пришло небольшое пополнение. Из этой группы в батарею были зачислены Казимеж Паенк, Казимеж Вавжиняк, Ян Либерда, Юзеф Скалецкий, Чеслав Сурма, Ян Баран и Чеслав Форналь. Все они были очень хоро-

шими ребятами, а со временем стали и отважными артиллеристами.

Новичков распределили в разные расчеты, и батарея в принципе была полностью укомплектована. Оставалось лишь обучить вновь прибывших искусству меткой стрельбы из орудий, особенно прямой наводкой. К этому приступили немедленно.

Мой огневой взвод однажды отрабатывал наступление с применением огня прямой наводкой при поддержке пехоты, овладевающей населенным пунктом Выгода. После того как бойцы вручную перекатили пушки на окраину поселка и заняли там огневые позиции, я приказал сделать перерыв.

— Нелегко служить в артиллерии, — в который раз вздохнул Глебик. — Пехоте хорошо: у них только карабин, да и укрыться от противника легче. Не то что нам... Как такую громадину укроешь, да еще если на открытой местности?

— А мне по душе иметь дело с пушками, — признался молодой артиллерист Паенк. — Артиллерия — бог войны.

— Ты прав, она стреляет и громко, и далеко, — добавил Рокошевский, — да и метко. В этом убедились гитлеровские танки под Козьей Горкой, правда? — обратился он ко мне.

К нашей группе подбежал Либерда.

— Идите-ка посмотрите, какие там странные снаряды лежат, — позвал он. — И в соседних садах их полно.

— Ведь это же фаустпатроны, — объяснил я удивленным бойцам. — Новое оружие гитлеровцев. Они применяют их против танков, и, надо признать, довольно успешно. Они действуют подобно нашим бронебойно-зажигательным снарядам.

— А может, прихватим с собой несколько штук этих патронов? Будем бить немецкие танки их же собственным оружием, — предложил Глебик. — Ну-ка я попробую выстрелить одним.

— Не трогать! — запретил я. — Еще кто-нибудь из вас наделает беды! Если уж хотите посмотреть, как они действуют, то я сам выстрелю. Отойти назад! — приказал я твердо.

Взяв в руки один патрон, я внимательно осмотрел его. Признаться, я сам в первый раз видел эту штуку и мне тоже требовалось разобраться, что к чему. Патрон состоял из двух частей — трубки и головки. Окрашенная

в желтый цвет трубка имела на шкале прицела две цифры «40» и «60», а также какие-то зажимы. Там же виднелась черная стрелка острием назад с надписью «Фойер» («Огонь»). «Значит, сзади никому стоять нельзя», — подумал я.

Солдаты внимательно следили за моими действиями. Убедившись, что с тыльного конца трубки никого не было, я направил снаряд в сторону леса и стал манипулировать прицельным механизмом. Как только я нажал красную планку, раздался выстрел. Из передней части трубки с шумом вылетел снаряд и упал в ста метрах от нас, но не разорвался. Видимо, он угодил в слишком мягкую почву. Во время выстрела из тыльной части трубки полыхнул язык пламени почти двухметровой длины.

— Майор Бондаравец! — почти драматически выкрикнул Бронецкий.

Я повернул голову. Из-за угла улицы вышел наш строгий начальник полковой артиллерии. Он, очевидно, направлялся в нашу сторону.

— Кончать перекур! — крикнул я и отбросил подальше трубку фаустпатрона, которую все еще держал в руке.

— Кто стрелял? — спросил майор.

— Я, — ответил я, стараясь говорить как можно тише. — Мы проверяли действие фаустпатрона, товарищ майор...

Майор даже слегка отступил и, смерив меня удивленным взглядом, подозвал к себе.

— А знаете ли вы, фейерверкер, — проговорил он резким тоном, — что есть приказ, запрещающий проводить любые эксперименты с трофейным немецким вооружением? Вчера один ездовой тоже хотел проверить действие фаустпатрона. Приставил трубку к животу, а что было позже, догадаться нетрудно. За ваши действия наказываю вас пятью сутками гауптвахты. И чтобы впредь это не повторилось!

— Ну и что? — спросил меня Бронецкий.

— Ничего! — пожал я плечами. — Нельзя устраивать никаких пробных стрельб. Запрещено, — сказал я более твердым голосом, чем это требовалось. Я был зол на себя и на всех вокруг. — Запрещено, — повторил я и рассказал слушавшим меня солдатам о случае с ездовым. — Гитлеровцы вообще любят оставлять различные «подарки»! — проговорил я в заключение, стараясь основательно напугать своих слушателей.

— Ну что, командир орудия Рутковский, присматриваешь себе какую-нибудь землянку для отсидки пяти суток ареста? — с издевкой спросил меня капитан Соловейчик, когда мы вернулись с занятий. — Запрещено производить подобные эксперименты!.. Черт знает что вытворяют, — произнес он уже себе под нос.

— Товарищ капитан, все-таки надо уметь обращаться с фаустпатронами. Это пригодилось бы. Может, стоит погрузить на повозку Кантыповича несколько десятков штук этих зарядов? — стоял я на своем: очень уж мне понравилось это новое оружие.

До конца войны мне так и не удалось отбыть наложенный на меня арест.

5 октября подпоручник Гонсеровский сообщил нам следующее:

— Позавчера командующий Армией Крайовой генерал Бур-Коморовский подписал акт капитуляции Варшавы. Солдаты-повстанцы отправлены в фашистский плен, а гражданское население столицы выселяется из города. Гитлеровцы начали методичное варварское разрушение опустевшей Варшавы. Они намереваются стереть нашу столицу с лица земли.

Это известие потрясло нас. Вне себя от горя и возмущения, мы поклялись отомстить за Варшаву, за ее жителей, за все преступления, совершенные гитлеровцами в отношении нашего народа.

— Кажется, скоро прифронтовой отдых закончится, — успокаивал нас Гонсеровский. — К северу от Праги, у Жераньского канала, наша 2-я пехотная дивизия и советские части ведут очень тяжелые бои. Надо бы им помочь.

Наша решимость бить врага была настолько сильной, что мы готовы были идти в бой незамедлительно.

НАПРАВЛЕНИЕ — ЯБЛОННА

В первой половине дня 21 октября командир батареи капитан Соловейчик пригласил к себе командиров взводов.

— Подготовиться к маршу! Сегодня после обеда мы направляемся на выполнение боевого задания в районе севернее Праги, — сказал он. — Вероятнее всего, будем наступать на Яблонну. Проверить, чтобы ничего не за-

быть на нынешней стоянке. Подпоручник Козак, — обратился он к Стефану, — в четырнадцать ноль-ноль доложите о готовности батареи к отправке. Идем в колонне третьего батальона капитана Капустинского. Все ясно? — скорее утвердительно, чем вопросительно закончил капитан.

Местные жители провожали нас с нескрываемой жалостью. У многих солдат сжалось сердце от предстоящей разлуки, и у многих девушек глаза заблестели от слез при расставании, которое, возможно, могло быть последним. Известное дело — война...

Ночью мы сменили советские части. Наш 1-й пехотный полк занял оборону на участке Марцелин, высота 86,8. Сосед справа, 2-й пехотный полк, оборонял участок, протянувшийся от Марцелина до Бялоленки-Дворской, а сосед слева, 6-й пехотный полк из 2-й пехотной дивизии, находился в обороне вдоль Жераньского канала.

Погода, которая в течение последних дней стояла как по заказу, солнечная и теплая, в эту ночь внезапно испортилась. Пошел осенний холодный дождь, и окопы раскисли; в них образовалась липкая, пристававшая ко всему грязная жижа. Наша батарея заняла огневые позиции в районе обороны 3-го батальона, во второй линии траншей, примерно в 250 метрах от передовой.

— Что, польские солдаты нас сменяют? Очень хорошо, добро пожаловать! — дружески встретил сержанта Бронецкого советский командир расчета дивизионной 76-миллиметровой пушки. — Только будьте внимательны, немцы яростно контратакуют. Дня не проходит, чтобы не использовались танки. Посмотрите: вон там, на поле, три танка еще горят. Сегодня подбили.

— Нам, товарищи, немцы не страшны, у нас с ними свои счеты. — Бронецкий произнес это с гордостью. — Мы из 1-й пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Вы еще ее называете гвардейской. Во время штурма Праги я тоже подбил несколько гитлеровских танков. Конечно, спасибо вам за добрые советы...

— Вот как? — в голосе советского офицера прозвучало удивление. — Это хорошо. Тогда держитесь и всыпьте немцам как следует.

Начинался фронтовой день. Надо было ознакомиться со своей и вражеской обороной. Наши рубежи были достаточно хорошо укреплены. Раньше в этих же траншеях полного профиля находились гитлеровцы, а затем их

отсюда выбили советские солдаты, которые приспособили укрепления к условиям своей обороны. Они оборудовали пулеметные гнезда и орудийные позиции для стрельбы прямой наводкой, а также отрыли ниши для укрытия личного состава. Было здесь и много готовых землянок. Нам оставалось провести лишь некоторые дополнительные усовершенствования.

Местность вокруг была довольно плоская, почти открытая, но густо застроенная. Многочисленные воронки, разбитые и обгоревшие танки свидетельствовали об ожесточенных боях, которые вели здесь советские подразделения. Наблюдательные пункты противника, расположенные в домах ближайшего поселка Пекелко, позволяли иметь отличный обзор на всю глубину нашей линии обороны. Немецкие снайперы стреляли почти по каждому, кто неосторожно высовывался из окопов.

Нам, артиллеристам, тоже пришлось позаботиться о тщательной маскировке своих позиций. Для того чтобы не раскрыть месторасположение пушек, мы прятали их в нишах и выкатывали лишь на то непродолжительное время, когда требовалось обстрелять ранее обнаруженные огневые точки противника.

— Повысить бдительность во время ночных дежурств у орудий! — приказал Козак. — Ночью при смене дежурных повышенный шум привлек внимание гитлеровцев, и они под утро выслали на нашу сторону разведчиков. Они наткнулись на двух наших дремавших пулеметчиков и обоих взяли в плен. Это очень встревожило командование полка. Да и не удивительно...

Вечером полковая разведка получила приказ в отместку за наших пулеметчиков захватить у гитлеровцев пушку вместе с расчетом. Уходя на это важное задание, разведчики договорились с нами, чтобы в случае необходимости мы открыли артиллерийский огонь по тому месту, которое они укажут красной ракетой. К счастью, их операция прошла весьма успешно. Через полтора часа они вернулись с гитлеровским орудием, двумя ящиками со снарядами и расчетом в полном составе.

Позже они нам рассказали, что в расположении врага они увидели сидевшего под кустами немецкого часового. Присмотревшись, заметили, что из рук немца выпал автомат. Стало ясно, что часовой задремал. Ребята без труда обезоружили его, связали и заткнули рот кляпом. Затем в землянке они так же легко взяли в плен всех

спавших немцев. Лишь спустя продолжительное время гитлеровцы обнаружили пропажу и открыли стрельбу.

Узнав о смене войск на этом участке обороны, немцы начали систематический обстрел наших позиций, однако и наша артиллерия тоже не осталась в долгу. Последующие два дня прошли во взаимной разведке огнем.

В ночь на 24 октября меня разбудил дежурный по взводу Пивоварчик:

— Товарищ командир, в глубине обороны противника возникло множество пожаров. Кроме того, оттуда доносится грохот взрывов, слышите?

— Точно! Может, гитлеровцы готовятся отойти и теперь уничтожают населенные пункты?

Посланная утром разведка доложила, что гитлеровцы действительно недавно покинули свои позиции. Узнав об этом, полковник Максимчук приказал 1-му и 3-му батальонам перейти в наступление без обычной в таких случаях артиллерийской подготовки. На участке нашей батареи тоже все пришло в движение. Козак приказал запрягать лошадей, которых мы укрывали от глаз немецких наблюдателей примерно в шестистах метрах от огневых рубежей. Через несколько минут наши ездовые Павликовский, Грабовский, Слабицкий и Грицай быстро подъехали к орудиям, артиллеристы моментально прицепили орудия к упряжкам, и батарея двинулась вслед за ушедшей пехотой.

Однако противник не отступил просто так, без подвоха. Он коварно расставил различные ловушки и мины на дорогах и направлениях возможного движения людей и техники. И конечно, не обошлось без трагических случаев. Не повезло сержанту Курасу. Перед самой линией вражеских окопов его орудие налетело на мину. Раздался сильный взрыв, и Суликовский закричал:

— Помогите! Нога!

Друзья бросились на помощь раненому. Санитар Каминский установил: сложный перелом кости. Повреждено было и орудие, особенно прицел, и Курас мог теперь вести огонь только на глаз.

— Орудия быстро вперед! — торопил Козак.

Мы миновали деревню Пекелко. Вдали виднелись цепи нашей пехоты, двигавшиеся по полю в направлении поселка Свидры Старе. В этот момент противник открыл сильный огонь по нашим передовым отрядам.

— Второй взвод, к бою! По огневым точкам противника, огонь! Первый взвод, продолжать движение за пехотой! — кричал подпоручник Козак.

Орудия Пивоварчика и Бронецкого развернулись, подготовились к стрельбе и открыли огонь по гитлеровским пулеметам. Несколькими снарядами их заставили замолчать. Путь нашей пехоте был открыт. Теперь мой взвод сменил позиции под огневым прикрытием орудий капрала Козловича и сержанта Кураса.

Наступление костюшковцев развивалось быстро. Подразделения полка преодолевали сильное сопротивление арьергардных групп противника, поддерживаемых танками и бронетранспортерами. Нам приходилось продвигаться по минным полям и под ураганным огнем гитлеровской артиллерии с той стороны Вислы из района Буракова, а также с севера, из Хощувки. Несмотря на это, мы к середине дня овладели Свидры Старе и вышли на берег Вислы. Наш сосед справа, 2-й пехотный полк, успешно занял населенный пункт Новодворы и тоже вышел к реке.

Да, мы подошли к Висле. Укрывшись за высокой дамбой, солдаты видели перед собой строения Буракова, расположенного на том берегу. Налево в облаках густого дыма пылала Варшава.

По пути сюда мы увидели следы ночных взрывов. Нас встречали немногочисленные уцелевшие местные жители, которым удалось избежать отправки на принудительные работы. С болью и ненавистью рассказывали они о страшных днях оккупации.

— Если б вы знали, — говорили они, — как боятся вас немцы. Они представляли дело так, будто отходят на новые, более надежные рубежи, потому что, дескать, им теперь противостоят свежие и сильные части.

В душе мы испытывали чувство гордости, услышав такую оценку противника. Наша дивизия действительно была сильным воинским соединением. Там, где сражались костюшковцы, была победа.

Вечером мы двинулись вдоль Вислы по направлению к Яблонне. Гитлеровская артиллерия с того берега по-прежнему вела интенсивный обстрел нашего района. Особенно действовали на психику разрывы мин из немецких шестиствольных минометов, так называемых «ревущих коров». Через некоторое время нас удивило одно обстоятельство: отдельные снаряды, которые гитлеровцы посы-

лали в нашу сторону, почему-то не разрывались. До нас отчетливо доносились выстрелы вражеских орудий, стоявших на другом берегу Вислы, но разрывов снарядов не было слышно.

— Интересно, почему же некоторые снаряды не взрываются? — вслух размышлял Куликовский. — Может, они какие-то особые?

Это странное обстоятельство стало для нас понятным лишь на рассвете, когда мы увидели, что земля вокруг нас усеяна множеством листовок самого паскудного содержания.

Оголтелая гитлеровская пропаганда даже в обстановке ожесточенных боев пыталась подорвать наше единство. Мы с омерзением читали никчемные обращения, содержавшиеся в листовках. Они вызывали чувства, совсем противоположные тем, на которые надеялись их авторы: в наших сердцах росла лишь бóльшая ненависть к врагам.

Под Яблонной прекрасно показал себя полк ночной бомбардировочной авиации «Краков». Так же, как и под Прагой, наши «кукурузники» нанесли большой урон гитлеровцам. Эти маленькие, на вид неказистые самолеты заставали противника врасплох, бесшумно атакуя и разрушая его позиции.

Таким образом, наша авиация очень помогала пехоте в ее ночных разведывательных поисках, а нам давала спокойно спать.

По всей линии фронта шли упорные бои. Гитлеровская пехота, укрепившись на подступах к Кемпе Тархоминской и Бухнику, упорно старалась не отступать. Ей помогали танки и самоходные орудия. Выпустив несколько снарядов в нашу сторону, они быстро меняли свои позиции, но по рокоту моторов и лязгу гусениц нам удавалось установить их примерное местонахождение.

Бой за Калиницу и Кемпу Тархоминскую продолжался двое суток. Расчетам наших орудий, находившимся в первых рядах наступающих, приходилось проявлять инициативу, отвагу и немалое мастерство для того, чтобы расчистить путь атакующей пехоте. Уничтожая гитлеровские огневые точки, мы всегда были начеку, чтобы самим не попасться на мушку противника. А этого можно было добиться лишь при соблюдении правил маскировки боевых позиций. Противник же, надо сказать, очень поднаторел в умении распознавать наши огневые точки.

Немецкий пулемет, установленный на втором этаже дома, стоявшего у подножия дамбы в поселке Кемпа Тархоминская, безжалостно поливал свинцом нашу пехоту, изготовившуюся к атаке со стороны деревни Новодворы.

Мы лежали с Козаком в окопе. Кругом была жидкая грязь. Подпоручник в бинокль внимательно изучал обстановку.

— Рутковский, — обратился он ко мне, — нужно во что бы то ни стало уничтожить этот пулемет, иначе пехота не прорвется. Кто может это сделать?

— Удобнее всего сержанту Пивоварчику. Его орудие находится ближе, чем все остальные.

Вызвали Пивоварчика. Он приполз к нам.

— Видишь, там в окне старого дома немецкий пулемет? Вот он опять ведет огонь, видишь? — Я показал место, откуда шла стрельба. — Ознакомь весь расчет с заданием, и прежде всего Куликовского. Вытаскивайте орудие из укрытия и бейте, а потом сразу же перекатите пушку на другое место. Понятно?

— Так точно! — ответил сержант, который все это время наблюдал за целью.

Спустя несколько минут орудие Пивоварчика появилось у нас на виду и прозвучал выстрел. Снаряд разорвался рядом с домом, где засел пулеметчик.

Следующими выстрелами была разбита стена дома.

— Вот это работа! — радостно крикнул рядовой Замлынский.

— Отбой! Орудие в укрытие, быстро! — приказал командир расчета.

Гитлеровцы не остались в долгу. В ответ они обрушили на нас минометный огонь. Несколько мин разорвалось на том самом месте, где две минуты назад находилось орудие Пивоварчика. Однако к тому времени его там уже не было .

Под Новодворами система нашей обороны состояла в основном из отдельных окопов. В короткие минуты затишья пехотинцы и артиллеристы старались размяться, поднимались во весь рост, перебегали в соседние окопы.

— Ох, холера! — заволновался Козак. — И почему Козлович бежит даже не пригибаясь? Для чего такое лихачество?! Жизнь не дорога?

— Фокусничает, — сказал кто-то вполголоса, но подпоручник услышал и как-то грустно улыбнулся.

Тем временем Козлович перебегал уже к следующему орудию. Прозвучала резкая очередь из вражеского пулемета, но Козлович успел-таки вскочить в окоп, который занимал расчет сержанта Кураса.

— Не попал! — Козлович засмеялся, как после хорошего анекдота. — Вы засекли место, откуда этот фриц стрелял? Вот вернусь и долбану по нему несколькими снарядами. А пока дайте закурить, моя махорка куда-то запропастилась.

— Ты, Чесек, наверное, с ума сошел! — стал урезонивать его Курас. — На обратном пути будешь ползком добираться к своему орудию. Я за тобой понаблюдаю!

— Да ведь тишина была. Я уж думал, фрицы уснули, — проговорил Козлович. — Ну что ж, твое слово — закон! — Он улыбнулся. — Жаль — новую шинель испачкаю.

Он выкурил самокрутку и пополз по-пластунски, как на учениях.

В боях под Кемпой Тархоминской вновь отличился Бронецкий, которого после взятия Праги назначили на должность командира орудия. Он уничтожил огнем своей пушки пулеметное гнездо противника. Много храбрости и боевого мастерства продемонстрировали и другие командиры расчетов, в особенности Курас и Пивоварчик, уничтожившие по нескольку огневых точек.

Утром 27 октября началось наступление на Яблонну. Солдаты 3-го батальона под командованием капитана Капустинского при поддержке артиллерии и минометов, в том числе наших орудий, пошли в атаку и овладели населенными пунктами Кемпа Тархоминская и Каленица. За ними двинулись наши орудия и артиллерия соседней полковой противотанковой батареи.

Путь артиллеристам преградило минное поле. Две сорокапятки наскочили на мины, а затем подорвалось на мине наше четвертое орудие, сержанта Пивоварчика. «Рана», на счастье, оказалась несерьезной — порыв резиновой покрышки колеса, так что пушка осталась в строю.

Пехота продвигалась дальше в направлении хутора Бухник. Слева, со стороны прибрежной дамбы, застрочил немецкий пулемет и своим фланговым огнем парализовал продвижение нашей пехоты, находившейся на открытом пространстве. Но вблизи оказался Козлович со своим орудием. Несколькими точными снарядами навод-

чик Глебик уничтожил вражеский пулемет. Путь нашим пехотинцам был открыт и хутор взят.

Этот хутор находился на опушке леса, за которым в полутора километрах лежала Яблонна. На участке между берегом Вислы и лесом тянулась полоска заливного луга шириной в несколько сот метров. Поддерживаемый нами 3-й батальон шел лесом. Оба наших орудия приходилось катить вручную по размокшей дороге, проходившей по опушке леса. С другой стороны раскинулся пустынный луг.

Сопротивление немцев не ослабевало. Они укрепились теперь на очередном рубеже обороны — на подступах к Яблонне. Было относительное затишье. Внезапно немецкая артиллерия разных калибров обрушила массированный удар на бухникский лес. На наши орудия посыпались снаряды. Оставшиеся на этом берегу Вислы, за дамбой, немецкие наблюдатели навели на нас огонь своей артиллерии.

Услышав свист летящих снарядов, Козак что было духу закричал:

— Ложись!!!

Бойцы мгновенно разбежались кто куда. Я вместе с подносчиком вскочил в какой-то заброшенный окоп, и тотчас же земля задрожала от разрывов вражеских снарядов. Этот ад кромешный продолжался всего лишь несколько минут, а казалось, целую вечность.

После короткой паузы обстрел возобновился и продолжался часа два.

К счастью, у нас не оказалось значительных потерь. Нас спасли... старые немецкие окопы.

Одновременно направо от нас, в районе шоссе, ведущего к Яблонне, разгорелся ожесточенный поединок...

Группа гитлеровцев при поддержке нескольких танков перешла в контратаку на еще не оборудованные позиции 2-го пехотного полка, расположенные на северной окраине Бухника. Немцы уже подходили к командному пункту командира полка, но в этот момент им преградили дорогу польские танки. Завязался ожесточенный бой, и противник вынужден был отступить. Тем временем гитлеровская артиллерия продолжала вести ураганный огонь по нашим позициям. Поздно вечером мы перекрыли все подступы к хутору Бухник. В его подвале разместился батальонный командный пункт. Немцы будто знали, что здесь сосредоточилось немало наших бойцов, поскольку

даже ночью не прекращали обстрел хутора. Один из снарядов упал рядом с орудием сержанта Бронецкого. Осколками повредило колесо и кронштейн прицельного устройства.

— Опять, черт побери, орудие вышло из строя! — нервничал командир батареи.

Утром 28 октября костюшковцы перешли в решительную атаку на Яблонну и, сломив сильное сопротивление противника, овладели ею. Наши орудия двигались в северо-западном направлении, следом за своей пехотой. Однако у самого леса пехота наткнулась на хорошо подготовленный оборонительный рубеж гитлеровцев с заграждением из колючей проволоки и минными полями. Враг открыл отсюда яростный огонь по костюшковцам. Передовые подразделения вынуждены были залечь и окопаться.

В то время как мы вели бой за Яблонну, советские части, действовавшие на правом фланге 1-й дивизии, захватили Легионово.

— На этом рубеже наше дальнейшее продвижение вперед приостановлено, — проинформировал нас в тот день на совещании капитан Соловейчик. — Свою задачу мы выполнили. Теперь над нашими частями, находящимися под Прагой, уже не будет висеть угроза флангового удара гитлеровцев с севера. Плацдарм противника в основном ликвидирован, а наша батарея перебрасывается для поддержки первого пехотного батальона, занимающего оборону по берегу Вислы.

30 октября, вечером, мы заняли огневые позиции на западной окраине поселка Новодворы возле большого трехэтажного особняка, того самого, у которого стояли накануне наступления на Бухник и Каленицу. Бойцы быстро оборудовали позиции и, выставив охранение, уснули крепким сном в выкопанных рядом щелях. Стояла холодная ночь. Заморозки предвещали раннюю зиму. Редкие огоньки из окон особняка отражались в покрытых тонким ледком лужах.

— Не мешало бы хоть немного вздремнуть. — Козак тоже выбился из сил.

— Не мешало бы, — заметил я, — только в нашем особняке поселились теперь новые хозяева.

Там теперь расположился штаб дивизиона тяжелой артиллерии с командным и наблюдательным пунктами.

— Хоть бы в подвал пустили, — вздохнул я.

— Вот затужили! Всегда найдется поблизости какой-нибудь окоп, оставшийся после немцев! Их здесь вокруг полно, — спокойно заявил Козак.

Спустя минуту, завернувшись в плащ-палатку, я уже спал в неглубоком, покрытом досками одиночном окопе. Время от времени меня будили какие-то отдаленные взрывы. Однако вылезти из плащ-палатки у меня уже не было сил.

Когда появился старшина батареи, причина этих взрывов выяснилась.

— Вы знаете, товарищи, — вначале мы услышали взволнованный голос, а потом в бледном свете наступающего утра увидели сержанта Бялоокого, — что почти все более или менее уцелевшие дома в Висьневе, Хенрикуве, Виннице и других населенных пунктах взорваны! Приведены в негодность и важнейшие участки дорог! На шоссе полно воронок!

— А этот дом, случайно, не заминирован? — забеспокоился Дерлятко, наливая мне суп в протянутый котелок. — А то придется...

Не успел он закончить фразу, как вдруг неподалеку от нас взметнулся вверх столб огня и раздался мощный взрыв. Это взлетел на воздух «наш» особняк, похоронив под своими обломками весь штаб дивизиона тяжелой артиллерии. Уцелел лишь один часовой, находившийся вне здания.

Отступая, гитлеровцы заложили мины с часовым механизмом. Последствия были ужасными. В Домбрувке Шляхетской погиб под развалинами одного из домов заместитель командира по политико-воспитательной работе взаимодействовавшей с нами батареи сорокапяток 1-го пехотного полка хорунжий Альберт Заморский, а ее командир — подпоручик Кевлич и несколько бойцов были ранены.

Враг не гнушался никакими средствами. Так, в одном местечке он оставил отравленный спирт. Известно, что на войне редко кто откажется выпить. Вот и погибло девятнадцать человек. Уходя, гитлеровцы насильно угоняли с собой население, поджигали дома, отравляли воду в колодцах. В Яблонне они даже костел заминировали. И это делали те, кто носил ремни с пряжкой, на которой было начертано: «С нами бог». Костел должен был взлететь на воздух 29 ноября, но, к счастью, наши саперы вовремя обезвредили коварные мины.

Погода стояла отвратительная. Моросил мелкий, холодный осенний дождь. По ночам бывали заморозки. Между тем все свидетельствовало о том, что наши войска на Висле перешли к длительной обороне. Учитывая это, необходимо было выбрать и оборудовать удобные позиции и соорудить укрытия от дождя, холода и огня вражеской артиллерии, тем более что артиллерия обеих сторон довольно часто прощупывала друг друга. Немецкая артиллерия облюбовала, например, хорошо просматриваемый отрезок шоссе, соединяющего Пекелок через Висьнево и Хенрикув с Яблонной, и время от времени устраивала «охоту» на следовавшие по нему автомашины. Однажды здесь попала под обстрел полевая кухня нашей батареи.

— Наши обозы стоят в Висьнево, — рассказывал нам ездовой, уже пожилой бомбардир Антони Мордань. — И вот появляется сержант Тарнацкий и просит привезти обед на огневые позиции. Старшина батареи говорит мне: «Езжай!» Только я выехал из Висьнево на шоссе, как гитлеровцы сразу же заметили нас и открыли огонь из орудий. Вокруг начали рваться снаряды, все ближе и ближе. Сержант Тарнацкий спрыгнул в придорожный ров, а я быстро съехал с шоссе, соскочил с облучка и привязал к нему вожжи. Один из снарядов разорвался рядом с кухней. Я припал к земле, а перепуганные лошади помчались галопом по дороге в направлении Хенрикува. Мы, пригнувшись, побежали за ними. Умные животные спрятались от обстрела за домом. В общем, добрались. Еще немного — и вы бы остались сегодня без обеда, — грустно улыбнулся он. — Да и повару Дерлятко не было бы в чем готовить ужин, — добавил уже веселее бомбардир.

— Вы, Мордань, показали себя в этой ситуации смелым человеком, — признал Козак. — Только в следующий раз больше не рискуйте так, а лучше сверните на какую-нибудь окольную дорогу. У нас ведь нет никакого желания переходить на сухой паек.

— Вы правы, товарищ подпоручник! Мордань вел себя геройски, — похвалил старого бойца Тарнацкий, — и заслуживает награды.

— Я же не ради награды старался, — возмутился тот. — Разве это дело, — растягивая слова, продолжал он, — чтобы орудийные расчеты сидели голодные и проклинали нас за то, что мы о них не заботимся? Пусть только лучше стреляют по этим проклятым фрицам! Ну

а если командование захочет отметить наше усердие... — потупил он скромно взгляд.

— Хорошо сказано, товарищ Мордань, — хлопнул его по плечу подпоручник Козак. — Правильно мыслите!

Обед показался нам исключительно вкусным.

Моя батарея, чтобы не обнаружить себя, несколько раз открывала огонь по гитлеровским минометам, расположенным в районе Ломянок и Келпина, с ложных позиций.

Бои, которые вела до сих пор 1-я пехотная дивизия, конечно, не обходились без жертв. Погибло много и офицеров. В этой обстановке обязанности командиров взводов часто выполняли сержанты, поэтому многие из них получили повышение в звании. Однако, чтобы получить первичное офицерское звание хорунжего, необходимо было сдать экзамен. В моей батарее этой чести удостоились командир взвода управления сержант Юлиан Высоцкий и я — командир огневого взвода, а из соседней батареи сорокапяток — сержанты Чеслав Пеля и Бернард Аугуст. В начале ноября в штабе артиллерии дивизии собралось больше десяти сержантов, которые в течение нескольких часов готовили письменные ответы на ряд теоретических вопросов. Вначале мы очень волновались, потом задумались и наконец взялись по-настоящему за работу. В результате почти все прекрасно сдали экзамен.

В обороне под Яблонной батарея находилась до 13 ноября, а затем, после того как нас сменил 8-й полк 3-й пехотной дивизии имени Р. Траугутта, мы морозной ноябрьской ночью отправились на отдых в поселок Сивки под Варшавой.

ПАРАД В АЛЛЕЯХ

Как же быстро летит время на фронте! В прошлую зиму мы располагались в гостеприимных белорусских и украинских хатах, а теперь, когда наконец оказались на родной земле, с радостью поселились в польских домах.

Поселок Сивки напоминал скорее деревню. Там жили главным образом рабочие, трудившиеся когда-то в расположенной поблизости Варшаве. Жители ютились преимущественно в небольших домах, иногда даже в бараках, но, несмотря на скромные размеры своих жилищ, они радушно принимали на постой польских солдат, обычно

по нескольку человек, а иногда даже по целому орудийному расчету и отделению. В соседних поселках — Древнице и Зомбках разместились остальные подразделения 1-го пехотного полка.

Мы наслаждались домашним теплом и искренней доброжелательностью хозяев, но не забывали, что этот наш отдых не может длиться долго, что всего в нескольких километрах отсюда, за Вислой, продолжала гореть измученная Варшава, а дальше за нею все еще томилась в неволе бо́льшая часть населения нашей страны. Мы не забывали, что на оккупированной территории еще дымились печи крематориев Освенцима и свирепствовали карательные отряды, что там ждали освобождения наши братья и сестры.

Тем временем фронт как бы застыл на Висле. Батальоны, полки и дивизии зарылись в землю, укрылись в прифронтовых лесах. Если б не фейерверки ракет, освещавших передний край обороны, да редкие артиллерийские выстрелы и вспыхивавшая время от времени пулеметная перестрелка, можно было бы подумать, что и войну сковал мороз, исключительно суровый в эту зиму. Однако это было кажущееся спокойствие. Фронт жил своей незримой жизнью. Обе стороны готовились к решающей схватке.

— Гитлеровцы знают, что Висла — это ворота в третий рейх, — говорил нам на политзанятиях подпоручик Гонсеровский, — и поэтому делают все, чтобы помешать нам преодолеть ее... Красная Армия за последнее время нанесла гитлеровцам еще ряд сокрушительных ударов, однако они способны оказывать серьезное сопротивление. Их войска насчитывают по-прежнему несколько миллионов солдат. Территория, которую они защищают, сильно укреплена. На главном направлении, то есть между средним течением Вислы и Одрой, немцы возвели несколько оборонительных рубежей, способных, как утверждает фашистская пропаганда, сдержать натиск Красной Армии. Советские войска, — информировал нас дальше подпоручик, — активно готовятся к прорыву обороны гитлеровцев. Они сосредоточивают в тылу живую силу и технику, чтобы вести наступательные действия по всему фронту...

Мы, артиллеристы, отдавали себе отчет в том, что война уже близится к концу, но мы знали также, что на пути к Берлину нас еще ждут тяжелые бои.

В связи с этим в батарее развернулась интенсивная

учеба. Систематически, терпеливо и последовательно, используя все свои знания и опыт, бывалые фронтовики Курас, Пивоварчик, Бронецкий, Козлович, Рокошевский и Куликовский учили нашу молодежь. А новое пополнение прибыло из-под Люблина, Белостока и Вильнюса. Это были живые, пытливые, смышленые парни, но их надо было научить артиллерийской профессии.

Разумеется, учебой руководили офицеры и командиры взводов батареи. Они и определяли ее программу. Однако основную роль в этом процессе играли подофицеры — командиры орудийных расчетов и отделений. Это были непосредственные учителя.

Как-то само собой возникло негласное соревнование в боевой учебе между 1-м взводом Байча и 2-м, которым командовал я. В это время командиром первого орудийного расчета был сержант Франциишек Курас, второго — капрал Чеслав Козлович, третьего — сержант Адам Бронецкий и четвертого — сержант Станислав Пивоварчик.

На полях под Сивками мы настойчиво совершенствовали свою боевую выучку, овладевали сложной профессией артиллериста. Ни на минуту не умолкали команды: «Орудие к бою!», «Уровень!..», «Прицел!..», «Стой!», «Передки к орудиям!», «В передки!» и т. п. В промежутках между учениями, во время отдыха, мы изучали материальную часть орудий и боеприпасов.

После нескольких дней такой интенсивной учебы первое место занял мой третий орудийный расчет сержанта Бронецкого, а его новый заряжающий, сын крестьянина из Люблинского воеводства канонир Юзеф Скалецкий показал лучшее знание материальной части орудия.

— Ну, Адам, и гоняешь же ты своих ребят! — заметил с восхищением Козлович. — Только я считаю, что мой орудийный расчет не очень уступает твоему, — добавил он хвастливо.

— Конечно, — согласился добродушный и остроумный Бронецкий. — Ведь твой по порядку второй, а мой только третий. Ребята, это верно, что обо мне говорят? — обратился он к своему расчету.

— Да нет же! — ответил смеясь Рокошевский. — Нам и так всегда жарко!

— С таким командиром расчета мы готовы идти в огонь и в воду, даже в ад, — добавил канонир Сурма из нового пополнения.

— Не льсти начальству, — сказал явно довольный этим Бронецкий. — Сначала надо перейти Вислу и освободить Варшаву, а уж потом в ад, — засмеялся он.

Долгие осенние и зимние вечера мы проводили главным образом в беседах с местными жителями, которые проявляли большой интерес к нашему боевому пути, особенно им хотелось больше узнать о битве под Ленино. В свою очередь нас интересовало все, что было связано с периодом оккупации. Мы услышали подробные рассказы о гитлеровском терроре, облавах, угоне поляков на принудительные работы в Германию и героической борьбе партизан.

— А какой будет новая Польша, после войны? — спрашивали нас местные жители.

— Справедливой, — отвечали мы. — Без эксплуатации капиталистами и помещиками. Банки и заводы будут национализированы. Помещичья земля разделена, а власть будет принадлежать народу — рабочим и крестьянам.

21 ноября подпоручник Гонсеровский собрал всех нас и сообщил, что накануне, 20 ноября, командование, учитывая наши боевые заслуги при взятии Праги, присвоило нашему полку наименование «Пражский», и с этих пор он будет называться 1-м Пражским пехотным полком. Это известие доставило всем бойцам полка огромную радость. Мы очень гордились этим почетным наименованием и, как могли, отметили это событие.

В конце ноября нас, сержанта Юлиана Высоцкого и меня, ожидал приятный сюрприз. Командир батареи капитан Соловейчик известил нас, что приказом главнокомандующего Войском Польским генерала Михала Роля-Жимерского от 19 ноября нам присвоено офицерское звание хорунжий. Поздравлениям и пожеланиям дальнейших успехов не было конца. Снова был повод (что здесь скрывать) обмыть офицерские погоны. А самогона в Сивках хватало...

В конце ноября в батарее произошел неприятный случай. Однажды вечером, уже после вечерней поверки, Бронецкий доложил мне об исчезновении канонира Зигмунда Шанявского.

— После ужина я его еще видел, — рассказывал Бидзюковский. — А потом он взял шинель, сказал, что скоро вернется, и исчез.

— Может, пошел к какой-нибудь девушке и засиделся у нее? По-моему, он не пренебрегал прекрасным по-

лом. А пока, ребята, не поднимайте шума, подождем до утра. Думаю, к этому времени он вернется, — утешал я своих подчиненных и себя.

Однако к утру Шанявский не явился. Расстроенный не на шутку, я доложил об этом заместителю командира батареи подпоручнику Стефану Козаку.

— Черт побери! — заволновался он. — Надо попытаться разыскать его. Может, напился у каких-нибудь знакомых и спит?

— К водке он никогда особой тяги не проявлял, — ответил я.

Разосланные повсюду бойцы обошли все Сивки, но так и не нашли солдата. О знакомых Шанявского в других поселках никто из его расчета не знал. Пропал как в воду канул.

Шанявский явился лишь через три дня, когда мы, собственно говоря, уже поставили на нем крест. Чувствуя за собой вину, солдат начал умолять Бронецкого простить его.

— На каком это основании я должен тебя прощать?! — резко ответил командир расчета. — Исчез на три дня! Может, по-твоему, не надо было докладывать об этом начальству? Тебя же не было целых три дня! Во время войны это приравнивается к дезертирству! Я, да и все бойцы расчета очень обижены на тебя. Стыдно! Теперь командир батареи будет решать твою судьбу... А где ты шлялся?

— Я был в Старой Милосне, у невесты, — тихо ответил Шанявский.

— Ты что, рехнулся? — кипятился Бронецкий. — Пошли к командиру батареи.

Спустя некоторое время я, Бронецкий и Шанявский явились к капитану Соловейчику. Увидев виновника происшествия, капитан вскипел от гнева.

— Вы что, решили взять себе самовольный отпуск?! Не знаете, что мы на фронте и что в любую минуту можем получить приказ выступить на передовую? Это же настоящее дезертирство! Предстанете перед военным трибуналом! Хорунжий, — строго обратился он ко мне, — арестуйте немедленно рядового Шанявского!

Весть о возвращении Шанявского и решении командира молниеносно облетела батарею. Все, с одной стороны, осуждали поступок Шанявского, а с другой — сочувствовали ему и опасались за его дальнейшую судьбу.

Тем временем командование батареи совещалось, как поступить с провинившимся.

— Отдать под суд! — стоял на своем капитан Соловейчик. — Не можем же мы терпеть такие проступки!

— А я считаю, товарищ капитан, что его следует наказать в своем коллективе, — предложил подпоручник Козак. — Это бывалый, хороший боец, служит в батарее от самых Селецких лагерей, сражался под Ленино... — рассуждал он. — Дать ему пять суток строгого ареста. Пусть посидит, подумает, чтобы впредь ему и в голову не пришло выкидывать подобные фокусы! В конце концов, он ведь сам вернулся в батарею...

— Я тоже такого мнения, — поддержал Козака Гонсеровский.

— То, что он бывалый боец, не освобождает его от ответственности за проступки, — заметил, уже несколько смягчившись, капитан Соловейчик. — Пусть будет по-вашему. Только объясните всему личному составу батареи, что в будущем я больше не потерплю подобных вещей, — добавил он строго.

— Ну, считайте, что вы легко отделались, — заявил я смиренно сидевшему на гауптвахте канониру Шанявскому. — Военный трибунал мог бы приговорить вас к расстрелу или в крайнем случае отправить в штрафную роту. Думаю, этим бы не были довольны ни вы, ни ваша девушка, да и командиры с товарищами по батарее тоже.

— Большое спасибо... Я больше никогда не совершу ничего подобного.

В начале декабря командир взвода управления батареи поручник Михал Хубай был назначен начальником артиллерийского снабжения дивизии, а его обязанности принял сержант Казимеж Кантинович.

В эти дни в полку проводились учения по отработке наступления в пригородах. Наша батарея также приняла в них участие.

— Поскольку в ближайшее время нам наверняка придется форсировать реки, — заявил Козак, — нам необходимо научиться переправлять орудия через водные преграды. Саперы соорудят на ближайшем озере мост, и орудийный расчет сержанта Бронецкого попытается переправить по нему орудие.

И вот «наступление» началось. Орудия батареи огнем прямой наводкой поддерживали «атаку» пехоты

на расположенный поблизости поселок. Наконец мы достигли водной преграды. Через нее был сооружен мост. Однако саперы ошиблись в расчетах грузоподъемности, и, когда орудие въехало на него, оно провалилось сквозь настил и начало тонуть.

— Скорее тащите на берег! — крикнул капитан Соловейчик.

Все, кто находился поблизости, вцепились в пушку и в последнюю минуту успели вытащить ее на берег. При этом не обошлось без колкостей пехотинцев.

Спустя несколько дней на полигоне в Рембертове прошли полевые учения по отработке наступления в лесистой местности с одновременной стрельбой боевыми снарядами по танкам. Учения показали хорошую подготовку орудийных расчетов к выполнению боевых задач.

В дни недолгого прифронтового отдыха много радости бойцам доставляли посещения их родными, которые, невзирая на трудности, связанные с плохой работой транспорта, приезжали из Люблинского, Жещувского и Белостокского воеводств, чтобы только повидаться со своими близкими. Меня тоже ожидал приятный сюрприз.

23 декабря, когда я возвращался с учений, меня встретил командир батареи капитан Соловейчик.

— Хорунжий, к вам приехали гости, — сказал он с таинственной улыбкой.

«Кто же это может быть?» — подумал я про себя и чуть ли не бегом помчался в расположение батареи. Поскольку в прифронтовую полосу ходили только воинские эшелоны, мне казалось невозможным, чтобы кто-то мог решиться на такую поездку из далекой Хайнувки. «Неужели мама?» — мелькнула мысль, но тотчас же она показалась мне нелепой. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. И сердце не ошиблось! Материнская любовь не знает границ. Моя шестидесятилетняя мать разыскала меня по номеру полевой почты. В последний раз я виделся с нею 6 июня 1941 года, в день своего отъезда в Красную Армию. После этого ни одно из моих писем не дошло до Хайнувки. Первую весточку от меня мама получила только через три с лишним года, когда мы форсировали Буг, а советские войска освободили Хайнувку.

Вокруг мамы уже хлопотали гостеприимные хозяева дома, в котором я квартировал. Там уже был и мой заме-

ститель по политико-воспитательной работе сержант Тарнацкий, который развлекал ее рассказами о фронтовой жизни.

Радость моя была огромной, но она наверняка уступала материнской. После трех с лишним лет разлуки мать, рыдая, обняла своего сына, живого и здорового, да к тому же и в звании офицера Войска Польского.

— Наконец-то я нашла тебя, сынок, — повторяла она.

До Седлеца она добиралась пассажирским поездом, а дальше — воинскими эшелонами, на попутных военных машинах и пешком. Встречавшиеся на пути добрые люди помогли ей разыскать меня.

Она рассказала, что отца моего немцы угнали на принудительные работы в Пруссию и до сих пор о нем нет никаких известий.

— Еще не вернулся домой, — проговорила озабоченно мать. — Неизвестно, жив ли? 17 сентября прошлого года немцы расстреляли в Хайнувке, в лесу за майданом, более шестидесяти человек. Убили Патера, доктора Пташиньского, его дочку и жену, которую изверги жандармы забрали из больницы за несколько часов до родов... Убили многих других знакомых, — продолжала свой печальный рассказ мать.

Я хорошо знал Патера. Это был честный, убежденный пепеэсовец, по профессии учитель. За свои прогрессивные взгляды он вместе с женой, тоже учительницей, был уволен санационными властями с работы. Патер принимал активное участие в деятельности профсоюза рабочих деревообделочной промышленности, являлся организатором нескольких забастовок в «красной» Хайнувке, как ее называли до войны.

Рассказы, воспоминания с радостями и печалями — все, что может вместить трехлетняя разлука, — продолжались до самого утра.

Рождество 1944 года, первый праздник на родной польской земле, батарея встретила отлично, почти в семейной обстановке. Наш старшина батареи сержант Бялоокий и повар бомбардир Дерлятко постарались приготовить из наших скромных солдатских пайков праздничный ужин и устроить вечер в духе польских традиций. Общий стол, наряженная елка и колядки, добрые пожелания командиров, боевых товарищей, хозяев, приехавших родственников, положенные сто граммов и, самое главное, — присутствие моей матери, которая всех готова

была считать своими сыновьями, способствовали тому, что настроение у меня было радостным и приподнятым.

На рождество все мы получили праздничные подарки. Соотечественники не забыли своих воинов-освободителей. Многие предприятия, учреждения и школы, в меру своих скромных возможностей, прислали в воинские части все, что могли. В моей батарее каждый артиллерист получил посылку. В посылках были сладости, носки, теплые перчатки или шарфы, иногда курительная трубка или другая нужная воину мелочь, а также письма от незнакомых нам отправителей.

— Вам, товарищ хорунжий, хорошо. Вы еще увидите своих родителей, — с грустью сказал мне Бронецкий.

— Ты что, Адам, так официально? Что-нибудь случилось?

— После того как вас, товарищ хорунжий, произвели в офицеры, я не могу теперь обращаться к вам, как раньше...

— Ну, не обязательно хлопать меня при всех по плечу, но и не надо впадать в другую крайность! А ну-ка выкладывай, что там у тебя на душе?

— Несколько дней назад я получил письмо, в котором меня извещали о смерти моих родителей. Они долго болели и скончались... — горестно выдавил из себя Бронецкий. — Так что после войны, если доживу, мне некуда возвращаться...

Мне было очень жаль парня, и я старался, как мог, утешить его. Однако только время может смягчить такую боль...

Наступал новый, 1945 год. Мы встречали его с неиссякаемой верой в скорое победоносное завершение войны. Мы радовались и веселились от души.

В эту морозную звездную ночь несколько гитлеровских самолетов совершили налет на наши тылы. И, как бы салютуя наступающему Новому году, расположенная поблизости зенитная артиллерия открыла по ним ураганный огонь. А ровно в полночь в пригородных поселках Варшавы возникла стихийная стрельба. Стреляли в воздух из ракетниц, пистолетов, автоматов и винтовок, доносились даже взрывы гранат. Этой оглушительной канонадой воины Войска Польского, веря в скорую победу, приветствовали наступление Нового года.

В первый же день 1945 года нам объявили, что в новогоднюю ночь Крайова Рада Народова приняла важное политическое решение, преобразовав Польский комитет Национального Освобождения во Временное правительство Польской Республики, которое будет продолжать реализацию программы, содержавшейся в Июльском манифесте.

В начале января костюшковцев посетили президент Народной Польши Болеслав Берут, главнокомандующий Войском Польским генерал Михал Роля-Жимерский и сопровождающие их лица. Высокие гости прошли вдоль выстроившихся на площади в Зеленке частей дивизии, приветствуя воинов, а затем Болеслав Берут обратился к нам с речью, пожелал успехов в боях за освобождение Варшавы и тех районов Польши, которые еще находились под оккупацией немцев. Встреча завершилась торжественным парадом.

Мы гордились тем, что руководящие деятели нашей страны посетили именно нашу дивизию, и чувствовали себя так, будто бы они инспектировали каждого из нас в отдельности.

В тот же день командир батареи отдал долгожданный приказ: «Приготовиться к выступлению. Завтра вечером отправляемся на фронт».

Кончился наш короткий, хороший отдых в Сивках. Некоторые из наших бойцов по окончании войны вернулись туда навсегда — к избранницам сердца.

Вечером 12 января 1945 года батарея поднялась по тревоге. Тепло провожаемые местными жителями, мы двинулись в южном направлении в походной колонне своего полка.

— Вас наверняка интересует, почему мы идем на юг, — сказал на совещании капитан Соловейчик. — Так вот. 1-я армия Войска Польского получила приказ наступать на Варшаву.

Он объяснил, что штурм города в сочетании с форсированием Вислы на наиболее укрепленном участке гитлеровской обороны привел к затяжным боям и большим потерям, поэтому командующий 1-й армией Войска Польского генерал Поплавский решил осуществить обходный маневр. Этим и вызвана переброска нашего полка на юг, к переправам через Вислу. Наступление советских войск уже началось. Утром с сандомирского плацдарма двинулись вперед войска 1-го Украинского фронта.

Итак, мы шли форсированным маршем вдоль Вислы на юг. Чтобы воздушная разведка противника не обнаружила перегруппировки наших сил, мы двигались по ночам. Стояли двадцатиградусные морозы, от которых все мы страдали, поскольку не имели зимнего обмундирования — фуфаек, ватных брюк и т. п. Во время привалов матрацами нам служили кучи веток и листьев, а одеялами — солдатские шинели.

После второй ночи форсированного марша мы остановились на отдых в лесу неподалеку от деревни Чарневец. Выпрягли лошадей и дали им возможность тоже отдохнуть. Солдаты разбивали палатки, приводили в порядок снаряжение. Одни кормили лошадей, другие чистили оружие. Неожиданно под огромной сосной раздался глухой выстрел.

— Кто стрелял?! — нервно крикнул подпоручник Козак.

Я увидел сидевшего под деревом бледного канонира Рокошевского. Он склонился над автоматом, который держал в руке. Я подбежал к нему.

— Что случилось? Почему стреляли?

— Ничего... — пробормотал он. — Он сам выстрелил.

Причину этого происшествия нетрудно было установить, взглянув на диск магазина, вставленный в автомат. Всегда спокойный и уравновешенный, Рокошевский вдруг решил поскорее почистить автомат, не разрядив его. При чистке он зацепил за спусковой крючок. Раздался выстрел. К счастью, пуля никого не задела.

От удивления я не мог вымолвить ни слова, а у Бронецкого чуть не вылезли глаза из орбит.

— Будешь строго наказан, — заявил он, как только обрел дар речи...

Утром 14 января началась продолжительная канонада. Это с плацдармов на Висле перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова. В тот же день с плацдарма на Нареве нанесли удар в направлении на Эльблонг войска 2-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского. Будто лавина, на всем протяжении фронта от Балтики до Карпат устремились на немецкие позиции Красная Армия и народное Войско Польское, ломая и сокрушая сопротивление врага на своем пути.

Вечером 16 января мы перешли по льду Вислу и через Магнушев двинулись форсированным маршем в северо-западном направлении с задачей обойти гитлеровские позиции, находившиеся на берегу Вислы, и ударить по Варшаве с тыла.

Этот марш-бросок осуществлялся в морозные январские ночи. На отдых отводилось всего два-три часа в сутки. Все это требовало от бойцов огромной выносливости и закалки. Многие из нас научились спать на ходу, идя в колонне и опираясь на шагавших рядом товарищей.

Неприятный случай произошел однажды ночью с сержантом Бронецким. Решив немного отдохнуть, он присел на лафет орудия и задремал. Неожиданно лошади рванули. Бронецкий упал, сильно разбил голову и чуть не попал под колеса.

— Ну и повезло же тебе, парень. Видно, крепкая у тебя голова, — проговорил санитар, перевязывая Бронецкого. — Впредь будь осторожнее...

После этого случая мы в течение нескольких дней подтрунивали над Адамом: мол, если его голова такая крепкая, то и пули ей не страшны. И действительно, Бронецкий прошел всю войну, не получив ни одного ранения.

Боевые действия по освобождению Варшавы стремительно развивались. Передовые подразделения 2-й пехотной дивизии, наступавшие из Яблонны через Вислу, и 6-й дивизии, нанеся удар из района Праги, достигли к полудню 17 января центра города.

— Варшава уже освобождена! — воскликнул подпоручник Гонсеровский.

Нашей радости не было конца. Правда, к ней примешивалась и доля обиды на судьбу: почему не мы?..

Тем временем 1-я пехотная дивизия продолжала маневр по окружению Варшавы с юга. Наша батарея по-прежнему шла в походной колонне 3-го батальона. Поздно ночью мы миновали Пясечно.

— До Варшавы уже недалеко, около пятнадцати километров, — подбадривал я своих артиллеристов, которые стремились как можно скорее попасть в столицу. — А ты, Гжибовский, почему хромаешь?

— Ногу натер. Правый сапог совсем разваливается, — ответил он. — Но как-нибудь дойду...

— А ногу еще больше натрешь. Наверное, плохо замотал портянки. Давай-ка иди в хвост колонны и садись

на обозную подводу. Доложишь старшине, что это я тебя прислал. И о разорванном сапоге скажи.

Полк ускоренным маршем двигался вперед. Среди бойцов царило оживление. Мы искренне завидовали воинам 2-й и 6-й пехотных дивизий, которые опередили нас и первыми вошли в Варшаву. Мы утешали себя тем, что наш марш-бросок в обход Варшавы тоже преследовал важную цель — вынудить гитлеровцев спешно отступить на запад.

Утром 18 января, проследовав через Окенче, мы вступили в столицу. Вместе с нами потянулись в Варшаву и ее жители. Одни спешили с мешками и котомками на спине, другие тащили ручные тележки и детские коляски с уцелевшими пожитками. Они возвращались в свой разрушенный, но несломленный город. Возвращались, чтобы снова жить в нем, восстановить его и сделать еще более прекрасным, чем до войны.

Подразделения полка проходили по улицам, заваленным грудами кирпича и щебня. Почти все дома были разрушены или сожжены. Зрелище оставляло гнетущее впечатление. И все же мы испытывали огромную радость, что наша мечта наконец сбылась, что наша Варшава свободна, что мы дошли до нее от далекого Ленино.

Батарея остановилась на Груецкой улице во дворе какого-то большого разрушенного дома. Несмотря на страшную усталость, никто не пошел отдыхать. Все направились на близлежащие улицы, чтобы увидеть то, что осталось от когда-то прекрасного города Варшавы.

19 января 1945 года среди развалин освобожденной Варшавы на Аллеях Иерусалимских состоялся первый парад народного Войска Польского. Его принимали Председатель Крайовой Рады Народовой Болеслав Берут, члены Временного правительства во главе с премьером Эдвардом Болеславом Осубкой-Моравским, главнокомандующий народным Войском Польским генерал Михал Роля-Жимерский и другие руководящие деятели. В колоннах парадным шагом гордо и браво шли участники битвы под Ленино, бойцы Армии Людовой и Крестьянских Батальонов, а также Пражского округа Армии Крайовой, шли радостные и возбужденные, все вместе, теперь уже в одних рядах.

Шла и наша батарея — в приподнятом настроении, гордая, торжественная

А на следующий день, утром 20 января 1945 года, мы двинулись дальше на запад — преследовать отступавших гитлеровцев.

ПЕРВАЯ БИТВА ЗА ПОМОРСКИЙ ВАЛ

Преследование отступавших гитлеровцев продолжалось. Их разгромленные дивизии в панике откатывались на запад, а следом за ними устремилась лавина советских и польских войск, которые 12—16 января 1945 года прорвали фронт на Висле, неся освобождение другим, еще оккупированным немцами районам Польши.

Наша батарея двигалась форсированным маршем в составе своего 1-го Пражского пехотного полка по Сохачевскому шоссе. Теперь мы шли не только ночью, но и днем. Мы уже не боялись гитлеровской авиации: она была дезорганизована мощным январским наступлением. Днем светило солнце, хотя мороз еще держался. Настроение у шагавших бойцов было отличным. Мы шли той дорогой, по которой несколько дней назад бежала «великая и непобедимая» гитлеровская армия. В придорожных канавах валялись брошенное в спешке, иногда совершенно исправное оружие и разбитые советскими танками орудия, автомашины, повозки, бронетранспортеры и множество другой техники.

— Глядя на эту картину, сердце радуется, — говорил Курас своим артиллеристам. — Спесивые гитлеровцы получили солидную трепку, и по заслугам — за нападение на нас, на Советский Союз, за все причиненное ими зло. Видно, сукины дети, драпали в спешке, если все побросали.

Подпоручник Гонсеровский коротко обрисовал нам сложившуюся обстановку. Линии фронта теперь практически не было. Немецкие войска быстро откатывались на запад и север под натиском советских танковых колонн. Фашисты не имели даже возможности закрепиться на каком-нибудь из своих хорошо подготовленных оборонительных рубежей. Наступление советских войск развивалось весьма успешно. 17 января была освобождена Ченстохова, 19 января — Краков, Велюнь, Лодзь, Кутно и Млава, а 20 января — Олесно, Коло, Бжесць-Куявски и Нидзица.

Передовые советские танковые соединения подходили уже к Познани, Быдгощи и Эльблонгу. Наша 1-я армия,

действовавшая в составе 1-го Белорусского фронта, продвигалась в направлении Быдгощи.

— Мы должны успешно осуществить этот форсированный марш-бросок, чтобы догнать советские части, идущие далеко впереди, — объяснил нам заместитель командира батареи.

Солнечная, но морозная погода, удерживавшаяся во второй декаде января, вскоре испортилась. Когда мы миновали Сохачев и направились по проселочным дорогам на северо-запад, поднялась сильная снежная метель, которая не утихала несколько дней. Порывистый ветер то бросал нам в лицо большие хлопья снега, то дул нам в спину, задерживая или, наоборот, ускоряя наше движение вперед. Снежная буря иногда сокращала видимость до нескольких метров. Снег слепил глаза, забирался за воротник.

На дорогах образовались снежные заносы. Нам с трудом приходилось пробиваться сквозь горы снега и подкладывать все, что попадалось под руку, под увязавшие в снегу колеса орудий и машин. Не раз приходилось помогать уставшим лошадям тащить тяжелый груз. И все же темпы нашего продвижения не снижались, достигая тридцати пяти и даже сорока километров в сутки. Люди были измотаны до предела, шли нередко голодными, поскольку тыловые службы не всегда успевали за нами в таких условиях.

— Черт побери, настоящий сибирский буран! — ругался закутанный в плащ-палатку ездовой нашего орудия Павликовский. — Кто бы мог подумать, что и в Польше бывает такая погода!

Особенно тяжело приходилось ездовым орудийных запряжек. Пехотинец и шедший пешком артиллерист могли прикрыть глаза от слепящей снежной вьюги, повернуться к ветру спиной, спрятаться за идущим впереди товарищем или орудием. А солдату, сидевшему на лошади, некуда было укрыться ни от резких порывов ветра, ни от снежной метели. Кроме того, ему нельзя было ни на минуту отвлекаться от управления лошадьми, чтобы не наехать на двигавшуюся впереди колонну бойцов или другое орудие или чтобы попросту не оказаться в придорожной канаве.

После четырех суток этого чрезвычайно изнурительного марш-броска мы остановились на отдых в районе Радзеева. Все очень устали, да и лошади едва стояли на

ногах. Две ночи и целый день мы провели в теплых хатах, согреваясь и подлечивая уставшие, натертые и больные ноги. Местные жители приняли нас исключительно гостеприимно, делясь с нами последним куском хлеба. Они рассказали много печального о мрачных днях оккупации и гитлеровского террора.

— Обращались с нами ужасно! Отбирали землю, имущество и отдавали все какому-нибудь немцу, проживавшему когда-то в Польше или приехавшему сюда из рейха... За несколько дней до прихода Красной Армии переселенцы в панике бежали. Награбили что могли, погрузили на подводы и выехали на запад.

— Наши дети не видели молока. Моего мальчишку,— рассказывала пожилая женщина, — заставили на коленях полоть сорняки на полях, а взамен он получал одни лишь пинки от управляющего. Ужасно было, ужасно... — качала она головой.

Немного согревшись и чуть-чуть отдохнув, мы утром 26 января двинулись дальше. Снежная вьюга все не утихала. Заносов на дорогах стало еще больше.

— Товарищ подпоручник, продукты на исходе, — доложил Козаку старшина батареи, — интендантская служба полка урезала нормы. На завтра я не получил ни кусочка мяса, одни лишь консервы.

— Да, дела невеселые. Но не будет же так вечно продолжаться. Готовьте поэкономнее из того, что есть.

Вечером наша колонна остановилась на короткий привал возле какого-то поместья. Его владелец — немец — бросил все и сбежал несколько дней назад вместе с последними гитлеровскими солдатами. На скотном дворе остались коровы, и в хлеву похрюкивали свиньи. За домашним скотом ухаживали польские крестьяне.

Пронырливый Тарнацкий быстро установил с ними контакт, и они начали о чем-то шушукаться.

— Как ты считаешь, Зубер, неплохо было бы взять одного поросенка покрупнее для нашей батареи? Хоть раз наелись бы как следует, — обратился сержант к артиллеристу.

— Конечно! — обрадовался старый солдат. — Мы уже давно не ели свежей свинины. А эти консервы всем изрядно надоели.

— Хорошо... — согласился Тарнацкий. — Только молчок! — приложил он палец к губам. — Иначе подпоручник Гонсеровский прочитает мне такую проповедь, что

не скоро опомнишься. Кстати, позови бомбардира Гаевского, он работал до войны мясником...

Вскоре в хлеву раздался глухой выстрел и тихий визг. Убитый поросенок мгновенно оказался на автомашине. А на следующий день нам выдали вкусный суп и по большому куску свинины.

Настроение в батарее сразу поднялось.

— Ну что, старшина, продукты подвезли? — спросил Бялоокого Соловейчик, уплетая ароматный суп.

— Так точно, товарищ капитан, — без запинки выпалил тот. — Вчера поздно вечером...

Наш марш-бросок продолжался. 28 января в два часа ночи мы вступили в столицу Поморья — Быдгощ. Нас встретили темные, безлюдные, заснеженные улицы с высокими домами. Собственно говоря, это был первый большой город на нашем боевом пути, который не подвергся сильному разрушению. Мы с интересом рассматривали его.

— Бои за освобождение Быдгоща передовые советские подразделения завязали двадцатого января, а на следующий день к ним присоединились танкисты и автоматчики первой танковой бригады имени Героев Вестерплятте. — Козак старательно объяснял нам ход боев за этот город. — Гитлеровцы всеми силами пытались удержать Быдгощ, но не смогли, особенно после того, как атакующим пришли на помощь части нашей третьей и шестой пехотных дивизий. Многие жители тоже сражались с оружием в руках за освобождение своего города, горя желанием отплатить фашистам за «кровавое воскресенье». — И он рассказал нам страшную историю расправы с местными поляками в сентябре 1939 года.

Наш полк расположился на ночлег в покинутых немцами казармах. Моей батарее досталась квартира какого-то высокопоставленного гитлеровского офицера. Бросалась в глаза поспешность, с которой гитлеровец удирал из города. У него не нашлось даже времени заглянуть перед бегством домой: в шкафу мы обнаружили парадный мундир с кортиком и орденами. Несмотря на страшную усталость, мы не могли отказать себе в удовольствии устроить небольшой маскарад. Я накинул мундир, напялил гитлеровскую фуражку и взглянул в зеркало. Бррр! Что за вид!

Отдохнув несколько часов, мы возобновили преследование отступавшего противника. Надоевшая всем метель не утихала. Мороз крепчал. За Быдгощем снежный покров на равнинной местности доходил выше колен.

— А вы знаете, что дальше мы идем одни, без мотосредств? — сообщил нам Кугель на коротком обеденном привале. — Наши минометы и артиллерия, то есть все, что на автомобильной тяге, остались в Быдгоще. Они не могут пока пробиться из-за снежных заносов. Ощущаются также перебои в снабжении горючим. Вот только эта техника, которая питается овсом, не отстает от пехоты. Это наши безотказные лошадки! — Кугель похлопал по крупу покрытую инеем лошадь: — Берегите их, ездовые, как наших лучших и надежных друзей...

— Товарищ сержант, а мы успеем догнать немцев? — перебил его нетерпеливый бомбардир Глебик. — А то я слышал, будто советские войска уже подходят к Одре и Балтике, а мы все плетемся сзади, — пожаловался он.

— Не горюй, парень! — Пятидесятилетний Кугель понимал нетерпение Глебика. — И для тебя найдется еще работа. Так что хорошенько готовься!.. Только не садитесь на лафеты и не мучайте лошадей: если они выбьются из сил, придется самим тащить орудия, — добавил он.

30 января 1945 года, миновав Короново и Семпульно-Краеньске, дивизия имени Т. Костюшко переправилась через реку Лобжонка, по которой проходила довоенная польско-немецкая граница. Начался новый этап в истории наших боев — воссоединение этих земель с матерью-родиной.

В последний день января мы остановились на ночлег в Висьневе. Немногочисленные жители этой небольшой деревушки, поляки по национальности, не убежали на запад вместе с отступавшими немцами, а остались на исконно польской с древних времен земле. Они свободно говорили по-польски и встретили нас как братьев. Жители впервые видели польских солдат. От них мы узнали о мужественном поведении поляков, оказавшихся на отошедшей от Польши земле, об их деятельности в Союзе поляков, проживавших в Германии, и постоянных преследованиях со стороны немцев. Показали фотографии и национальную одежду.

— Мы чувствовали себя несчастными людьми, — говорил пожилой хозяин дома, где мы расположились. — До границы чуть больше десяти километров, а родина так

далеко. Гитлеровцы забрали в армию двух наших сыновей и погнали их на фронт сражаться за Германию. Один из них погиб во Франции, а о другом нет никаких известий...

— А может, он у нас? Может, вы скоро с ним увидитесь? — успокаивал я безутешного отца. — Ведь многие поляки, служившие в немецкой армии, перешли линию фронта, сдались в плен, а теперь — в Войске Польском.

— Дай-то боже, — ответил хозяин.

Утром 31 января мы двинулись дальше. Вьюга утихла, да и мороз стал слабее. Настроение у всех поднялось. По дороге мы встретили колонну немецких беженцев. Путь им на запад отрезали наступавшие войска. Продрогшие и перепуганные, преимущественно старики, женщины и дети, они стояли на обочинах дорог, недоверчиво и со страхом рассматривая проходивших мимо наших бойцов. Убедившись, что им с нашей стороны ничто не грозит, они начали постепенно возвращаться в свои покинутые дома, из которых бежали, поддавшись геббельсовской пропаганде, трубившей о надвигающемся возмездии.

Мы приближались к району вероятного сосредоточения гитлеровских войск. Командир 1-го пехотного полка подполковник Максимчук приказал усилить бдительность и повысить боевую готовность.

Вскоре капитан Соловейчик собрал офицеров на совещание и объяснил общую обстановку.

Наша 1-я пехотная дивизия двигалась на правом фланге 1-й армии Войска Польского. Справа действовал 2-й советский кавалерийский корпус, который благодаря своей высокой маневренности ушел далеко вперед. Непосредственной связи с ним не было. Южнее наступали на город Ястрове 3-я и 4-я пехотные дивизии.

— В десяти километрах от нас, — информировал капитан Соловейчик, глядя на карту, — лежит большая деревня Подгаи. Третий пехотный полк движется в авангарде дивизии. Наш полк находится во втором эшелоне, а за нами уступом идет второй полк. Встречи с гитлеровцами можно ожидать в любую минуту. Поэтому, командиры взводов, будьте готовы немедленно открыть огонь.

1 февраля пополудни мы устроили короткий привал на опушке небольшого лесочка, невдалеке от деревни Радавница. Перед нами, впереди и слева, уже слышался грохот орудий. Это передовые подразделения 3-го пехот-

ного полка наткнулись в окрестностях Подгаев на гитлеровцев и завязали с ними бой. Нам сообщили, что дела у них складываются неважно. На помощь бойцам 3-го полка был направлен наш 1-й батальон вместе с батареей 45-миллиметровых пушек. Остальные подразделения полка ждали приказа и готовились к бою.

Заботливый и требовательный подпоручник Козак отдал необходимые распоряжения и лично проверил готовность орудий к ведению огня.

— Скоро опять зададим немцам жару! — радовался, обращаясь ко мне, Бронецкий.

— Приготовься, — ответил я, — кажется, скоро войдем в соприкосновение с противником. Командира батареи вызвали на совещание в штаб полка.

— У нас уже все готово. В бой надо идти отдохнувшим, так что давай приляжем под сосной. Здесь мягко, как на пуховой перине, — подмигнул Адам.

Предложение было заманчивым. Спустя минуту, прижавшись друг к другу спинами, мы пытались задремать на куче веток. Перед глазами мелькали картины последних дней, из головы не выходила мысль о предстоящих боях. Однако этой ночью нам так и не довелось уснуть. Вскоре вернулся командир батареи и передал нам следующий приказ:

— Сильная группировка гитлеровцев упорно обороняется в районе деревни Подгаи, успешно отражая атаки третьего полка. Пражский полк немедленно выступает ему на помощь... Наша батарея должна поддерживать наступление второго батальона...

Мы шли по дороге, которая тянулась через лес, вдоль реки Гвда. Утром заняли огневые позиции на опушке сосновой рощи, в боевых порядках нашей пехоты. Оборудовать позиции для орудий в земле оказалось невозможно из-за слишком высокого плотного слоя снега, поэтому мы обложили орудия большими глыбами снега. Эта снежная стена должна была, с одной стороны, маскировать их, а с другой — в какой-то мере защищать расчеты от неприятельского огня.

От сражавшихся здесь вчера бойцов 3-го пехотного полка мы узнали о тяжелых боях с яростно сопротивлявшимися гитлеровцами; наши так и не смогли добиться успеха — не сумели овладеть Подгаями.

Эта деревня расположена севернее Ястрове, на развилке дорог в Лендычек и Оконек. Своей южной окраи-

ной она прилегает к выступу леса. Кирпичные дома и поднимавшиеся за дорогой холмы мешали гитлеровцам занять удобные позиции, с которых они могли бы вести эффективный огонь по наступающим. С высоток, расположенных северо-западнее Подгаев, они непрерывно обстреливали из орудий и минометов огневые позиции нашей пехоты.

Когда рассвело, мы увидели местность, по которой нам предстояло наступать. Перед нами простиралась большая прямоугольная поляна. Ее правую сторону окаймляла молодая рощица, на опушке которой расположились бойцы 3-го пехотного полка, а слева к ней вплотную примыкал выступ невысокого соснового леса. За ним виднелись постройки деревни.

Вскоре подразделения 1-го и 3-го пехотных полков при огневой поддержке наших немногочисленных орудий перешли в атаку на Подгаи. Пехоте без особых потерь удалось подойти к самой деревне. Ездовые бомбардиры Павликовский, Слабицкий, Грицай и Марцишевский подъехали с лошадьми, и мы с их помощью перебросили орудия по опушке лесного выступа на триста метров вперед.

С нового места мы продолжали поддерживать наступление наших пехотинцев, залегших в снегу перед деревней. Однако противник ураганным огнем артиллерии и автоматического оружия сорвал атаку костюшковцев. Шестиствольные немецкие минометы и малокалиберные зенитные пушки обрушили град снарядов на нашу пехоту, атаку которой поддерживали лишь 76- и 45-миллиметровые орудия полковой артиллерии и минометы, поскольку орудия бóльших калибров не успели еще подойти — застряли в снегу где-то под Быдгощем вместе с тыловыми службами. Правда, они находились уже недалеко от нас, но мы вынуждены были пока экономить каждый снаряд. Несмотря на слабую артиллерийскую поддержку, костюшковцы продолжали настойчиво атаковать позиции гитлеровцев.

В полдень произошла перегруппировка наших сил. 1-й пехотный полк отошел чуть левее. Теперь его главной задачей было овладеть дорогой, идущей в Подгаи с юга.

Орудия нашей батареи заняли огневые позиции слева от деревни, на опушке соснового леса. Лошадей ездовые укрыли невдалеке, в лесной котловине. Перед нами

простиралась небольшая возвышенность, а внизу, примерно в полукилометре от нее, проходило шоссе из Ястрове, которое пересекало деревню. За ним виднелись холмы с хорошо замаскированными огневыми точками автоматического оружия и малокалиберных зенитных пушек противника.

На опушке леса, тянувшегося по возвышенности, располагались передовые позиции нашей пехоты. Отсюда она шла в атаку, стремясь овладеть шоссе.

Командир 2-го батальона капитан Звежаньский готовился к очередной атаке.

— Подпоручник, — обратился он к Козаку, — поддержите как следует своим огнем моих пехотинцев. Должны же мы наконец захватить это шоссе и отрезать гитлеровцам путь в Подгаи! Мы начнем свою атаку сразу же после залпа вашей батареи.

Орудия Кураса и Бронецкого открыли огонь прямой наводкой по огневым точкам гитлеровцев, расположенным в деревне, а орудия Пивоварчика и Козловича — по огневым точкам на холмах за шоссе. Наши пехотинцы, быстро выскочив из леса, побежали цепью вниз. Они уже почти достигли шоссе, но гитлеровцы открыли ураганный огонь.

Опытные наводчики бомбардиры Куликовский, Рокошевский, Бидзюковский и Глебик старались изо всех сил, но гитлеровцы не прекратили бешеного огня по залегшим костюшковцам. Ведя огонь с холмов и из деревни, они пригвоздили к земле отчетливо видимых как на ладони наших пехотинцев.

Бойцы пытались покинуть зону обстрела, уползая по мокрому снегу в близлежащий лес. Раненых не оставляли на поле боя, а старались вытащить на своих плечах под прикрытием артиллерийского огня.

Мы понесли большие потери. Погибли многие старые воины, в том числе представитель политуправления 1-й армии Войска Польского, бывший заместитель командира 1-го пехотного полка по политико-воспитательной работе майор Кусс и командир 2-й роты хорунжий Пихлиньский. В моей батарее осколком мины был убит старый костюшковец, храбрый и уважаемый всеми бомбардир Юзеф Зубер. Был ранен заместитель командира 1-го батальона по политико-воспитательной работе хорунжий Стасишин. Его заменил на этом посту заместитель командира 1-й роты хорунжий Тартаковский, которого

вскоре тоже ранило. После него эти обязанности принял на себя заместитель командира нашей батареи по политико-воспитательной работе подпоручник Гонсеровский. Бой шел не утихая по всей полосе наступления трех полков.

— Товарищ хорунжий, в глубине гитлеровской обороны на холмах слышен отдаленный грохот. Похоже, что «катюши», — доложил мне разведчик Юзвин.

Я начал прислушиваться. Действительно, с запада доносилась отдаленная канонада.

— Это, по-видимому, наступающие правее нас советские войска окружают гитлеровцев, — обрадовался я.

Неожиданно слева вспыхнула ожесточенная перестрелка, потом раздались громкие крики «ур-ра!».

Подпоручник Козак взглянул на меня, недоумевая, что происходит.

— Кто же это атакует? Отсюда ничего не видно! Лес, черт побери, все закрывает! Разберись, пожалуйста!

Я пробежал опушкой леса около двухсот метров и увидел впереди, в полутора километрах, у шоссе, большое скопление людей. Услышал стрельбу. Издалека мне трудно было определить принадлежность бойцов, однако вскоре я понял, что это контратакуют гитлеровцы, поскольку одна из цепей двигалась с холмов за дорогой.

Как оказалось, немцы нанесли одновременный удар с обеих сторон по вырвавшемуся далеко вперед взводу 2-го пехотного полка. Этому взводу удалось захватить одинокий домик у дороги из Ястрове. Одна группа гитлеровцев предприняла контратаку с холмов, а другая, более многочисленная, атаковала позиции находившегося слева от нас 2-го пехотного полка. Обстановка обострилась. Часть наших бойцов не выдержала удара свежих немецких сил и начала отходить, однако вскоре костюшковцы вновь перешли в атаку на противника.

Приближался вечер. Мы все страшно устали и продрогли. Наши шинели и, особенно, сапоги промокли насквозь, тем временем после дождливого дня и ночи сильно похолодало. С наступлением сумерек старшина батареи сержант Бялоокий привез нам горячий ужин. Мы, голодные как волки, набросились на еду. Теплая пища согрела нас. Неожиданно на дороге из Ястрове послышался шум танковых гусениц и скрип колес обозных подвод. Мы напряженно всматривались в ночной мрак. Неожиданно из темной ленты движущейся колонны до на-

шего слуха донеслись польские команды! Это сбило нас с толку.

— Неужели наши? — неуверенно произнес подпоручник Козак. — Однако мы не получили никаких известий о передвижении в этом направлении каких-либо наших частей.

Тем временем колонна приближалась к огневым позициям наших орудий. Больше ждать мы уже не могли. Не исключено, что гитлеровцы решили ввести нас в заблуждение, чтобы, пользуясь темнотой, проскочить мимо наших огневых позиций: вот и командуют по-польски. Это наверняка гитлеровцы!

Подпоручник Козак придерживался того же мнения.

— Цель — неприятельская колонна. Прицел — десять, огонь! — подал я команду, и наши снаряды разорвались где-то в середине вражеской колонны.

Спустя минуту огонь по противнику открыла и соседняя батарея 82-миллиметровых минометов. В ответ гитлеровцы открыли огонь из всех имевшихся в их распоряжении огневых средств, всячески пытаясь прикрыть обнаруженную нами колонну. Однако наши артиллеристы не обращали внимания на рвущиеся вокруг снаряды и продолжали вести меткий огонь. Нам все же следовало экономить боеприпасы, и мы вскоре прекратили стрельбу. В эффективности нашего огня мы убедились на рассвете: вся дорога на участке в несколько сот метров была усеяна разбитыми автомашинами и подводами. Подбитых танков мы, к сожалению, не обнаружили.

Теперь нам стало ясно, почему вчера гитлеровцы так настойчиво пытались захватить одинокий домик возле шоссе: они хотели любой ценой проложить путь своим отходившим из района Ястрове войскам.

Утром 3 февраля настроение у наших бойцов поднялось: глухим басом заговорили долгожданные гаубицы и полковые минометы. Вторя им, яростно залаяли 76-миллиметровые дивизионные пушки. Они обрушили тонны стали на вражеские позиции.

Наша пехота, поддерживаемая теперь мощным артиллерийским огнем, поднялась в решающую атаку и после ожесточенного боя ворвалась в деревню Подгаи. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, сражаясь за каждый дом, но под натиском костюшковцев и под воздействием огня наших орудий отошли в северо-западном направлении.

В одном из просторных сараев мы нашли останки зверски убитых бойцов нашего 3-го пехотного полка. Гитлеровские бандиты связали их колючей проволокой, а затем сожгли живьем.

Полковник Збигнев Фургала, в то время поручник, командир роты станковых пулеметов 3-го пехотного полка, которому чудом удалось избежать страшной смерти, так описывает это трагическое событие:

«Перед началом боя за Подгаи командир второго батальона майор Залевский направил меня вместе с взводом станковых пулеметов для усиления четвертой пехотной роты под командованием подпоручника Альфреда Софки, которая, следуя в авангарде полка, должна была провести разведку деревни Подгаи и прилегающей к ней местности.

Когда мы вышли из леса за рекой Гвдо, стояла мертвая тишина. Деревня казалась покинутой. Однако, когда до нее оставалось метров триста, нас неожиданно обстреляли сильным пулеметным огнем. Рота залегла. Мы попытались перебежками ворваться в Подгаи, решив, что в этой деревне находится небольшой гарнизон и наша рота в состоянии удержать захваченный рубеж. К сожалению, наши попытки не увенчались успехом.

Перестрелка длилась целый час, потом мы заметили, как из деревни вышла большая группа одетых в маскировочные халаты немецких лыжников и начала обходить нас справа, пытаясь отрезать нам обратную дорогу в лес. Вскоре мы увидели колонну немецких войск, двигавшуюся из Ястрове. От нее отделилась группа численностью до батальона и начала обходить нас слева, тоже намереваясь отрезать нас от леса. Мы попытались было установить связь с батальоном, но безуспешно. Вскоре кольцо окружения замкнулось. Мы защищались до последнего патрона, даже бросались врукопашную. Небольшая группа наших раненых бойцов, в том числе и я, попала в плен. Нас отвели в Подгаи и заперли в сарае. Гитлеровцы поочередно вызывали нас на допрос, во время которого зверски избивали, пытаясь получить интересующие их сведения о наших войсках. Немцы говорили, что не будут церемониться с польскими коммунистами и вскоре всех нас расстреляют.

Мы решили бежать. Задушив часового, выломали дверь и бросились к лесу. Немцы вскоре обнаружили побег и организовали погоню. Снег в открытом поле доходил до

колен, поэтому бежать было очень трудно. Многие из бежавших погибли от огня преследователей, остальных схватили фашисты. Был смертельно ранен в голову и подпоручник Софка. Только нескольким из нас удалось скрыться в лесу.

Кроме меня в живых остался, вероятно, еще кто-то, но я не знаю, кто и где они в настоящее время.

Пробираться к своим я не мог, поскольку весь лес был занят немцами. Я забрался под развесистую ель, ветви которой доходили почти до земли, и пролежал под ней до утра. На следующий день, когда немцев выбили из леса, меня нашли там без сознания.

Когда наши части захватили Подгаи, я отправился к сараю, из которого мы бежали. Там я увидел обгоревшие стены и обуглившиеся останки моих боевых товарищей. Гитлеровцы связали их колючей проволокой и сожгли...»

Задерживаться в Подгаях мы не могли, и полк сразу же двинулся по проселочной дороге в Боруцино. Вскоре справа, на протянувшихся примерно в четырех километрах от нас холмах, возле Оконека, мы увидели большую группу удиравших из этого местечка гитлеровцев.

— А может, пошлем им вдогонку пару снарядов? — робко произнес кто-то.

— Цель — движущаяся группа противника. По пять снарядов, прицел — восемьдесят! — тотчас же скомандовал капитан Соловейчик. Он, как и все мы, был глубоко потрясен зверским убийством наших бойцов.

Спустя минуту залп наших орудий прогремел на подгайских холмах. Стоявшие рядом пехотинцы с одобрением наблюдали, как наши снаряды разрывались в гуще бежавших в панике немцев.

— Отбой! В передки! Прямо, марш! — приказал подпоручник Козак.

Батарея двинулась вперед. Не успели мы отъехать, как из-за холмов прямо на нас устремились несколько выкрашенных в белый цвет танков. На фронте приходится быть готовым к любым неожиданностям! Немедленно прозвучала команда «К бою!», и наши орудия направили свои стволы в сторону приближавшихся к нам машин. Бидзюковский, Рокошевский, Глебик и Куликовский ждали команды «Огонь!», готовые ударить по немцам бронебойно-зажигательными снарядами. Однако танки не открывали огня, да и своими силуэтами не походи-

ли на немецкие. Вот они остановились, и из открытых люков показались... советские танкисты.

Какая радостная встреча! Это были бойцы одной из частей советского кавалерийского корпуса, который глубоко вклинился в оборону гитлеровцев. Отрезанные от своих отступавшими с юга немецкими частями, они, захватив несколько деревень, вели героическую оборону, а затем атаковали ту же самую дивизию СС, с которой мы сражались в Подгаях. Это залпы их «катюш» мы слышали вчера.

— Спасибо за помощь, товарищи! Без вас нам пришлось бы тяжело, — говорили они, угощая папиросами.

— Я едва удержался, чтобы не рвануть за шнур, — признался Бидзюковский. — Все злился, почему не дают команду «Огонь!» Вот бы натворил дел... — качал он головой.

— Запомни, коллега, что огонь открывают только по приказу командира, — нравоучительным и в то же время шутливым тоном произнес Бронецкий. — Если же его убьют или ранят, обязанности командира во время боя принимает на себя наводчик орудия, — продолжал он с улыбкой на лице.

— Да пошел ты к черту! Теперь-то ты умный! — разозлился Бидзюковский.

Наблюдая за этой сценой, я чуть было не покатился со смеху, когда Адам, вытянувшись в струнку, отдал честь и рявкнул:

— Слушаюсь, товарищ бомбардир, разрешите идти? — И, четко повернувшись, зашагал в сторону.

Наши советские друзья рассмеялись от всей души.

ВМЕСТЕ С ВЕСТЕРПЛЯТТОВЦАМИ

К полудню 4 февраля, преодолев почти тридцать километров, мы подошли к окраине местечка Кломино. До нас его штурмовали части 6-й пехотной дивизии, которая, в то время как мы вели бой за Подгаи, устремилась в глубь обороны противника.

Теперь польские бойцы сражались уже на улицах этого небольшого городка. Гитлеровские штурмовики продолжали еще сбрасывать на парашютах для своих войск боеприпасы и продовольствие, но они попадали в наши руки. Вскоре Кломино было полностью освобождено и наш 1-й пехотный полк вступил в него.

Городок казался вымершим. Его жители, так же как и жители многих других населенных пунктов собственно Германии, под влиянием гитлеровской пропаганды бежали на запад. Мы бродили по опустевшим улицам, среди покинутых домов, и нас сопровождало лишь гулкое эхо наших шагов.

— Может, выпьете компоту? — предложил подпоручнику Козаку бомбардир Дубицкий, который успел обнаружить в погребе одного из близлежащих домов целый склад фруктовых консервов в стеклянных банках. — Их там полно, — как бы оправдывался он. — А может, хотите свинины? — И он протянул ему большой кусок. — Хозяев нет, вот я и подумал: жаль, если все это добро пропадет. Не отравлено, я пробовал. Возьмите, — уговаривал он подпоручника, — а то мне кажется, что наш старшина даже к вечеру не привезет нам обеда.

Козак долго молчал, поглядывая то на кусок сала, то на несколько смущенного его молчанием Дубицкого.

— Раз не отравлено, не будем отказываться, — подсказал я.

Козак махнул рукой:

— Была не была, — и рассмеялся.

Спустя минуту мы уже облизывали губы от удовольствия.

Батарея вышла из Кломино и заняла позицию северо-западнее этого местечка, в районе больших военных казарм. Впереди нас в направлении Надажице продвигалась 6-я пехотная дивизия. Мы же находились во втором эшелоне и должны были прикрывать с севера правый фланг 1-й армии Войска Польского. Во время боев за Подгаи наш полк понес большие потери. Оставшиеся в живых буквально валились с ног от усталости, к тому же боеприпасы были уже на исходе. Теперь мы ждали, когда их подвезут, чинили одежду и чистили оружие.

Невдалеке от Кломино, в Борном, находился гитлеровский концлагерь «Гроссборн», в котором томились тысячи военнопленных.

4 февраля бойцы народного Войска Польского освободили заключенных. Немцы не успели эвакуировать их на запад. Радость узников трудно было описать. Более пяти лет находились они в фашистском плену. Многие из них сразу же решили вступить в наши ряды и сражаться с врагом.

Среди освобожденных военнопленных оказались также и югославские офицеры.

— Наш Тито тоже сражается с гитлеровцами, — говорили они с удовлетворением.

— И причем хорошо! — отвечали мы не кривя душой.

Этот день прошел в радостном волнении.

На следующее утро я заметил, что возле меня все время крутится бомбардир Рокошевский, осматривает со всех сторон, строит какие-то непонятные гримасы. Меня это немало удивило, поскольку Рокошевский слыл весьма серьезным человеком.

— Смотрю я на вас, товарищ хорунжий, и сокрушаюсь: обмундирование-то поизносилось, а новое выдадут, наверное, не раньше, чем кончится война, — проговорил он наконец. — Примите вот от меня. — И протянул мне габардиновый мундир и сапоги: — Венгерские, нашел в оставшемся от немцев складе.

Я от всей души поблагодарил его. И действительно, китель и брюки цвета хаки были сшиты как будто на меня. Они напоминали наши довоенные офицерские мундиры. Сапоги тоже оказались впору, а мои уже настолько истрепались, что вовсю пропускали воду.

С запада до нас доносился несмолкаемый гул орудий. Это вели тяжелые бои наши 4-я и 6-я пехотные дивизии, шедшие в первом эшелоне.

— Штаб полка получил информацию о том, что на рубеже Дудыляны, Надажице, Кемпина, Островец, Валч возведены сильные немецкие укрепления, — знакомил нас с боевой обстановкой капитан Соловейчик.—Линия обороны противника опирается на многочисленные озера, самыми большими из которых являются Добре, Здбично, Смольное и Любянка. Обнаружено также множество дотов и дзотов. Видимо, здесь и проходила главная линия Поморского вала, о котором вы уже не раз слышали. Судя по всему, наша дивизия вступит завтра в бой. Поэтому прошу вас тщательно подготовить орудия к ведению огня. Фейерверкер Кантипович, как дела с боеприпасами?

— Намного лучше, — не скрыл своей радости Казимеж. — Дивизионные склады уже подошли, и я в любую минуту могу получить необходимое количество снарядов.

На фронте бывает по-разному. Иногда приходится отступать, чтобы нанести эффективный удар на другом

направлении. Так, например, произошло 7 февраля с 3-м батальоном 1-го пехотного полка. В этот день наша дивизия была введена в прорыв на стыке 4-й и 6-й дивизий с задачей развить успех, достигнутый 4-й дивизией, в районе севернее озера Добре.

Во второй половине дня 3-й батальон под командованием капитана Кшижановского при поддержке двух орудий моего взвода атаковал фашистов, расположившихся в лесу возле Добжице. Вначале гитлеровцы, яростно отстреливаясь, отступали, но затем неожиданно остановились и залегли на поросших густым лесом холмах. Мы же занимали позиции в небольшой ложбине, в сосняке. Теперь противник охватывал нас и справа и слева. Таким образом, мы оказались в мешке по фронту около четырехсот метров, и только позади нас не было немцев. В довершение всего, густой сосняк мешал орудиям вести огонь прямой наводкой.

— Будьте начеку, иначе гитлеровцы застигнут нас врасплох, — предупредил подпоручник Козак.

Спустя некоторое время фашисты открыли ураганный огонь из всех видов оружия, забросали нас гранатами, а затем с громкими криками атаковали наших пехотинцев.

Командир батальона капитан Кшижановский, сориентировавшись, пришел к выводу, что кольцо, в котором мы оказались, может замкнуться, и красной ракетой дал сигнал к отходу. К сожалению, пехотинцы слишком поспешно начали выполнять этот приказ, и мы, артиллеристы, оказались в критическом положении. Чтобы не попасть вместе с орудиями к гитлеровцам в плен, нам пришлось быстро запрягать лошадей и поторапливаться за пехотинцами. Всю обратную дорогу нас сопровождал свист пуль, но, к счастью, обошлось без жертв.

— Сукины дети! — ругался Козак. — Только попробуйте еще раз так удирать! Теперь будем поддерживать вас огнем не ближе чем с двух километров! Орудие — это не винтовка! Еще немного — и мы попали бы из-за вас в плен! — возмущался он.

К вечеру поручник Бонк со взводом разведки полка обнаружил брешь в линии обороны противника. Гитлеровский дозор, встретившийся на пути, был ликвидирован, и в образовавшийся проход устремился 1-й батальон. Его командир капитан Дробушевич крикнул нам на ходу:

— Орудия, за мной!

Мой взвод сразу же двинулся по лесной дороге в глубину обороны противника, а за нами направились 2-й и 3-й батальоны 1-го пехотного полка.

— Интересно получается, — с удивлением заметил Куликовский. — Только что гитлеровцы гнали нас, а теперь мы заходим им в тыл.

Поздно вечером, пройдя несколько километров, мы достигли шоссе и вышли к поляне, на которой стоял большой двухэтажный дом лесника. Первый этаж оказался пустым. Спокойно тикали часы на стене, на кухне стоял чайник с еще теплой водой. Видимо, обитатели дома покинули его буквально перед самым нашим приходом. Я решил вместе с разведчиком Козловским проверить второй этаж и чердак.

— Эта комната закрыта! — крикнул мне Козловский, остановившись у очередной двери.

— Не будем церемониться, вышибай дверь! — распорядился я.

После нескольких ударов дверь поддалась. В этой комнате тоже никого не оказалось. Итак, весь дом лесника был пустым. На чердаке мы тоже никого не обнаружили.

— Домик как игрушка! — восхищенно сказал капитан Дробушевич. — Займем его под штаб полка, — решил он. — А роты пусть готовятся к обороне и усилят бдительность.

Мои два орудия — Бронецкого и Пивоварчика — заняли огневые позиции у шоссе, в том месте, где начиналась поляна. Поздно ночью подошли еще два орудия фейерверкера Байча и другие подразделения полка. Обозы расположились позади нас на обочине шоссе.

Ночь прошла спокойно, а утром разгорелся ожесточенный бой. Началом его послужил несколько курьезный случай. Один из бойцов штаба полка вышел из дома лесника по нужде в кусты. Неожиданно он услышал рядом с собой хруст хвороста. Боец повернул голову в том направлении и... увидел нескольких фашистов с автоматами в руках! Поддерживая руками брюки, солдат вскочил и с криком: «Немцы!» бросился бежать за угол дома. Вдогонку ему раздались выстрелы, но, к счастью, его не задело.

Как выяснилось позже, этой группе гитлеровцев предстояло занять участок обороны, через который мы проникли вчера в их тыл. Всю ночь немцы ждали в лесу, за домом лесника, своего командира. Они не знали, что на-

кануне вечером их майора захватили в плен разведчики поручника Бонка, шедшие в авангарде нашей колонны.

Таким образом, штаб полка оказался на переднем крае слабо охраняемого фронта. Необходимо было немедленно действовать, тем более что помощи ждать было неоткуда.

Наши орудия открыли по противнику огонь. В ответ на нас обрушился ураганный огонь из автоматов и пулеметов. Вокруг наших орудий и среди находившихся позади нас на шоссе обозов начали разрываться мины. Перепуганные лошади шарахались в сторону, ездовые с трудом удерживали их.

Стрельба усиливалась. Разведчикам и автоматчикам, оборонявшим штаб полка, пришел на помощь командир 3-го батальона капитан Кшижановский с группой бойцов. Внезапная атака гитлеровцев была отбита, но не обошлось и без жертв. Геройской смертью погибли капитан Кшижановский и трое бойцов, а несколько человек получили ранения, в том числе наш канонир Ковалевский.

Одновременно завязался упорный бой за дворец в Иловце, находившийся перед нами. Его оборонял 14-й полк 6-й пехотной дивизии. В самом дворце разместился штаб батальона, а в хозяйственных постройках — обозы. В то время как на нашем участке гитлеровцы атаковали дом лесника, другая, более многочисленная их группа бросилась на штурм дворца. Немцы обрушили на его защитников яростный огонь из всех видов автоматического оружия, а хозяйственные постройки начали разрушать фаустпатронами.

Эхо этого боя доносилось до дома лесника. Через час, отбросив противника, мы двигались на запад по дороге, проходившей мимо дворца. В его дворе и при входе в вестибюль лежали тела убитых фашистских и польских солдат. Здания были сильно разрушены.

Наступление в глубину вражеской обороны продолжалось. Мы шли вперед, ликвидируя по пути небольшие заслоны гитлеровцев, которые, спрятавшись в укрытиях на холмах, возле озер и на лесных просеках, пытались нас остановить.

Полк двигался в основном в походной колонне, но, когда натыкался на неприятельские заслоны, головной батальон развертывался к бою и, поддерживаемый огнем орудий непосредственной поддержки пехоты, ликвидиро-

вал преграду. Дорога становилась свободной до следующей преграды.

Наша батарея полковых орудий в последнее время находилась рядом с батальоном первого эшелона. Батальоны менялись, а мы были всегда в авангарде, готовые немедленно поддержать огнем действия пехотинцев. Наша постоянная «соперница» — батарея сорокапяток тоже всегда шла вместе с батальоном первого эшелона полка.

8 февраля, продвигаясь по размокшей дороге, наш полк ночью нанес удар по местечку Вельбоки и после короткой схватки овладел им.

— Знаете, друзья артиллеристы и пехотинцы, не думайте, что только вы воюете, — говорил нам за завтраком обиженным тоном Бялоокий. — В тылу у нас то и дело вспыхивают мелкие стычки. Осталось еще немало разрозненных гитлеровских групп, и они неожиданно нападают на наши тыловые службы, обозы, штабы и даже на подразделения, следующие к передовой!.. — Когда настроение у него немного улучшилось, он рассказал следующее.

Вчера группа немцев численностью в несколько десятков человек напала на дивизион легкой артиллерии 1-го полка. Дорога покрылась тонкой коркой льда. Идти приходилось то вниз, то вверх. На очередном пригорке артиллеристы отцепили орудия от автомашин и начали переправлять их вручную через замерзшую речку. Боевое охранение они не выставили, решив, что находятся далеко от фронта и поэтому им ничего не грозит. Перекатив два орудия, стали возвращаться за следующим, но вдруг увидели на пригорке гитлеровцев, которые уже готовились взорвать эти орудия. Артиллеристы, не обращая внимания на открытый немцами огонь, бросились на штурм и отбили свои пушки.

Другая группа гитлеровцев внезапно напала на тыловые подразделения нашего полка. Обозники — пожилые люди — отбили эту атаку.

— Так что даже по ночам не приходится сомкнуть глаз, — вздохнул Бялоокий. — Кстати, среди ездовых есть много желающих пострелять из орудий. Бомбардир Глебик, может, поменяетесь местами с кем-нибудь из них? — пошутил он.

— Я городской житель и не разбираюсь в лошадях, — уклончиво ответил наводчик Глебик. — А кроме того, я привык к своей пушке, как к родной матери.

...Следующий этап нашего наступления начался 9 февраля атакой развернувшихся в цепь подразделений 1-го Пражского пехотного полка, который хотя и медленно, но неуклонно продвигался вперед по размокшим полям Западного Поморья. В задачу нашей батареи входила поддержка непосредственным огнем боевых действий 2-го батальона.

— Ну теперь пехотинцам будет веселее идти, — радовался канонир Либерда, показывая на обгонявшие нас танки.

— В лесах под Надажице или у озера Бусиновского им трудно было поддерживать пехоту, а теперь, на равнине, есть где развернуться. Верно я говорю? — рассуждал Пивоварчик.

— Им-то хорошо! Не надо тащиться по грязи или толкать орудия, не надо мокнуть под дождем, сидят себе в машинах и греются, — проговорил запыхавшийся, потный бомбардир Замлыньский. — Заведут мотор, и глядишь — уже возле окопов противника. Не то что мы... — Он вернулся к своему орудию и начал яростно толкать его.

Пехотинцы действительно почувствовали себя бодрее в обществе танкистов и артиллеристов и теперь успешнее ходили в атаки.

К вечеру 1-й пехотный полк при поддержке сильного артиллерийского огня бросился на штурм деревни Демболенка. Однако тут же поступил приказ немедленно прекратить огонь. Оказалось, что эту деревню только что заняло одно из подразделений 6-й пехотной дивизии, действовавшей левее нас. Оно случайно попало в полосу наступления 1-го пехотного полка, а тот, заметив какое-то движение в деревне, атаковал ее. Бойцы этого подразделения подали условный сигнал ракетами, и мы получили приказ прекратить огонь. К счастью, никакого ущерба он не успел причинить, а, наоборот, скорее помог, поскольку в это время отряд гитлеровцев при поддержке нескольких танков уже подходил к деревне с запада. Мы быстро перенесли свой огонь, и в рядах контратакующих начали разрываться наши снаряды. Немцы вынуждены были укрыться за близлежащим холмом.

Вскоре мы вступили в Демболенку. Стук колес наших орудий на выбоинах дороги не мог заглушить возбужденного и не совсем светского «обмена мнениями» между нами и подвергшимися нашей внезапной атаке бойцами

6-й пехотной дивизии. Состоялся разговор и между командирами, на каком языке — нетрудно догадаться.

Мне стало не по себе, когда я подумал, что могло бы произойти, если бы вовремя не поступил приказ прекратить огонь. Впрочем, мои ребята тоже чувствовали себя не в своей тарелке, как будто бы каждый из них был виноват в том, что произошла ошибка.

— Какого черта вы влезли в полосу нашего наступления?! — обрушился Курас на коллегу.

Что на это можно было ответить? На войне действуют свои законы...

Вскоре подразделения 1-го пехотного полка двинулись дальше, на запад.

Особенно трудными были ночные марш-броски. Давала себя знать накопившаяся за день усталость, однако нам нельзя было расслабляться ни на минуту. Хотя противника часто не было видно, каждый из нас знал, что терять ему нечего и что он может в любую минуту открыть огонь.

Туманным утром 10 февраля 2-й батальон 1-го пехотного полка находился на подступах к деревне Ляски-Валецкие. Впереди на расстоянии не более трехсот метров уже маячили ее постройки. Гитлеровцы вели оттуда сильный огонь из стрелкового оружия и орудий.

Туман рассеивался. Отчетливее стали видны неприятельские позиции.

Наши полковые орудия, находившиеся в боевых порядках пехоты рядом со станковыми пулеметами, метким огнем обезвреживали обнаруженные вражеские огневые точки. Подпоручник Козак, не обращая внимания на свиставшие вокруг него пули, перебегал от одного орудия к другому, давая расчетам конкретные указания.

Нашу усталость как рукой сняло. Артиллеристы действовали слаженно и стреляли, как на полигоне. Почти каждый выпущенный снаряд попадал в цель и уничтожал немецкую огневую точку.

После нашего десятиминутного огневого налета пехота при поддержке танков бросилась на штурм деревни. Вскоре мы захватили Ляски-Валецкие, а наши орудия тотчас же заняли огневые позиции на ее окраине.

В полдень с совещания в штабе полка вернулся командир нашей батареи. Собрав офицеров, он зачитал приказ:

— «Сильная группировка немцев держит оборону на рубеже Липе, Топожник, Пецник, прикрывая крупный узел коммуникаций и город Мирославец. Перед 1-й и 2-й пехотными дивизиями поставлена задача прорвать оборону гитлеровцев и взять Мирославец. 1-й пехотный полк с 1-й танковой бригадой имени Героев Вестерплятте идет в первом эшелоне. Наша батарея должна поддерживать наступление танкистов...»

Меньше чем через час после совещания через линию нашей обороны, проходившую за деревней, проследовала колонна танков и самоходных орудий с пехотным десантом, в составе которого мы увидели многих знакомых. Танки, ревя моторами и лязгая гусеницами, лавиной обрушились на неприятельские позиции.

Теперь мы получили возможность воочию увидеть классическую атаку танков с десантом автоматчиков. Результатов долго ждать не пришлось: через несколько минут мы едва не оглохли от страшной канонады. Это вступили в бой 1-я танковая бригада имени Героев Вестерплятте, 4-й полк тяжелых танков и 3-й полк самоходных орудий.

Мы тотчас же двинулись следом за ними.

— Быстрее, вперед! — торопили нас командиры. Миновали, не задерживаясь, деревню Топожник. Повсюду валялись разбитая немецкая военная техника и различное брошенное снаряжение. Стремительная атака наших танкистов застала гитлеровцев врасплох. Их пехота обратилась в бегство. Танки мчались с такой скоростью, что фашисты даже не успели оттянуть назад артиллерию, находившуюся на огневых позициях в нескольких километрах за передним краем обороны. Их расчеты удрали, не оказав ни малейшего сопротивления. Те же, кто пытался защищаться, были уничтожены.

Мы едва поспевали за танкистами и догнали их лишь под самым Мирославцем. Здесь, на подступах к городу, гитлеровцы организовали сильную оборону.

— Смотрите, фашистские самолеты! Атакуют наши танки! — крикнул капрал Крашевский.

— Действительно! Видно, для немцев очень важно удержать в своих руках Мирославец, если они решились использовать авиацию.

— Только это им уже не поможет, — спокойно заявил Козлович.

— Сами же видели, как моментально был смят пер-

вый рубеж гитлеровской обороны, и второй сможет продержаться самое большее несколько часов.

Немецкие штурмовики продолжали яростно атаковать танки и подходившие части 1-й и 2-й пехотных дивизий, пытаясь хотя бы немного задержать наше наступление.

Польские танки были встречены также огнем противотанковой артиллерии, танков и фаустпатронами.

На закате солнца мы все же ворвались в город. Ожесточенные уличные бои продолжались до позднего вечера. К полуночи сопротивление гитлеровцев, еще оборонявшихся в отдельных зданиях, было окончательно сломлено и Мирославец был освобожден.

Город казался вымершим. Эсэсовцы спешно эвакуировали его жителей в северо-западном направлении. После нескольких бессонных ночей нам не мешало бы хоть ненадолго сомкнуть глаза, но пока на это не оставалось времени. После полуночи батарея получила приказ занять огневые позиции за городом, в поле, у дороги в Лович-Валецкий. На этот раз нам предстояло поддерживать своим огнем боевые действия 3-го пехотного батальона.

СТРАШНЫЙ ДВОР

Утром 11 февраля заметно похолодало. После царившей в последние дни по-настоящему весенней оттепели, после маршей по слякоти и снегу наши сапоги и одежда имели жалкий вид. Пропитавшись водой, они теперь затвердели на морозном воздухе. И, конечно, завидев уцелевший в поле одинокий стог сена, мы по очереди залезали в него, чтобы хоть немного согреться. Когда одежда наша чуть-чуть подсохла, мы почувствовали себя бодрее. На передовой долго не спится: постоянное ощущение опасности внезапного нападения противника пробуждает даже в самом изнуренном организме повышенную бдительность и настороженность.

Огневые позиции наших орудий находились на небольшой возвышенности, в двух километрах западнее Мирославца, невдалеке от дороги в Лович-Валецкий. Впереди, на склоне, примерно в ста метрах от нас, заняли позицию пехотинцы 3-го батальона. Справа тянулась полоска леса шириной всего в несколько сот метров, а слева — большой лесной массив.

Боевую обстановку мы точно не знали, не имели понятия, где теперь проходит линия обороны гитлеровцев, выбитых несколько часов назад из Мирославца. Возможно, они притаились в какой-нибудь ближайшей деревне или за соседним холмом. Мы не имели также контакта с нашим соседом слева. Вчера, во время боя за Мирославец, левее нас наступал 2-й пехотный полк, но теперь там никого не было. Видимо, он не успел догнать нас.

— А вот и наша драгоценная кухня! — громко обрадовался канонир Шиманьский. — Готовьте котелки!

— Вовремя прибыли, — похвалил кормильцев бомбардир Марцишевский. — А то мы замерзли как черти.

— Сейчас поедите супу и согреетесь, — протянул руку за первым котелком Дерлятко. — Бомбардир Мордань так хорошо руководил нами, что мы очень быстро нашли расположение батареи. Впрочем, до вас сравнительно недалеко. Интендантская служба стоит теперь в Мирославце.

— Неплохо устроились, спите, наверное, под periной? — позавидовал повару Гаевский.

— Что поделаешь, не было выбора... — пошутил Дерлятко.

Когда наш запоздалый завтрак подходил к концу, стоявший у дороги дежурный по батарее Бронецкий доложил:

— Впереди происходит что-то непонятное. Все время слышны какие-то подозрительные шумы, даже вроде бы гул моторов, и чьи-то голоса. Но в этом проклятом тумане ничего не разглядишь!

— Можно, мы подскочим туда с Либердой? Может, нам удастся разведать, что там за люди? — изъявил желание Тарнацкий.

Они наспех поели, сели на велосипеды и, прячась за придорожными деревьями, поехали в указанном Бронецким направлении. Только в последнюю минуту я заметил на Либерде немецкую шинель.

Вернулись они минут через десять — пятнадцать необычайно взволнованные.

— В полутора километрах впереди нас, справа, движется большая колонна немцев. Нам удалось близко подойти к ним, — лихорадочно докладывал Тарнацкий. — Либерду они даже заметили и что-то закричали ему.

— Я спокойно еду, а они мне вдогонку: «Хальт!» Тогда я нажал на педали и скрылся в тумане. Фрицы,

наверное, подумали, что я рехнулся. — Либерда сбросил с себя немецкую шинель и вытер рукавом потное лицо.

Подпоручик Козак молниеносно принял решение.

— Орудия к бою! — скомандовал он. — Кухне покинуть расположение батареи!

Спустя минуту орудия 1-го огневого взвода Байча заняли огневые позиции справа от шоссе, а орудия моего 2-го взвода — слева. Вскоре мы, тщательно замаскировавшись, были уже готовы открыть огонь по противнику. Ночью выпал снег, поэтому в целях маскировки мы накрыли орудия простынями, а сами надели на себя белые ночные рубахи, найденные в близлежащем доме. Мы походили па призраков и действовали бесшумно.

Туман все еще мешал вести наблюдение. Когда видимость улучшилась, мы заметили, что по склону холма напротив нас растянулась колонна гитлеровцев, поспешно двигавшаяся в направлении Ловича-Валецкого. Автомашины, танки, артиллерия, которую тянули лошади, большое количество пехоты — одним словом, идеальная цель для наших орудий. Колонна противника шла всего в двух километрах от нас, не соблюдая никакой осторожности. Видимо, немцы не знали боевой обстановки и были уверены в своей безопасности.

Прозвучала команда подпоручника Козака:

— Цель — колонна противника! Прицел — сорок... Огонь!

И тут же снаряды орудий Бронецкого и Пивоварчика обрушились на вражескую колонну. 1-й взвод расположился, к сожалению, неудачно, поскольку обзор ему закрывали придорожные деревья.

Наш внезапный огонь вызвал замешательство среди гитлеровцев. Густо падавшие снаряды нанесли им серьезный урон. Стоявшие по соседству две 45-миллиметровые противотанковые пушки из батареи подпоручника Кевлича также открыли огонь по противнику. К ним присоединились находившиеся поблизости пехотинцы, метко поражая немцев из автоматического оружия.

Гитлеровцев охватила паника. Одни бросились в направлении Ловича-Валецкого, другие спрятались за пригорок. Там им удалось кое-как организовать оборону из нескольких десятков солдат, которые залегли на вершине пригорка и открыли по нашим расчетам беспорядочный огонь.

Один из вражеских танков повернул ствол пушки в

нашу сторону и выпустил несколько снарядов, но это были выстрелы наугад, поспешные, неприцельные. После этого он быстро развернулся и скрылся за пригорком.

Нам казалось, что мы разгромили немцев, одержали полную победу. Мы с гордостью посматривали друг на друга, обменивались многозначительными взглядами: «Ну и задали же мы им жару!» А тем временем на холме напротив нас появилось несколько гитлеровских танков. Они мгновенно открыли по нашим орудиям ураганный огонь.

— Орудия в укрытия! — приказал Козак.

Нас отделяло от цели почти два километра, что явно снижало силу наших бронебойно-зажигательных снарядов. Не было смысла поэтому вступать с танками в перестрелку и торчать здесь на виду как живая мишень. Орудие сержанта Пивоварчика быстро переправили на новую позицию, правее шоссе, а орудие сержанта Бронецкого мы откатили вручную на сто метров назад, в небольшую котловину.

Танки, не обнаружив наших орудий на прежнем месте, прекратили огонь и устремились в Лович-Валецкий. Следом за ними из леса начали выползать гитлеровские обозы и подразделения пехоты.

Пока орудие Бронецкого меняло огневую позицию, я забрался на дерево, которое послужило мне удобным наблюдательным пунктом.

— Сначала пристреляйся по оврагу между двумя холмами. Там проходит дорога, — указал я Бронецкому цель. — Когда головные обозы противника начнут спускаться в овраг, откроешь по ним огонь. Разбитые машины заблокируют дорогу. Это единственный путь в Лович.

Третий снаряд, выпущенный канониром Рокошевским, уже разорвался у спуска в овраг. Цель оказалась пристрелянной. Мы стали ждать появления колонны противника. Через несколько минут, показавшись на вершине холма, колонна направилась к оврагу.

— Пять снарядов, беглым! Огонь! — скомандовал я.

Грохот выстрелов заглушил мою команду. Спустя несколько секунд первая автомашина была разбита вдребезги. Получили повреждения и следовавшие за нею другие машины и подводы. Дорога была перекрыта. Колонна противника остановлена на пути к Ловичу-Валецкому. И только подошедшие вечером немецкие танки проделали своими гусеницами новый проход в овраге.

— Цели не было видно, а стреляли мы как по мишени, — похвастался Бронецкий. Он сидел на дереве и наслаждался видом заблокированного оврага и разбитых гитлеровских машин. Потом его сменили другие артиллеристы.

И действительно, результаты нашего огня оказались поразительными. Заместитель командира 1-го пехотного полка по строевой части майор Дробушевич, когда капитан Соловейчик показал ему поле боя, совсем не по-военному хлопнул в ладоши, увидев четырехсотметровый участок дороги, усеянный разбитыми автомашинами, фургонами и различным вооружением.

За этот бой нескольких из нас представили к наградам.

Однако не долго нам пришлось почивать на лаврах. Шла война, поэтому необходимо было трезво оценивать обстановку, тем более что одержанный нами успех был омрачен тяжелыми утратами.

Около полудня ко мне подошел Пивоварчик. Он стоял со своим орудием на холме у дороги. Срывающимся голосом он сообщил:

— Сержант Тарнацкий и бомбардир Глебик убиты. Только что их сразил наповал гитлеровский снайпер.

— Что?! — закричал я. — Что ты говоришь? Как это, убиты?!

Пивоварчик рассказал мне печальную историю. Когда я находился у орудия Бронецкого, их вместе с несколькими пехотинцами взяли в качестве танкового десанта. «Нанесем внезапный удар по Ловичу-Валецкому и захватим его», — уверяли танкисты.

— Вчера мы первыми ворвались в Мирославец. И сегодня тоже постараемся быть первыми. Гитлеровцы в панике. Им задали порядочную трепку! Надо использовать одержанный успех.

Однако вылазка танкистов окончилась неудачно. Танки вскоре вернулись. На одном из них лежали тела сержанта Антони Тарнацкого и бомбардира Владислава Глебика. Их сразил меткими выстрелами спрятавшийся в лесочке немецкий снайпер.

Я был потрясен. Тарнацкий, мой заместитель и боевой товарищ... Еще утром мы шутили, еще утром он отправился на велосипеде в разведку, только что радовался результатам нашего артиллерийского огня... Мысли путались у меня в голове. Вместе с ним мы прошли весь

боевой путь почти от самого Ленино. Он уже не вернется к своей жене и сыну, который рос где-то под Замбровом и ждал отца... Никогда до сих пор я не переживал такой горестной утраты. И Владек... Молодой, задорный Глебик быстро сошелся со всеми... Скорбь и злость душили меня.

В этот день гитлеровцы, занявшие оборону на гребне холма напротив нас, дважды пытались подняться в контратаку. До нас доносились из их окопов громкие крики, но на этом все кончалось. Они так и не решились покинуть свои окопы. Видимо, не хватило ни сил, ни отваги. «Пусть бы только попробовали!» — думал я в мрачном ожесточении.

Чтобы захватить сильно укрепленный Лович-Валецкий, командир 1-го пехотного полка подполковник Максимчук предпринял атаку, завершившуюся успехом. На приданные ему самоходные орудия он усадил пехотинцев 1-го батальона капитана Войны, которые уже накопили кое-какой опыт в выполнении подобных заданий.

Самоходные орудия открыли сильный огонь по вражеским позициям, расположенным на холмах и на опушке леса. Многие из немцев были уничтожены. Остальные, не выдержав танкового удара и огневого шквала, отошли на окраину Ловича.

Следом за танкистами в атаку бросились 3-й батальон под командованием капитана Подлесьных и сопровождавшая его наша батарея. Орудие сержанта Кураса заняло огневую позицию на холме. Перед ним, в глубокой котловине, лежал Лович-Валецкий. Наши самоходные орудия уже были на подступах к нему, как вдруг Курас заметил замаскированную за изгородью одного из домов гитлеровскую противотанковую пушку. Фашисты уже приготовились открыть огонь. Курас, не раздумывая, несколькими меткими выстрелами уничтожил опасное препятствие. Так же эффективно поддержали наступление пехоты и другие наши орудия.

Вооруженные противотанковыми ружьями и фаустпатронами, гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, однако к вечеру 12 февраля Лович-Валецкий был полностью освобожден.

Наша батарея заняла огневые позиции на его северо-западной окраине. Эта ночь прошла спокойно, без особых происшествий.

На следующий день погода совсем испортилась. С самого утра начался мокрый снег с дождем, видимость за-

метно ухудшилась, и вести наблюдение стало почти невозможно. Правда, такая погода дала возможность нашей пехоте скрытно сменить позиции, но мы все насквозь промокли и дрожали от холода.

— Пехота продвинулась вперед, поэтому и наши орудия, подпоручник, должны подтянуться к ней поближе, — обратился капитан Соловейчик к Козаку. — Вы и командиры взводов пойдете со мной на рекогносцировку.

Через несколько минут мы направились по пригорку к переднему краю нашей обороны. Обильно падающий снег сократил до минимума видимость, и мы шли буквально вслепую. Холмистая местность постепенно переходила в широкий луг. Впереди маячили очертания леса, из которого доносились автоматные очереди. Значит, там были гитлеровцы. А на нашей стороне на пригорках росло лишь несколько березок. Мы слышали, как время от времени раздавался хруст их веток.

— Почему так хрустят ветки? — забеспокоился Янек Байч.

— Это гитлеровцы стреляют разрывными пулями, — объяснил ему кто-то.

При мысли, что такая пуля может угодить и в тебя, мороз пробегает по коже. И хотя всем было известно, что еще в конце прошлого века Гаагская конвенция запретила применять такого рода пули, однако для гитлеровцев это ничего не значило...

Мы на всякий случай пригнулись, бегом преодолели оставшееся расстояние и спрыгнули в траншею наших пехотинцев, которые поспешно углубляли свои окопы.

— О, артиллеристы к нам в гости пожаловали! — встретил нас широкой улыбкой командир 3-й роты минометов поручник Квач. — Что это вы так разгуливаете по полю боя? Если б не такая метель, вы вряд ли бы добрались сюда. Вас тотчас же подстрелил бы гитлеровский снайпер. Вон там впереди, на пригорке, расположено поместье Мазаново. Сейчас его не видно, но там свил себе гнездо фашистский снайпер. Бьет, черт возьми, без промаха. Убил уже нескольких наших бойцов... Стреляет разрывными пулями.

Он бы говорил и говорил, если бы не Фелек Печарка, мой друг по Хайнувке.

— Привет, Тадек! — обнял он меня. — Ищешь место для своих артиллеристов? — Он уже стал хорунжим, командиром минометного взвода в роте Квача. — Здесь ни-

чего подходящего не найдете. Местность совершенно открытая и хорошо просматривается немцами. Когда перестанет падать снег, сам увидишь. Хуже, чем под Ленино. Здесь может устроиться только пехотинец или пулеметчик. Наша рота заняла огневую позицию позади, в котловине, прямо перед Ловичем. Со стороны Мазаново нас прикрывает высокий откос.

Он посоветовал нам установить орудия сзади, левее, возле дороги, которая частично проходила по большой впадине.

Мы поблагодарили минометчиков и пехотинцев за полезные советы и вернулись назад. И действительно, возле проселочной дороги, ведущей из Ловича-Валецкого в Мазаново, мы нашли удобное место для огневых позиций наших орудий. Довольно глубокий овраг обеспечивал скрытый подход, а в отвесной стене этого оврага можно было выкопать укрытия для лошадей и землянки для артиллерийских расчетов.

К вечеру снег перестал падать и туман рассеялся. На расстоянии менее километра мы увидели поместье Мазаново. Сражение за это местечко вписало еще одну обагренную кровью наших бойцов страницу в летопись боев 1-го Пражского пехотного полка на Поморском валу. Мы сражались здесь с 13 февраля до конца месяца, и, к сожалению, все без успеха.

Это местечко имело важное значение в системе гитлеровской обороны севернее Мирославца. Этому способствовало его выгодное расположение. Склон довольно высокой возвышенности наполовину порос лесом, где притаились артиллерия и многочисленные пулеметные гнезда противника. У самого подножия находилось большое имение, построенное из кирпича и теперь укрепленное блиндажами и окопами, окруженное высокими буртами картошки наподобие земляных валов. Перед постройками раскинулось широкое поле, которое спускалось к нашим позициям.

Все это облегчало гитлеровцам наблюдение и обстрел. Снайперы, спрятавшиеся в блиндажах, между буртами картошки и в лесу, парализовали малейшее движение наших бойцов. Не один костюшковец заплатил жизнью за то, что неосмотрительно высунулся из окопа: его тотчас же поражала пуля гитлеровского снайпера. Лишь Лович-Валецкий, лежавший в глубокой котловине, находился вне наблюдения и огня противника, и это дало нам воз-

можность разместить в нем штаб батальона и тыловые службы.

Орудия нашей батареи заняли огневые позиции в том месте, где дорога в Мазаново выходила из оврага. Мы выкопали глубокие ниши, которые как-то защищали людей и орудия. Во время перерывов в стрельбе мы закатывали пушки в ниши. От того места, где дорога выходила из оврага, и до огневых позиций мы прокопали траншею, таким же образом соединили между собой и позиции. Каждый из нас вложил немало труда, чтобы как можно глубже зарыться в спасительную землю.

Рядом с нами находились огневые позиции нескольких 45-миллиметровых противотанковых пушек из полковой батареи подпоручника Кевлича. Однажды молодой сержант Малевский, пренебрегая опасностью, решил перебежать всего несколько метров от своего орудия к другому, но ему не удалось перехитрить смерть: только он успел немного приподняться, как пуля гитлеровского снайпера пробила ему грудь. Такие случаи были далеко не единичными.

Командир нашего, 3-го батальона, понимая невыгодность позиции, уже на следующий день предпринял атаку на Мазаново с целью овладеть им и развить наступление в направлении местечка Орля, расположенного за Мазаново и лесом, на перекрестке дорог в тылу гитлеровской обороны. Справа в атаку перешел 2-й пехотный батальон капитана Звежаньского.

После короткой артиллерийской подготовки силами 1-го полка легкой артиллерии и минометов пехотные роты поднялись на штурм. Наши полковые орудия огнем поддерживали наступление пехотинцев. Однако на подходе к поместью костюшковцев остановил сильный огонь автоматического оружия и артиллерии противника, и мы вынуждены были отойти на исходные позиции.

Наш батальон еще не раз поднимался в атаку, но, к сожалению, все безуспешно.

— Нет ничего удивительного в том, что мы никак не можем захватить это дурацкое Мазаново! — возмущался командир взвода управления хорунжий Высоцкий. — Ведь пехотные роты обескровлены, в них осталось всего по нескольку десятков человек. От самых Подгаев все бои и бои. Каждый день несем потери, а на пополнение нечего надеяться. В штабе полка уже подсчитали, что во всех

наших девяти пехотных ротах насчитывается сейчас всего 485 бойцов!

Это была удручающая статистика. Однако мы не падали духом и продолжали сражаться. А пока дорогу в Орлю нам преграждало поместье Мазаново, и это не давало нам покоя.

16 февраля командир 3-го батальона капитан Подлесьных, пополнив пехотные роты бойцами из обоза и тыловых служб, предпринял новую атаку на Мазаново. В первых рядах наступавших шел даже взвод минометчиков. После короткой артиллерийской подготовки пехотинцы при поддержке пяти самоходных орудий с громким «ура!» двинулись на штурм поместья.

Лихая атака пехоты завершилась наконец успехом. После короткой, но ожесточенной схватки мы овладели Мазаново. В плен было взято несколько десятков гитлеровцев, почти столько же, сколько участвовало наших пехотинцев в первых рядах атакующих. Среди пленных оказался также снайпер, который нанес нам столь ощутимые потери. В его снайперской книжке было зафиксировано 102 убитых.

Мои два орудия — Пивоварчика и Бронецкого — поддерживали атаку наших пехотинцев непосредственным огнем. Мы выдвинули пушки вперед и заняли огневые позиции вблизи Мазаново, между буртами картофеля, а ездовые с передками и лошадьми разместились немного позади, в небольшой впадине.

Вдруг наводчик рядовой Куликовский заметил, что рядом с засыпанной сверху землей расщелиной, через которую только что проехала гусеница самоходного орудия, что-то шевелится.

— Там кто-то есть! — крикнул он и начал разгребать землю.

Спустя минуту он вытащил вначале одного молодого немецкого солдата, а затем другого. Вид у них был обалдевший. Они только повторяли: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

— Что будем с ними делать? — враждебно поглядывая на гитлеровцев, спросил Пивоварчик.

— А ничего, — ответил я. — Обыщем, нет ли у них оружия, и отправим в тыл. Без конвоя. У нас слишком мало людей. Дойдут и сами, больно уж перепуганы. У них ведь нет выбора. А там наш первый взвод встретит их и отправит дальше.

— Марш! — крикнул я немцам, показав им рукой на дорогу. Они поспешно зашагали, тревожно оглядываясь.

Бой на нашем участке временно утих. Пехота в районе Мазаново начала организовывать оборону и приводить в порядок свои ряды. Орудия стояли в открытом поле, но пока не было видно никакой цели. До поместья оставалось около ста метров, до опушки леса — менее ста пятидесяти, близлежащие холмы не могли укрыть нас от немцев, засевших на опушке леса, и мы знали, что находимся под наблюдением противника.

— Ого, уже открыли стрельбу! — Пивоварчик первым услышал далекий грохот немецкого миномета. — Теперь начнут нащупывать нас.

Через минуту позади нас разорвался первый снаряд. Следующие упали уже ближе. От осколков нас защищали оставшиеся после немцев окопы.

— Скоро вечер, — утешал я своих бойцов, — сменим позиции, закопаемся в землю, и враг ничего с нами не сделает.

Спустя некоторое время серые сумерки окутали все вокруг. Вскоре выяснилось, что следовавшие с нами самоходные орудия израсходовали весь запас снарядов.

— Держитесь пока сами, — «утешили» самоходчики пехотинцев, которые, впрочем, тоже уже израсходовали почти весь боекомплект патронов. — Нам надо ехать в тыл и пополнить боеприпасы. Скоро вернемся!

И самоходные орудия, грохоча гусеницами, медленно направились в сторону тыла. В этот момент гитлеровцы обрушили на поместье мощный шквал огня. Град снарядов и мин буквально засыпал нас. Снопы ракет осветили вечерний мрак, и вражеская пехота, открыв яростный огонь из автоматов и пулеметов, выскочила из близлежащего леса и устремилась на Мазаново.

Мы не ожидали такого удара со стороны недавно разгромленных гитлеровцев. Наши пехотинцы яростно оборонялись, но сильный огонь и численное превосходство врага, а также отсутствие боеприпасов заставили их отступить. Мое второе орудие, находившееся несколько позади, едва успело отойти вместе с пехотой.

Отражать атаку наступавших гитлеровцев пришлось непосредственно орудию сержанта Пивоварчика. Я находился при нем. Мы приняли решение отойти, оказывая упорное сопротивление.

— Канонир Форналь, подгони сюда лошадей! — скомандовал я.

— Немцы! — крикнул вдруг канонир Замлыньский, показывая на группу в несколько десятков человек, которые бежали в нашем направлении и уже издалека кричали: «Хенде хох!»

— По наступающей пехоте! Прицел — ноль, тремя снарядами, огонь! — скомандовал Пивоварчик.

Куликовский тщательно прицелился. Раздались взрывы, в цепи бегущих послышались стоны раненых и проклятия оставшихся в живых. Гитлеровцы остановились, но через минуту открыли автоматный огонь. Тем временем подъехал Грицай с лошадьми, и мы помчались галопом.

— Стой, орудие к бою! — приказал я, когда мы отъехали метров двести, так как увидел, что из леса справа от нас бежит к дороге группа немцев.

Куликовский опять послал несколько снарядов по бежавшим в темноте и громко кричавшим фашистам. Так, меняя огневые позиции, мы после напряженного боя, длившегося свыше часа, добрались наконец до своих. Командир батареи капитан Соловейчик, его заместитель подпоручник Козак, командир 1-го огневого взвода фейерверкер Байч, личный состав орудийных расчетов с нетерпением ждали нас на переднем крае нашей обороны.

— Ну, хорунжий Рутковский, мы уж решили, что ты погиб или попал в плен, — вздохнув с облегчением, проговорил командир батареи.

— Не так-то просто нас уничтожить, товарищ капитан, — ответил я. — Гитлеровцы, судя по всему, хотели вернуться на свои прежние позиции. А что касается плена, то нас просто так не возьмешь, — сказал я с ноткой бахвальства в голосе.

Несколько дней в батальоне только и говорили, как мы одним орудием сорвали неприятельскую контратаку. Нас это радовало, поскольку действительно весь четвертый орудийный расчет вел себя в этом бою образцово, прикрывая отход остальных подразделений. Его командир сержант Пивоварчик, наводчик бомбардир Куликовский, канониры замковый Замлыньский, заряжающий Баран, правильный Шиманьский, подносчики снарядов Райковский и Форналь и ездовой бомбардир Грицай проявили во время отражения немецкой контратаки самоотверженность, отвагу и высокое мастерство.

Бои под Ловичем-Валецким изобиловали многими драматическими эпизодами. Один из них произошел с нашей полковой батареей 120-миллиметровых минометов. Она занимала огневые позиции в глубине нашей обороны, возле кладбища за Ловичем. Жилось минометчикам неплохо, и мы часто завидовали им, что техника у них большего калибра, что передвигаются они на автомашинах, почти всегда имеют лучшие условия для маскировки и тому подобное.

И вот однажды на наши огневые позиции и окопы близлежащих пехотинцев начали неожиданно падать и с грозным грохотом разрываться их тяжелые мины. В наших рядах возникло замешательство.

— Что же это такое? По своим стреляют?! — возмущались бойцы, со злостью оглядываясь назад.

Кому же понравится оказаться под огнем, да еще под своим собственным? Конечно, наше возмущение не знало границ. Однако спустя минуту ситуация прояснилась, когда из деревни прибежал подпоручик Козак с драматическим известием.

— Гитлеровцы захватили минометную батарею! Берите свой взвод. Поможем минометчикам! Орудия Байча пусть остаются на месте! — торопил он нас.

Немцы, засевшие в Мазаново, видимо, догадались, что происходит, и усилили огонь. Забрав оба орудия, мы быстро двинулись в район расположения минометной батареи. Однако, когда мы прибыли, минометы уже были отбиты у врага. Там нам рассказали, что произошло.

На фронте царило относительное затишье, поэтому позиции минометной батареи охраняли лишь несколько часовых. Остальные минометчики завтракали. Охрана не обратила внимания на группу солдат в несколько десятков человек, шедших по шоссе из Мирославца. Когда же те приблизились и неожиданно бросились бегом к минометам, было уже поздно: гитлеровцы открыли из минометов беспорядочную стрельбу. Мины рвались в расположении нашей пехоты. Завязался короткий, но ожесточенный бой. Через несколько минут рукопашной схватки диверсионная группа противника была уничтожена. Основная масса гитлеровцев погибла. Несколько человек попали в плен. Они стояли теперь в окружении наших бойцов испуганные и поникшие. Из наших минометчиков геройской смертью погибли капрал Петролай и рядовой Буйницкий.

Это нападение мы связывали с подозрительным шумом и разговорами, которые слышали минувшей ночью наши пехотинцы на правом фланге 3-го батальона в районе небольшой заболоченной и слабо охраняемой долины. Видимо, эта группа зашла ночью нам в тыл с намерением уничтожить батарею. А возможно, это было одно из бродивших по нашим тылам подразделений разбитых немецких частей, пытавшихся пробиться к своим. По дороге они наткнулись на батарею минометов и атаковали ее.

В течение ближайших дней наш полк предпринял еще несколько атак вдоль дороги, соединяющей Мирославец с Орлей, однако все они закончились безрезультатно — Орлю мы так и не взяли. Бои за нее дорого обошлись нашему 1-му Пражскому пехотному полку. 19 февраля во всех девяти пехотных ротах насчитывалось (помимо артиллерии, минометов, штабных и тыловых подразделений) всего 250 офицеров, подофицеров и рядовых.

Учитывая это, мы вынуждены были перейти к обороне.

Бойцы приводили в порядок блиндажи и землянки, рыли окопы и траншеи, разведывали противника и ждали пополнения, чтобы новыми силами нанести удар по этому важному объекту гитлеровской обороны на Поморском валу.

На нашем участке фронта воцарилось относительное затишье. Время от времени его нарушала перестрелка. Немецкие снайперы продолжали охотиться за нашими бойцами. Ребята проверяли их меткость, выставляя над окопами каски, надетые на стволы винтовок. Конечно, снайперы по-прежнему представляли немалую опасность, однако фашистам явно недоставало того суперснайпера, которого мы взяли в плен.

Однажды снайперы вывели из терпения заряжающего третьего орудия канонира Либерду. Он вылез из окопа и, задрав шинель, повернулся задом к немцам.

Командир расчета сержант Бронецкий стащил его за полу шинели обратно в окоп и начал ругать.

— Да он в меня не попадет, — флегматично отреагировал Либерда.

— Я запрещаю вам вылезать из окопа и устраивать подобные глупости! — рассердился Бронецкий. — Жить, что ли, вам, черт побери, надоело?..

Бойцы расчета смеялись до упаду, но Либерда с тех пор прослыл храбрецом.

В небольшой сырой котловине на подступах к Ловичу-Валецкому на ничейной земле между нашим передним краем и гитлеровской линией обороны находился заброшенный винокуренный заводишко, где сохранились наполненные спиртом баки.

В эти холодные, промозглые дни каждый мечтал раздобыть где-нибудь водки, чтобы хоть немного согреться. О существовании этого завода знали не только наши бойцы, но и немецкие солдаты.

И вот однажды двое гитлеровцев попытались добраться с котелками до винокуренного завода, но наши пехотинцы не подпустили их. На следующий день, наоборот, несколько наших бойцов хотели проникнуть в завод, но на этот раз им помешал вражеский огонь. Попытки повторялись несколько дней подряд, но пока безрезультатно. В конце концов наши пехотинцы всё же пробрались на завод ночью и, наполнив спиртом котелки, спокойно вернулись в окопы. Постепенно наш предприимчивый старшина батареи сумел накопить за короткое время довольно солидный запас «горючего», что помогло нам и согреваться, и лечить загрипповавших, и украшать столы по поводу различных торжеств.

В конце февраля заместитель командира взвода по политико-воспитательной работе капрал Кочук принес нам утешительные вести:

— Вчера в наш полк прибыло пополнение — около 250 бойцов. Видимо, не только нам надоело торчать под этим Мазаново.

— Я тоже так думаю, — обрадовался бомбардир Гарбовский. — Пора двигаться дальше.

БОЙ В ЛЕСНОЙ ЧАЩЕ

Наступил вечер 28 февраля. Окрестные поля после двухнедельной оттепели превратились в вязкое месиво, которое липло к орудиям и другой военной технике, а особенно к изношенным сапогам, которые совсем уже перестали защищать наши ноги от влаги и холода. Мы то и дело притопывали ногами, а точнее, хлюпали сапогами по грязи, но это отнюдь не согревало нас.

Канонир Сурма, внимательно наблюдавший за всем происходящим в районе нашей обороны, громко доложил, что слева он увидел связного командира батареи.

— Видимо, несет важное известие, если так спешит, — добавил он.

Мы посмотрели в его сторону.

— Не мог уж захватить с собой ужина или чего-нибудь согреться? А то я страшно продрог, а в животе уже играет оркестр,— встретил Сурма осторожно влезавшего в окоп бомбардира Бубенца.

— Ужинать будете в Ловиче-Валецком, — подмигнул Бубенец.— А сейчас нет времени: командиров взводов вызвали на совещание к командиру батареи.

— Что это наш «начальник штаба» так таинственно заговорил? Может, нас отправят в тыл, в Лович? А кто же тогда поддержит пехоту, когда она решит вновь атаковать Мазаново?— пошутил Мищук.

— Все узнаете в свое время,— театрально-возвышенным тоном ответил Бубенец.— Однако по секрету могу вам сказать, что сегодня ночью мы передвинемся северо-восточнее Мирославца километров на пять.

— Ну-ну!— Мищук даже причмокнул.— Может, там не будет такого болота?

Спустя минуту я и Байч, пригнувшись, добрались по ходу сообщения до командного пункта командира батареи. Капитан Соловейчик уже поджидал нас.

— 24 февраля наш правый сосед — 2-й Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского перешел в наступление и на участке Черск, Надажице прорвал немецкую оборону. Сейчас он ведет ожесточенные бои с гитлеровцами и неуклонно продвигается вперед,— сказал он.— Наша армия завтра утром тоже перейдет в наступление. В полосе нашей дивизии оборону у немцев держат части 10-го армейского корпуса СС.

Капитан проинформировал, что 3-й батальон 1-го пехотного полка, который мы должны были поддерживать, передаст сегодня вечером оборону под Мазаново разведроте дивизии и займет исходные позиции севернее Мирославца.

— Направлением главного удара нашего полка является Стара-Студница,— сказал он, глядя на нас так, будто бы хотел удостовериться, все ли мы поняли.— Наша батарея будет по-прежнему поддерживать третий батальон. Через час выступаем.

Затем командир батареи напомнил, что немецкая оборона проходит по лесистой и сильно укрепленной многочисленными дотами и дзотами местности, о чем не следует ни на минуту забывать, и добавил, что дополнительные сведения о противнике будут нам сообщены в новом районе боевых действий.

Когда мы уже выходили, он задержал нас.

— Чуть было не забыл...— сказал он как бы между прочим, но многозначительно улыбаясь.— Фейерверкер Байч, передайте мои поздравления Курасу в связи с присвоением ему звания сержанта. Приказ пришел сегодня. Ну а старшина батареи собирается угостить нас вкусным ужином. Кажется, он приготовил по этому поводу жареных цыплят, а для согрева — по рюмке «коньяку» непосредственно с винокуренного завода,— добавил он уже совсем неофициальным тоном.

Переброска орудий прошла без особых трудностей. Памятное для всех нас поместье Мазаново, этот «страшный двор», мы покидали с чувством досады. В медленно тащившейся по грязи колонне не умолкали приглушенные разговоры о последних боях.

— Долго они не просидят в этом Мазаново. Рано или поздно мы все равно вышибем их оттуда ударом если не в лоб, то с фланга,— рассуждал «стратег» батареи разведчик Козловский.

— Что ж тут удивляться, что нам не везет? Да ведь в ротах осталось по десять — пятнадцать человек. Разве можно такими силами захватить это хорошо укрепленное поместье? Вот теперь, когда пехота получила пополнение, мы сможем продвинуться вперед!— заключил Куликовский.

Около полуночи мы, оставив в городе обозы, прошли по темным улицам Мирославца и вышли на дорогу, ведущую в Боруйск. Вскоре мы достигли нового района боевых действий.

— Подпоручник Козак внимательно осмотрелся и приказал:

— Первому взводу занять огневые позиции вон там,— показал он рукой на довольно большую группу деревьев,— а второму — левее. Интервал между орудиями — около тридцати метров. Сразу же окопать их и подготовить укрытия для расчетов. Не забывайте про маскировку! Лошадей отвести в заросли.

Мы принялись за работу, а он направился к командиру батальона.

На рассвете мы могли уже оказать пехоте непосредственную огневую поддержку. Все очень устали, промокли, но в ожидании предстоящей атаки каждый из нас волновался и не спал.

Впереди простиралась большая равнина. Левее нас и чуть позади равнину полукругом опоясывал темный лес. На его противоположном конце находились позиции гитлеровцев. Окопы нашей пехоты проходили рядом с нами, а в десяти — пятнадцати метрах сзади тянулось шоссе, ведущее из Мирославца в Боруйск.

В 8.30 сотни орудий и минометов начали артиллерийскую подготовку наступления пехоты. После получасового огневого шквала пехотинцы с криками «ура!» двинулись на штурм немецкой обороны. Однако лесистая местность хорошо маскировала огневые позиции противника. Атакующая пехота была встречена сильным огнем. Особенно эффективно стреляли фашистские минометы, укрывшиеся, по-видимому, за поросшим лесом холмом, расположенным в нескольких сотнях метров.

Наши полковые орудия своим непосредственным огнем поддерживали атаку костюшковцев. Неожиданно в районе огневых позиций 1-го взвода стали рваться мины. Послышались стоны раненых. К ним тотчас же бросился санитар батареи сержант Каминьский. Через минуту мы уже знали: командир взвода Байч, заряжающий Мищук и подносчик снарядов Форналь тяжело ранены, а наводчик орудия капрал Хоронжий убит. «Бедный Хоронжий,— подумал я.— Был ранен под Ленино, потом под Прагой, а теперь... Всего несколько дней назад вернулся из госпиталя...»

Подпоручник Козак продолжал подавать команды под сильным вражеским огнем:

— Курас! Принимай первый огневой взвод! Каминьский, раненых на перевязочный пункт!

Атака пехотинцев 1-го полка не увенчалась сразу успехом. Ротам пришлось залечь. И только ближе к полудню нашим бойцам удалось наконец пробиться через сильный огневой заслон противника и достичь опушки леса.

Гитлеровцы вынуждены были оставить первую траншею, но в глубине густого, темного леса они продолжали яростно сопротивляться. Их прекрасно замаскированные

огневые точки по-прежнему парализовали атаки костюшковцев.

Мы выдвинули свои орудия вперед, на новые огневые позиции. Теперь батарея находилась в лесу. Это избавило ее от назойливого наблюдения со стороны противника, но в то же время возможность вести огонь сократилась до минимума. Вблизи нас, между кустами, залегла наша пехота. Немецкие снаряды, как рой ос, свистели и жужжали вокруг.

Вдруг слева, на расстоянии около двухсот метров, вспыхнула ожесточенная перестрелка. Это большая группа фашистов выскочила из своих укрытий в лесу и бросилась в контратаку на роту 1-го батальона. Ее бойцы — необстрелянное пополнение — не выдержали внезапного удара и начали отступать. Однако, бывалые офицеры и солдаты, оставшиеся в роте, овладели инициативой, и контратака гитлеровцев была отбита.

Мне потом рассказывал знакомый офицер, командир взвода этой роты, что, когда они под натиском немцев отступали, к нему подбежал один из новоиспеченных бойцов и чуть не плача заявил: «Винтовка у меня испортилась, не стреляет».

Я взял ее в руки и вижу: в затвор попал песок.

— Надо чистить винтовку, тогда она не испортится!— крикнул я пареньку, стукнул с силой по рукоятке затвора и закрыл его...

Наша атака временно была приостановлена, но немцы больше не появлялись. О расположении их позиций мы могли догадываться только по вспышкам огня, а враг, засев в укрытиях, мог хорошо видеть нас и обстреливать.

Через одну из просек невозможно было пройти: гитлеровский станковый пулемет буквально косил наших пехотинцев, пытавшихся преодолеть пространство шириной всего в несколько метров. Помочь им могли только наши орудия.

Я кивнул Бронецкому, и мы поползли к просеке. Залегли на ее краю, пытаясь обнаружить этот пулемет. Наконец раздался стук его очереди.

— Засек,— прошептал Адам.— Смотри, вон там, на небольшом пригорке, под елью... Видишь маленькую амбразуру, из которой вылетают язычки пламени?

— Расстояние не больше двухсот метров,— прикинул я.— Но как этот пулемет уничтожить?

Я решил сначала показать цель установщику и правильному, потом зарядить орудие в укрытии, быстро выкатить его на просеку и выпустить по блиндажу несколько снарядов.

Мы так и сделали. Спустя минуту грохот выстрелов потряс окрестности. С немецким пулеметчиком было покончено — Рокошевский стрелял быстро и метко.

В этот день поддерживаемый нами 3-й и левофланговый 1-й батальоны еще несколько раз поднимались в атаку на вражеские позиции. Наконец им удалось оттеснить гитлеровцев и подойти в высоте 153,5. Однако сильный огонь автоматического оружия остановил дальнейшее продвижение наших пехотинцев, и они залегли перед блиндажами и окопами противника.

Наступившая ночь окутала мраком и наши, и немецкие позиции. Под ее покровом хотелось хоть немного отдохнуть, сомкнуть хоть на минуту глаза, приготовиться к завтрашней схватке.

— Командирам расчетов и взводов усилить бдительность!— напоминал подпоручник Козак, переходя от орудия к орудию.— Гитлеровцы отлично знают местность, поэтому могут в любую минуту предпринять атаку. Нельзя позволить застичь себя врасплох. Отдыхать у орудий в две смены. Расчеты должны быть в постоянной готовности немедленно открыть огонь, в том числе и из личного оружия,— повторял он голосом, в котором совсем не чувствовалось усталости. «Железный человек»,— сказал кто-то о нем, и это не было преувеличением.

Ночь прошла довольно спокойно. Только укрывшиеся в блиндажах станковые пулеметы непрерывно обстреливали просеки очередями трассирующих пуль.

Ближе к полудню наша пехота опять поднялась в атаку. Сопротивление гитлеровцев как будто бы стало немного слабее, и роты подошли почти к самой высоте. Однако немцы снова ожили в своих крысиных норах и открыли ураганный огонь.

В это время на расположенный поблизости командный пункт 3-го батальона, находившийся в обычном окопе, прибыл начальник штаба полка, всегда элегантный майор Вилькин. Ему не хватало, пожалуй, только белых перчаток.

— Капитан Подлесьных, доложите обстановку,— обратился он спокойным, но официальным тоном к командиру батальона.

— Только что роты отбили очередную контратаку гитлеровцев, но пехота вынуждена была залечь на правом склоне высоты.

— Пусть пока окопаются и наберутся сил для нового удара,— распорядился майор Вилькин, затем соединился по телефону с командиром 1-го батальона и, стараясь перекричать грохот стрельбы, приказал:— Капитан Войно, обойти высоту слева! Усилить темпы наступления! Направляю вам на помощь роту автоматчиков.

Наши орудия снова сменили огневые позиции, переместившись поближе к залегшей пехоте. Бои в лесу продолжались с неослабевающим упорством. Фашисты всеми силами пытались помешать 1-му батальону выполнить обходный маневр. Вооруженные автоматами, они неожиданно выскакивали из укрытий и обрушивали на атакующих костюшковцев град пуль. Так они застигли врасплох расчет одной из 45-миллиметровых противотанковых пушек 1-го батальона. Командир их взвода погиб, а пушку захватили гитлеровцы.

Однако эти яростные контратаки противника уже не достигали эффекта. Костюшковцы настойчиво продвигались вперед и постепенно, шаг за шагом теснили немцев.

2 марта в 15 часов бойцы 1-го батальона обошли с юга высоту 153,5, а роты 3-го батальона отбросили фашистов к озеру Орлово. Гитлеровцы предприняли еще одну отчаянную контратаку.

Орудие капрала Козловича через просветы между деревьями открыло огонь по группе бегущих немцев и вынудило их залечь. Наши пехотинцы, чувствуя поддержку своих орудий, не позволили гитлеровцам оттеснить себя. Кровопролитные бои длились до позднего вечера и не прекращались даже ночью.

Утром 3 марта костюшковцы бросились в решающую атаку. Они хотели как можно скорее закончить бой в зловещих лесах. Их вдохновляло известие о том, что части 2-й пехотной дивизии захватили Боруйск и Жабин, а также желание отомстить за погибших товарищей.

Наши полковые орудия не отставали от пехотинцев, продолжавших наступать теперь уже в несколько поредевшем лесу.

— Орудиям держаться ближе к пехоте!— распорядился Козак.— Внимательно наблюдать за полем боя и по замеченным вражеским огневым точкам немедленно открывать огонь!

С близлежащей высоты неожиданно застрочил еще один гитлеровский пулемет. Из первой линии наступающей пехоты в его направлении полетели трассирующие пули. Находившееся к нему ближе всех орудие Кураса тотчас же засекло его.

— Ребята, откатите орудие чуть правее, вон за то дерево!— крикнул он уставшим уже от бешеного темпа стрельбы артиллеристам, и они немедленно выполнили приказание своего командира.— А теперь пять снарядов по вражескому блиндажу!

Второй снаряд, посланный наводчиком бомбардиром Вавжиняком, попал точно в цель. Вверх взлетели обломки бревен. Путь пехоте был открыт.

К полудню сопротивление гитлеровцев было окончательно сломлено, и пехота устремилась за отходившим противником в глубь его обороны.

— Передки к орудиям, следовать за пехотой!— Подпоручник Козак не давал ни секунды передышки.

Мы быстро продвигались по широкой лесной дороге. Стоявший под деревом с автоматом в руке командир 1-го пехотного полка подполковник Максимчук полушутя отчитал нас:

— Что это вы задержались?! Пехота ушла уже на полкилометра вперед! Сегодня утром разведрота дивизии взяла Мазаново,— добавил он, вспомнив, что это «наше» поместье.

— Это хорошо. По крайней мере, не надо будет возвращаться туда,— вздохнул с явным облегчением капитан Соловейчик.— А пехоту мы догоним. Без нас, товарищ подполковник, она далеко не уйдет.

— Ну-ну, не задирайте нос,— подмигнул подполковник Максимчук.

Минут через десять — пятнадцать батальоны 1-го пехотного полка собрались на просторной поляне. Ее пересекала дорога. Выставив справа и слева усиленное боковое охранение, полк двинулся дальше. Наша батарея как тень следовала за шедшим в авангарде 1-м батальоном. Несмотря на понесенные полком во время тяжелых боев серьезные потери, у бойцов было бодрое настроение. Сыпались шутки, оживленно обменивались мнениями. Все как-то воспрянули духом.

Дорога шла между двумя пригорками, поросшими кустами и одиночными деревьями. На одном из косогоров укрылась группа гитлеровцев. Когда голова колонны при-

близилась к склону горы на расстояние нескольких десятков метров, немцы обстреляли ее фаустпатронами. Несколько снарядов взорвались на дороге впереди головной походной заставы.

— Батарея, к бою!— загремел голос Козака.— Скорее, черт побери!

Расчеты четко выполнили команду. Первое и второе орудия съехали с дороги вправо, четвертое — влево, а третье осталось на месте. Артиллеристы быстро сняли орудия с передков, конные упряжки отъехали назад, а командиры орудийных расчетов, внимательно наблюдая в бинокли, доложили о боевой готовности.

Спустя минуту по лесной поляне прокатилось эхо пушечных выстрелов. На близлежащем пригорке взметнулись фонтаны земли вперемешку с ветками деревьев.

Головные роты быстро и умело развернулись в цепь. Передовой дозор открыл огонь из пулеметов и, как только клубы дыма и пыли рассеялись, бросился на пригорок. Однако гитлеровцев там уже не оказалось. Заметив подготовку наших орудий к стрельбе и готовность пехоты к атаке, гитлеровцы отошли в северном направлении. Они даже не задержались в близлежащей деревушке Орля, и мы вскоре без единого выстрела вступили в нее.

Орля казалась безлюдной. Мы быстро прочесали ее и действительно не нашли никого. Наши передовые батальоны двинулись к деревне Стара-Студница. К вечеру мы подошли к ней. Здесь гитлеровцы снова попытались остановить наше продвижение, но в результате атаки наших пехотинцев, поддержанной огнем полковых орудий и минометов, их сопротивление вскоре было сломлено. Немцы в панике начали отходить в северном направлении.

— Довольно большая группа гитлеровцев удирает по берегу озера,— указал я подпоручнику Козаку на маленькие фигурки, которые, словно муравьи, двигались вдоль поблескивавшей в надвигающейся темноте водной глади.— Может, ударим по ним? Отсюда не больше трех километров...

Заместитель командира батареи по строевой части проследил взглядом за моим пальцем, а потом посмотрел на карту.

— Это озеро Любе. Смотри как растянулось,— сказал он, ткнув в карту карандашом.— Могут успеть удрать... Хорошо, давай! Пять снарядов на орудие.

Спустя минуту мы уже открыли огонь. К сожалению,

немцы находились уже слишком далеко, и поэтому наш огонь не причинил им вреда, только погнал их еще дальше, в чем мы были тоже заинтересованы.

На ночь батарея расположилась недалеко от деревни Сеница. Рядом с нами временную оборону заняли батальоны 1-го пехотного полка. Мы улеглись спать где и как кому удалось.

4 марта батарея в составе походной колонны полка продолжала преследовать быстро отходивших к Дравско гитлеровцев.

— Здравствуйте, товарищ поручник! — обрадованно проговорил Козлович, встретив на коротком привале бывшего командира первого орудия нашей батареи, а теперь заместителя командира 3-го батальона по политико-воспитательной работе поручника Юзефа Недзьвецкого.

— Здравствуйте, артиллеристы! — обрадовался в свою очередь поручник Недзьвецкий. — Как поживаете?

Мы проговорили весь привал.

Около полудня меня вызвал к себе подпоручник Козак.

— Послушайте, хорунжий, — заявил он довольно официальным тоном, что предвещало какое-то важное сообщение, — по приказу командира батареи вы должны принять командование первым взводом, а сержант Курас — вторым. Немедленно передайте свои обязанности.

О причинах приказа в армии спрашивать не принято, поэтому мы выполнили то, что нам велели.

Вечером того же дня наш полк снова приступил к боевым действиям. В нескольких километрах впереди слышалась сильная канонада. Возвратившись из штаба полка, капитан Соловейчик сообщил, что это части 4-й пехотной дивизии штурмуют яростно обороняемое гитлеровцами Дравско-Поморске.

— В районе Меленки-Дравской обороняется крупный отряд фашистов, теснимый с юга советскими войсками... Перед нашим полком поставлена задача — нанести удар по тылам этого отряда и отрезать ему путь отступления в Дравско, — заявил капитан. — Наша батарея будет поддерживать боевые действия первого батальона.

Наступила ночь. Впереди нас шли, развернувшись в цепь, пехотные роты. Местность вдоль озера была открытой, безлесной. Дороги размокли. Я двигался впереди своего взвода. И вдруг почувствовал, что под ногами болото.

— Стой!— приказал я.— Свернуть влево!

Пехота успела пройти, но следовавшее сразу за мной первое орудие начало быстро погружаться в топкое месиво.

— Лошади проваливаются!— не на шутку испугались ездовые Павликовский и Казимерчак.

Орудийные расчеты бросились к пушке и лошадям. С большим трудом их удалось вытащить из трясины.

Мы двинулись дальше, осторожно пробуя грунт. Вскоре наши пехотинцы встретились за Дравой с наступавшими с юго-запада советскими бойцами. Немецкая группировка оказалась в окружении, дорога на север — отрезанной.

Вскоре поступил приказ изменить направление движения: теперь наша батарея, выйдя на шоссе, устремилась вместе с 1-м батальоном в сторону Дравско. Утром 5 марта мы вошли в город. Он был уже почти целиком освобожден, и только в его северном районе, за рекой, части 4-й пехотной дивизии ликвидировали последние группы прикрытия гитлеровцев.

Дравско лежал в развалинах. Среди руин то тут, то там поднимались языки пламени. В воздухе висела кирпичная пыль, которая ела глаза и щекотала ноздри. Посередине улицы, по которой мы продвигались, застыл обгоревший немецкий танк. Бронецкий внимательно разглядывал развалины, но фашистов нигде не было видно.

— Да, тяжелые здесь шли бои,— задумчиво проговорил он.

Полк в тот же день выступил дальше, на этот раз во втором эшелоне дивизии. Утром на следующий день, после изнурительного марш-броска с одним лишь коротким привалом, наша батарея была придана 2-му батальону, который следовал в авангарде колонны по дороге, вьющейся между открытыми холмами и небольшими рощицами. Мы шли на север к местечку Долге, которое накануне после многочасового боя захватили 2-й и 3-й пехотные полки. Отступавшие разбитые части 10-го корпуса СС продолжали по-прежнему оказывать яростное сопротивление в отдельных населенных пунктах, в узких проходах между многочисленными озерами и в лесах. Однако, когда мы вышли из Дравско-Поморске, неприятельские очаги сопротивления были уже ликвидированы. Вокруг царила тишина, которую нарушали лишь разговоры бойцов, скрип колес конных упряжек да лязг ору-

жия. Если бы не глухое эхо далеких взрывов, можно было бы подумать, что война уже окончилась. Деревни, по которым мы проходили, выглядели вымершими, и только кое-где нам встречались перепуганные старики и женщины с детьми. Основную массу жителей немцы насильно угнали в направлении Колобжега или Щецина.

Мы приближались к большому, во весь горизонт, лесу под Карсибуром. Когда передовой дозор батальона осторожно вошел в него и стал пробираться между деревьями, на наших бойцов неожиданно обрушился град пуль. Несколько человек было убито и ранено, остальные, открыв ответный огонь, отошли, занимая удобные огневые позиции.

Орудия нашей батареи тотчас же были развернуты в сторону противника. Разгорелась ожесточенная перестрелка. Немцев, однако, не было видно, так как они засели в глубине леса, и мы вели огонь наугад. Гитлеровцы же хорошо видели нас, но все равно у них не было никаких шансов на успех, и они вскоре исчезли.

И опять были похороны. Боевые друзья сделали простые деревянные солдатские кресты и установили их на могилах тех, кто закончил свой путь в Карсибурском лесу.

Когда мы еще находились на опушке этого зловещего леса, вернувшийся с совещания у командира полка капитан Соловейчик сообщил:

— Перед нами, в лесах под Свидвином, окружена сильная группировка противника. Она состоит главным образом из остатков разгромленного 10-го корпуса СС.— Он говорил тихо, переводя взгляд с одного на другого.— Этот корпус доставил немало неприятностей нашим частям, штурмовавшим оборону Поморского вала под Надажице и Дравско, о чем вы, впрочем, уже знаете. Кроме того, там находятся другие гитлеровские части и подразделения — остатки когда-то отборных немецких дивизий. И вот вся эта группировка,— он на минуту умолк,— оказалась в критической ситуации. Об этом знаем мы, но знают и они. У них нет иного выхода, как сражаться не на жизнь, а на смерть. Необходимо учитывать такую их решимость.—Он сделал акцент на последней фразе.— Сражаться против них будет нелегко, но мы должны выиграть эту схватку, тем более что катуковцы вышли уже к Балтийскому морю,— добавил он, и лицо его при этом прояснилось.— Ваша задача будет состоять в сле-

дующем: батарея займет огневые позиции вот на этом холме,— показал он, и все как по команде повернули головы в ту сторону. — Всю ночь в соответствии с общим планом артиллерийской подготовки мы будем вести беспокоящий огонь по укрывшимся в лесу гитлеровцам. Батарея получила двести сорок снарядов. Мы должны измотать противника, деморализовать его и отбить у него охоту к сопротивлению. На рассвете наша пехота перейдет в атаку. От батареи тоже пойдут несколько бойцов.

— Дадим жару фрицам!— обрадовался Бронецкий.

— Огонь придется вести с закрытых позиций, а молодые артиллеристы еще не приучены к этому,— забеспокоился Курас.

— Дистанция между орудиями — пятнадцать метров. Ориентиром для пристрелки будет служить шпиль костела. Окопайте орудия!— уточнил подпоручник Козак.— Через четверть часа откроем огонь.

Мы лихорадочно принялись за работу. Вскоре раздалась команда:

— Батарея, к бою! Цель — противник в лесу. Уровень!.. Прицел!.. Осколочно-фугасной гранатой, два снаряда каждые шесть секунд... Огонь!

Воздух разорвали артиллерийские залпы. Почти одновременно с нами начала стрелять батарея 76-миллиметровых дивизионных пушек первого полка легкой артиллерии, укрывшаяся за близлежащим пригорком позади нас. Грохот выстрелов слился в сплошной гул.

Весь вечер и всю ночь наши снаряды обрушивались на укрывшихся в лесу гитлеровцев. Каждые три минуты орудия нашей батареи меняли установки для стрельбы. Огонь по противнику вели более десятка польских батарей, а расположившиеся вдоль леса пехотинцы не давали покоя немцам, обстреливая их из автоматического оружия.

— Смотрите-ка, из-за леса по фашистам ведут огонь еще чьи-то батареи! — обнаружил вдруг Бидзюковский.

— Это советская артиллерия громит окруженных гитлеровцев, — спокойно констатировал Бронецкий.

— Теперь фрицам не до сна. Вот вам еще один подарочек от меня! — выпустив снаряд, довольно потер руки Либерда.— Чтобы у вас навсегда пропало желание воевать...

Результаты этого длившегося всю ночь беспокоящего огня оказались поразительными. Когда на рассвете наша пехота двинулась широкой лавиной к лесу, гитлеровцы

с возгласами «Гитлер капут!» целыми группами начали сдаваться в плен. Даже одиночные наши бойцы брали в плен сразу по нескольку фрицев, для которых все уже было позади.

По словам капитана Соловейчика, несколько артиллеристов из нашей батареи тоже приняли участие в операции по прочесыванию леса. На долю связного командира батареи бомбардира Бубенца, шедшего вместе со взводом боевого обеспечения позади огневых взводов, тоже выпали немалые переживания.

— Так вот, с автоматом, готовым к бою, я осторожно пробирался между кустами, — рассказывал он. — И вдруг вижу: несколько гитлеровцев сидят под большим дубом. Я спрятался за дерево и как заору: «Хенде хох!» А они даже не вскочили, а, подняв руки вверх, тихо прошептали: «Нихт шиссен!.. Гитлер капут!» Вот так я и доставил пятерых фашистов на полковой сборный пункт для военнопленных.

— Ну и повезло же тебе! — с завистью проговорил бомбардир Слабицкий.— Я тоже хотел идти, но сержант Кугель не отпустил: «А кто будет за лошадьми смотреть?..»

— Ты, Казик, и не представляешь, как ты отличился! — восхищенно добавил Павликовский. — Писарь батареи шепнул мне по секрету, что командование будет представлять тебя к награждению медалью «За заслуги на поле боя».

— Я не ради медали ходил, — пожал плечами Бубенец, — но если дадут, не откажусь.

Результаты операции по ликвидации окруженной гитлеровской группировки мы увидели воочию, когда чуть позже миновали длинную колонну взятых в плен фашистов. Их было несколько сотен — больше, чем всех солдат в наших пехотных ротах.

Итак, окруженный под Свидвином гитлеровский 10-й армейский корпус СС был разгромлен. Только отдельным небольшим его группам удалось пробиться в северо-западном направлении, но и те вскоре были уничтожены. Наш полк продолжал продвигаться вперед.

— Товарищ хорунжий, а куда мы теперь идем? — спросил меня ехавший на лошади бомбардир Бенедикт.

— К морю, к морю, — ответил я, не скрывая своей радости.

ЦЕЛЬ — НЕПРИЯТЕЛЬСКИЙ КОРАБЛЬ

В воздухе пахло весной. К 10 марта снег уже почти совсем сошел и порывы теплого ветра немного подсушили размякшую землю. Наш 1-й Пражский пехотный полк быстро продвигался вперед, ликвидируя по пути пытавшиеся еще оказывать сопротивление группы гитлеровцев. Настроение у наших бойцов заметно поднялось.

— Товарищ подпоручник, — подбежал к Козаку Козлович, — с северо-востока доносится грохот орудий. Что это может быть?

— Это из Колобжега. Немцы называют его городом-крепостью. Они яростно обороняют его. Нашим там приходится нелегко... А может, этот грохот доносится из-под Грыфице, где советские войска ликвидируют окруженную группировку противника... Мы со второй дивизией идем к Щецинскому заливу, где и займем оборону.

К вечеру 11 марта наша походная колонна вышла из лесов восточнее Степницы и Гонсежино. Перед нами простирались просторные луга и поля с разбросанными кое-где одиночными хозяйствами. В двух километрах впереди виднелась довольно большая деревня.

Все отчетливее стал доноситься монотонный шум — иной, чем в лесу, не похожий на ветер. Я никак не мог установить его происхождение.

— Что это за шум? — спросил я проезжавшего мимо меня на велосипеде офицера.

— Вы что, не знаете? Мы же на берегу Щецинского залива! — ответил он. — Это волны! А еще ничего не слышите?

Нет, я не слышал. Хотя... впрочем, как будто бы чьи-то голоса, какой-то стук. Я вопросительно взглянул на офицера.

— Это местное немецкое население грузится на лодки, чтобы переправиться на западный берег. Мешать им не будем. Хотят, пусть убираются, — рассмеялся он и поехал дальше.

— Правильно, — одобрительно заметил кто-то из моих ребят.

Вечером наша батарея достигла берега залива в районе деревни Копице и приняла от советских артиллеристов отведенный ей участок обороны на побережье.

— О, союзники пришли сменить нас! Это хорошо, — встретил нас улыбаясь молодой лейтенант. — Впереди, в

заливе, — крейсеры, а позади осталось еще немало окруженных немецких групп. Поэтому держитесь как следует! — добавил он. — А мы идем на Щецин.

Опустилась темная ночь. Перед нами простиралась окутанная туманом, таинственная, казалось, безбрежная водная гладь. Итак, мы достигли наконец Щецинского залива, а это уже почти Балтийское море. Кто из нас, старых костюшковцев, не мечтал в далеких Сельцах на Оке дойти сюда?! Теперь наши мечты становились реальностью.

Мы молча стояли на берегу залива. Наверное, все думали об одном и том же.

— Товарищи,— предложил вдруг мой заместитель по политико-воспитательной работе капрал Крашевский, — хотя это и не Балтика, но давайте войдем в воду и «обручимся» с нашим польским морем. Пусть оно навсегда останется у Польши.

Бойцы взвода вошли по колено в залив. Некоторые даже попробовали воду на вкус.

— Знаете, даже немножко соленая, — убеждал всех Дубицкий. — Попробуйте!

Все один за другим пробовали воду, а некоторые даже наполнили ею свои фляжки.

Однако надо было возвращаться к реальной действительности.

— А теперь, — обратился я к командирам орудийных расчетов,— выделите наряд для несения караульной службы. Остальные пусть как можно скорее займутся оборудованием огневых позиций и обеспечат круговую оборону. Надо внимательно наблюдать за водой и сушей. Позади нас, в лесах, еще полно гитлеровцев. Об этом мы обязаны помнить. Оружие должно быть всегда под рукой.

Итак, мой взвод, состоявший из двух орудий, которыми командовали сержант Пивоварчик и капрал Козлович, занял огневые позиции на берегу залива, у дороги, ведущей в деревню Копице, а подпоручик Козак с другим взводом расположился в полутора километрах правее нас, в окрестностях поместья Чарноцин. Тыловые службы батареи разместились в самой деревне Копице, в одном из покинутых хозяйств.

Что касается пехоты, то ее совсем не было видно. Даже между позициями наших взводов мы не обнаружили ни одной ее огневой точки. В этой ситуации наш участок обороны казался нам чересчур большим, но что подела-

ешь, если полк двумя батальонами первого эшелона вынужден был оборонять 15 километров побережья от Сменця до Степницы, а находившимся в резерве 3-м батальоном прочесывать лежавшие сзади леса.

Работа по оборудованию позиций длилась всю ночь. Лопаты проворно двигались под аккомпанемент волн.

— До чего же приятно слушать шум морского прибоя! — Сурма то и дело всматривался в темную бездну, прислушивался к монотонному гулу.— Не мечтал,— покачивал он в задумчивости головой,— что когда-нибудь окажусь здесь.

— Ты-то еще что, из Люблинского воеводства досюда не так-то уж и далеко, а вот я... — расчувствовался сорокалетний бомбардир Жмурковский, прибывший в дивизию имени Костюшко с далекого Урала.— Кто бы мог подумать, что дойду...

Да, человек не знает, как сложится его судьба.

Около полуночи стоявший на посту канонир Вавжиняк доложил, что со стороны залива доносятся какие-то приглушенные звуки, человеческие голоса, гул моторов и даже короткие сигналы сирен. Неужели гитлеровцы решили высадить десант? Мы, правда, готовы были отразить внезапную атаку противника. Расчеты орудий находились на огневых позициях и напряженно всматривались в темную даль, но сама мысль о схватке с морским десантом всех взбудоражила. Однако ночь прошла спокойно. Утром выяснилось, что это были немецкие корабли. Пренебрегая опасностью, они удирали под покровом ночи из Щецина, над которым нависла угроза окружения советскими войсками. Это повторялось несколько ночей подряд.

В первую ночь мы так и не сомкнули глаз. Даже свободные от работы и службы артиллеристы не могли спать. Все ждали рассвета, чтобы как можно скорее увидеть новый, незнакомый нам еще морской пейзаж. Около 5.00 небо начало сереть. Из темноты медленно стали вырисовываться очертания побережья, однако над заливом еще стоял густой туман. Направо от наших позиций я увидел довольно широкую полосу высокого камыша, уходившую далеко в залив. Камыш закрывал обзор, мешал вести наблюдение. Налево от нас берег был открытым, в него вдавался небольшой заливчик. Позади нас простирался сосновый лес.

Водная гладь залива постепенно вырисовывалась из тумана.

Канонир Баран, заметив в камыше какой-то темный предмет, направился к нему, осмотрел и закричал обрадованно:

— Идите сюда! Я нашел лодку! Теперь мы можем даже высадить десант на немецкий берег!

И действительно, это была довольно большая и совершенно исправная рыбацкая лодка, которая могла вместить около десяти человек.

— Многие блуждающие по лесу фрицы мечтали бы о такой находке! Тотчас же переправились бы на ней на западный берег, — заметил Козлович.

— Давайте поплаваем на ней и поучимся грести. Надо, ребята, беречь ее как зеницу ока, — похлопал я по лодке.

Солнечные лучи разогнали наконец утренний туман, и перед нашими глазами открылась фантастическая панорама — огромная, отсвечивающая свинцом водная гладь. Даже дух захватывало от необозримого простора!

Напротив, примерно в десяти километрах, смутно виднелся другой берег, находившийся в неприятельских руках. Посредине залива торчали высокие буи, указывающие дорогу судам, а невдалеке от них беспокойно крутились два фашистских военных корабля. Укрывшись в окопе, мы внимательно все рассматривали, стараясь выяснить боевые возможности противника.

— У, прохвосты! — выругался смотревший в бинокль Козлович. — Разгуливают себе по заливу как ни в чем не бывало. Видимо, броня у кораблей хорошая. У каждого по два орудия на носу и корме, да еще какие-то башни посередине. Сколько живу на свете, ни разу еще не видел военного корабля, — говорил он, обращаясь не то к нам, не то к самому себе.— Вижу даже моряков! Может, откроем по ним огонь?

— Ты что, с ума сошел? — почему-то шепотом проговорил я.— Ведь у них восемь орудий, а у нас только два. Кроме того, мы не знаем, какая у них дальнобойность. По-моему, надо быть осмотрительными и не демаскировать своих позиций.

Гитлеровские корабли, как бешеные псы, весь день кружились по заливу, а ночью ни с того ни с сего обстреляли деревни Копице и Свентовице. Выпустили и в нашу сторону множество снарядов, которые, к счастью, не при-

чинили нам никакого ущерба: все снаряды упали далеко за позициями наших войск. Видимо, гитлеровцы хотели дать возможность своему очередному конвою под прикрытием огня беспрепятственно уйти из Щецина.

На следующий день, когда начал редеть утренний туман, стоявший на посту канонир Дубицкий заметил в заливе на расстоянии нескольких километров от берега три маленькие точки. Вначале он не придал им значения, но когда дымка рассеялась, увидел две лодки и плот, битком набитые удиравшими на западный берег немецкими солдатами. Разбудив меня, он показал на них пальцем и спросил:

— Ну и что, товарищ хорунжий, будем делать?

А что надо было делать? Я тотчас же скомандовал:

— Цель — плавающие средства противника... Прицел — пятьдесят, снаряд — осколочно-фугасный, взрыватель — мгновенного действия. Первое орудие... огонь!

Выпущенный из орудия Козловича снаряд не долетел. Мы поправили прицел. Следующий снаряд поднял фонтан воды вблизи лодки. Попасть в небольшую цель, тем более удаленную на несколько километров, трудно. А тем временем неприятельские лодки быстро приближались уже к середине залива.

— Вавжиняк, целься лучше! — крикнул возбужденный Козлович.

— Я и так уж целюсь! — огрызнулся в ответ наводчик. — Просто лодка качается и быстро идет!

Наконец очередной снаряд разорвался прямо возле одной из лодок. На мгновение столб воды заслонил ее, а когда он опустился, мы увидели, как лодка, накренившись на левый борт, медленно погружается в морскую пучину. Вскоре мы потопили и другую лодку. Остался еще плот.

— Ребята, отрежем им дорогу на запад! — бросил я.— Заставим их вернуться!

Наши снаряды разрывались впереди плота. Таким образом мы воздвигли на пути плота огненную преграду. Вначале гитлеровцы не поняли нашего намерения и продолжали мчаться вперед, но, видя, что их ожидает, повернули назад, к восточному берегу залива.

Услышав грохот стрельбы, к нам прибыли командир батареи капитан Соловейчик и начальник артиллерии полка майор Бондаравец.

— Хотим взять гитлеровцев в плен! — доложил я майору.

— Хорошо, — ответил довольный капитан. — И работаете вы неплохо, — похвалил он, приглядываясь к нашим действиям.

Вскоре чуть левее наших позиций к берегу пристал плот с четырьмя уставшими, насквозь промокшими и перепуганными немецкими офицерами, которых мы немедленно отправили в штаб полка.

Давно уже завтрак у нас не проходил в таком радостном возбуждении.

— Ветчинки не хватает...— пробормотал Вавжиняк, давясь горячей кашей, — после такой тяжелой работы!

— И чего-нибудь под ветчинку! — добавил я. Всем нам было весело.

После полудня снова появились те два гитлеровских военных корабля, которые после ночной стрельбы куда-то исчезли. Они на большой скорости приближались с севера к нашему берегу. Когда они оказались в зоне обстрела 2-го огневого взвода, подпоручник Козак решил встретить их огнем.

— Цель — корабль противника справа! — раздалась громкая команда. — Снаряд — осколочно-фугасный... Прицел — восемьдесят... Третье орудие... огонь!

Через минуту снаряд, выпущенный из орудия Бронецкого для пристрелки, полетел в направлении вражеских кораблей. Недолет — столб воды взметнулся далеко перед целью. Оптический обман сокращал расстояние на воде, что затрудняло определение правильной дистанции. Второй снаряд — снова недолет. И лишь третий разорвался возле одного из кораблей. Некоторым артиллеристам показалось, что снаряд попал в цель, и уже раздались громкие возгласы «ура!», потом прозвучала команда перейти всему взводу на беглый огонь. Однако... на кораблях блеснули вспышки и почти одновременно на позиции нашего взвода обрушился град снарядов. К счастью, обошлось без потерь — бойцов спасли глубокие окопы. Один из снарядов разорвался в полуметре от окопа Бронецкого и засыпал его землей. Несколько снарядов угодили в находившееся позади наших позиций здание. Под его развалинами погибли старик немец и несколько наших пехотинцев.

Когда немецкие корабли прекратили огонь, проверявший личный состав Козак недосчитался Бронецкого.

— А где ваш командир расчета? — забеспокоился он.

— Только что был рядом, — беспомощно озирался вокруг наводчик Бидзюковский.

Начали искать Адама и через некоторое время обнаружили торчавшие из земли сапоги. Когда сержанта откопали, он был без сознания.

Бойцы его расчета испугались. Что с их любимым командиром? Жив он, ранен или контужен? Ребята в течение нескольких минут всячески пытались воскресить командира. И воскресили. Адам получил серьезную контузию: несколько дней он ничего не слышал, а звон в ушах остался у него навсегда. Но он был жив! И все радовались этому.

Мы по-прежнему несли охрану побережья Щецинского залива. Скрывавшиеся в лесах солдаты разгромленных гитлеровских дивизий все еще пытались пробиться к заливу и переправиться на западный берег. А мы служили для них живой преградой.

Однажды ездовой бомбардир Казимерчак, возвращаясь через лес к себе в часть из расположенной поблизости тыловой службы батареи, заметил какие-то подозрительные фигуры возле одного из заброшенных бункеров. Мы тотчас же организовали облаву и схватили трех скрывавшихся в лесу гитлеровцев.

Тот факт, что немцы сумели проникнуть в расположение батареи и находились всего в нескольких десятках метров от берега залива, свидетельствовал о слабости нашей обороны, состоявшей из редко разбросанных огневых позиций орудий. При такой обороне фашисты, рассчитывая на определенную долю удачи, могли легко добраться до берега залива. Не удивительно, что мы предъявили серьезные претензии к тыловым частям и штабам, чтобы они лучше помогали нам держать оборону.

Через расположенную сзади позиций 2-го огневого взвода усадьбу Чарноцин протекала небольшая речушка, заросшая камышом и кустарником. Ее-то и использовали гитлеровцы как скрытый и удобный подход к заливу, откуда им до своих было уже рукой подать.

В одну из туманных ночей стоявший на посту Бронецкий услышал чьи-то голоса и позвякивание пустых консервных банок, развешанных на ограждении из колючей проволоки, которое защищало наши огневые позиции со стороны суши.

Бронецкий вместе со Скалецким спрыгнули в окоп и с автоматами на изготовку начали внимательно наблюдать за местностью. Через некоторое время в нескольких метрах от них, крадучись, прошли около тридцати немцев и углубились в камыши в устье речушки, впадающей в залив. Вскоре со стороны залива послышался подозрительный шум. Сержант Бронецкий тотчас же побежал к подпоручнику Козаку.

— Тебе, наверное, показалось, после той контузии, — отмахнулся сначала Козак, не придав значения его словам, но потом, на всякий случай, приказал поднять взвод.

— Я же все слышал и видел! — проговорил обиженно Бронецкий. — Если вы, товарищ подпоручник, не верите мне, спросите у рядового Скалецкого.

Козак понял, что переборщил.

— Почему не верю? — смущенно пробормотал он.— Ты же видишь: я объявил тревогу.

Ночь близилась к концу, и, когда начала уже сереть водная гладь залива, Козак своим цепким взглядом обнаружил на ней две темные точки. Это были плоты, забитые до отказа немецкими солдатами! Они осторожно скользили по воде в двух-трех километрах от берега.

— Орудия к бою! — приказал подпоручник. — Прицел — шестьдесят шесть...

Вскоре путь немцам преградили взрывы наших снарядов. Гитлеровцы, поняв, что их карта бита, вывесили какие-то белые тряпки и вернулись на наш берег. Среди них оказалось несколько офицеров, и в их числе один полковник.

Канонир Либерда, как и многие из нас, мог целыми днями любоваться морским пейзажем. Однажды он с самого утра сидел задумчиво на берегу. И вдруг заметил, как из пелены редеющего тумана показалась какая-то темная громада. Либерда моментально пришел в себя.

— Товарищ хорунжий, левее маяка, примерно в четырех километрах впереди нас — большой корабль! — поспешно доложил он мне.

И действительно, со стороны Свентовиц в нашу сторону осторожно двигалась в тумане какая-то огромная квадратная махина. Это был плавучий док.

По нему уже открыла огонь 1-я батарея 1-го полка легкой артиллерии, стоявшая в Свентовицах. Наши орудия тоже не мешкая развернули в его сторону свои стволы. Пивоварчик и Козлович выпускали снаряд за снарядом.

От стен дока полетели щепки. На этот раз наши били без промаха.

Неожиданно из-за дока вынырнули два буксира и на большой скорости устремились в Свиноуйсьце.

— Стой! Сменить цель! — заорал я. — По буксиру справа... огонь!

Однако маленький буксир — это не большой док, и в него труднее попасть. В конце концов на носу одного из буксиров вспыхнуло пламя и вверх взметнулось облачко густого дыма.

— Попали! — раздались радостные возгласы артиллеристов.

К сожалению, наш небольшой снаряд не причинил особого вреда немецкому буксиру, и тот, не сбавляя скорости, продолжал мчаться в направлении Свиноуйсьце. Вскоре оба вражеских буксира вышли из зоны нашего огня. Поэтому мы снова обрушились на док, а тот, хотя и получил более десятка серьезных попаданий, торчал на середине залива, не реагируя на удары наших снарядов. Спустя час, поняв, что нам не удастся вывести из строя этот колосс, даже если пустить в ход все свои боеприпасы, мы прекратили огонь. Нашему примеру последовала батарея 1-го полка легкой артиллерии, находившаяся в Свентовицах.

Через несколько часов со стороны Свиноуйсьце появились шедшие на большой скорости уже знакомые нам гитлеровские военные корабли. За ними мчались буксиры. Орудия моего взвода и батареи 1-го полка легкой артиллерии встретили их сильным артиллерийским огнем. В ответ прогремели залпы с вражеских кораблей. После этого они поставили дымовую завесу и под ее прикрытием отбуксировали док за пределы действия нашего огня.

Наша батарея не раз еще вела артиллерийский огонь по противнику, однако этим двум, часто появлявшимся в заливе немецким кораблям так и не нанесла ощутимого удара. Несмотря на свое довольно мощное вооружение, гитлеровские корабли предпочитали держаться подальше от берега, поэтому наши орудия не могли их достать.

Соседи слева, артиллеристы 1-го полка легкой артиллерии и батальонных противотанковых пушек, находились в более выгодных условиях. На участке их обороны залив не был таким широким, и проходившие ночью из Щецина корабли оказывались на удалении не более 500 мет-

ров от батарей, которые имели возможность вести эффективный огонь даже ночью, при свете ракет.

— Я слышал, что командир взвода 45-миллиметровых противотанковых пушек капрал Лыко уже имеет на своем боевом счету несколько потопленных вражеских кораблей и лодок. Если б мы тоже стояли в Степнице, то наверняка не пропустили бы в залив ни одного гитлеровского корабля. — В голосе Козловича прозвучала нотка зависти.

Услышав рассуждения капрала, майор Бондаравец улыбнулся, похлопал Козловича по плечу и заверил, что мы не так уж плохо стреляем.

В конце марта произошли некоторые изменения в командовании артиллерией 1-го полка и батареи. Прежний начальник артиллерии полка майор Бондаравец ушел на повышение, а его место занял командир нашей батареи капитан Соловейчик. Его прежние функции принял на себя подпоручник Козак, а меня назначили его заместителем по строевой части, или офицером-огневиком. Прибыло также пополнение, в том числе два молодых офицера, только что окончивших артиллерийское офицерское училище: подпоручник Мариан Стефаняк, назначенный на должность командира 1-го огневого взвода, и хорунжий Ян Гаевник — 2-го взвода.

Личный состав батареи также пополнился несколькими новыми бойцами: канонирами Владиславом Пешко, Гжегожем Якубовским, Станиславом Геглисом, Винценты Клосовским и Антони Вашкевичем.

Длительное пребывание в обороне и прибытие пополнения требовали организации напряженной боевой учебы. Новым бойцам и офицерам предстояло хорошо изучить материальную часть орудий, научиться споровисто их обслуживать, а расчетам — четко взаимодействовать при ведении артиллерийского огня и в случае необходимости заменять друг друга.

Итак, в батарее началась интенсивная учеба. Целью ее было помочь каждому артиллеристу овладеть несколькими воинскими специальностями, и прежде всего — наводчика и заряжающего. Необходимость этого диктовалась тем, что огневые взводы в наступлении несли, как правило, большие потери.

Однако, даже когда мы находились в обороне, война продолжала собирать свою дань. Однажды капрал Кра-

шевский принес печальное известие о состоявшихся в Копицах похоронах.

— Я сам был там, когда везли тела двух убитых артиллеристов батареи 45-миллиметровых противотанковых пушек, находившейся на правом фланге нашего полка. Рассказывают, что один из ее взводов прочесывал лес и наткнулся на группу вооруженных гитлеровцев. Немцы не хотели сдаваться и открыли огонь из автоматов. Завязался бой, в ходе которого погибли капрал Яворский и канонир Дуда, а повар батареи капрал Езерский был ранен...

Все это лишний раз доказывало, что и сейчас необходимо было соблюдать повышенную бдительность, особенно по ночам.

Наш 1-й взвод, расположившийся на берегу залива у опушки раскинувшегося позади нас большого леса, сделал соответствующие выводы и хорошо подготовился к отражению внезапного нападения со стороны суши. Были выкопаны глубокие окопы, которые давали возможность вести огонь из ручного оружия и служили укрытием для часовых, несущих ночные дежурства. Весь район расположения взвода был обнесен колючей проволокой, а в нескольких метрах перед окопами была выложена довольно широкая полоса из камыша, который, громко хрустя под ногами, сигнализировал о приближении посторонних. Для расчетов орудий мы соорудили две вместительные и прочные землянки с удобными нарами. Теперь взвод имел, как говорится, надежное охранение.

В одну из ночей поднялся сильный порывистый ветер. Он раскачивал прибрежные сосны, а поднятые им в заливе огромные волны с грохотом обрушивались на берег. Вахту в эту ночь нес молоденький бомбардир Зелькович. Ежась от холодного ветра, он уставился в ночную тьму, особенно внимательно наблюдая за просветами между деревьями. Сегодня глаза должны были заменить ему и уши, поскольку из-за шума ветра, треска ломающихся веток и громкого плеска волн практически ничего не было слышно. И вдруг до его слуха донесся иной, чем те, к которым он привык, звук — легкое потрескивание камыша. Заметив силуэты людей, он моментально выпустил вверх ракету, а своим громким возгласом «Хенде хох!» застиг врасплох двух подкрадывавшихся к нашим позициям гитлеровцев. Через минуту оба они уже оказались в плену.

— Ну и как, не страшно было, Михал?— поинтересовался один из новичков, молодой канонир Вашкевич.

— А чего же мне бояться? Ты же спал рядом, в землянке, — пошутил Зелькович.— Я ведь от самого Ленино шагаю, — добавил он серьезно.

В то время как 1-й и 2-й батальоны и артиллеристы 1-го полка стояли на берегу залива, 3-й пехотный батальон и тыловые подразделения прочесывали окрестные леса от скрывавшихся в них разрозненных групп гитлеровцев, которые на протяжении десяти дней создавали напряженную обстановку в нашем тылу, нападая на отдельные, выдвинутые далеко вперед огневые точки, тыловые службы и связных. Энергично проведенная нами операция по прочесыванию леса завершилась тем, что к концу марта общее число взятых в плен немцев увеличилось на 278 человек.

Следует откровенно признаться, что нас совсем не удовлетворяла наша судьба. После тяжелых боев на Поморском валу, которые мы вели в густых, часто непроходимых лесах, в морозную стужу и снежную метель либо под проливным дождем, боевые действия на восточном берегу Щецинского залива казались нам почти отдыхом.

В последние дни марта в батарею прибыли несколько офицеров из штаба полка. Они привезли приказ, согласно которому подпоручику Стефану Козаку присваивалось звание поручика, капитану Семену Соловейчику — майора, а сержант Адам Бронецкий был награжден бронзовой медалью «За заслуги на поле боя». В батарее всех охватила радость, и это событие было соответствующим образом отмечено. Приближались пасхальные праздники. Наши хозяйственники в полную силу готовились к ним. Известные специалисты по приготовлению домашних колбас бомбардиры Лупиньский и Гаевский охотно взялись за копчение этих редких для военного времени деликатесов. 31 марта за огромным столом, накрытым в просторной гостиной усадьбы в Конице, собралась вся батарея, кроме, естественно, тех, кто находился в карауле, но о которых мы не забыли. Между тарелками на столе оказались и бутылки. Дерлятко и Бялоокий отлично справились со своими обязанностями.

Командир батареи поручник Козак произнес короткую теплую речь. Он вспомнил о наших родных и близких, о

боевом пути, пройденном нами от далекого Ленино, и пожелал всем дожить до уже близкой победы над фашизмом. Настроение у всех поднялось... После праздничного обеда приехала группа артистов из дивизионного театра, которые доставили нам своим выступлением немало приятных минут.

В этот день на немецких военных кораблях, видимо, тоже праздновали, они так и не показались в заливе. И вообще, в последнее время они очень редко появлялись в поле нашего зрения.

Еще до пасхи мы слышали далекие взрывы со стороны Свиноуйсьце. Спустя некоторое время до нас дошли сведения, что это авиация союзников бомбардирует город и порт. После одного из налетов самолеты сбросили массу листовок, многие из них ветер донес и до нашего берега. Листовки были адресованы к немцам и призывали их к капитуляции.

В начале апреля нас собрал поручник Козак.

— Война войной, — начал он как-то неофициально, — но весна, ребята, в полном разгаре. Повсюду — необработанные поля. Придет время, и есть будет нечего. Ведь наверняка не один из вас поселится здесь. Поэтому, чтобы собрать осенью урожай, надо теперь что-то посеять. Другие подразделения полка уже приступили к весеннему севу. Давайте не допустим, черт побери, чтобы нас опередили. Что вы на это скажете?..

Вскоре на окрестных полях закипела работа. Нашлись люди, разбиравшиеся в сельском хозяйстве, — сержанты Кугель, Бронецкий, Курас, бомбардиры Павликовский, Шеремета, Хубицкий, Зиньчук и многие другие. Лошади в батарее имелись, плуги и бороны нашлись в сараях усадьбы, а посевное зерно и картофель мы тоже раздобыли. И вот в поле вышла большая группа бойцов с винтовками за спиной. За два дня мы посеяли хлеб и посадили картошку на поле в несколько гектаров.

Однако наш отдых, во время которого мы немного разленились, не мог продолжаться слишком долго. Советские войска, находившиеся на берегу Одры и Нысы, готовились к последнему, решающему наступлению на Берлин. И мы, бойцы народного Войска Польского, должны были принимать в нем участие. Вскоре поступил приказ пополнить боеприпасы и быть в полной боевой готовности.

ФОРСИРОВАНИЕ ОДРЫ

8 апреля, передав свой участок обороны кавалеристам 1-й Варшавской кавалерийской бригады, наша батарея в походной колонне своего полка двинулась на юг.

Куда мы следуем, нам никто не говорил, но «солдатская почта» действовала очень четко, поэтому неудивительно, что бомбардир Дудз знал все.

— Идем к Одре, — шепнул разведчик Высоцкому, — а потом, говорят, будем участвовать в штурме Берлина. Смотри в оба, не зевай, вдруг тебе удастся захватить в плен Гитлера. Тогда можешь твердо рассчитывать на повышение. Учтут твои заслуги перед человечеством.

Этот шепот был, по-видимому, достаточно громким, потому что спустя минуту вся батарея уже знала, что мы идем прямо на Берлин, а по дороге форсируем Одру...

Еще недавно дорожные указатели «На Берлин!» информировали о том, что до этого города две тысячи километров... Теперь до него оставалось всего сто с лишним.

Каждый из нас чувствовал, что это наступление будет последним и победоносным, и каждый хотел принять в нем участие.

Курас, Пивоварчик, Бронецкий, Райковский и многие, многие другие, прошедшие весь боевой путь костюшковцев, считали для себя за честь участвовать в штурме Берлина. На марше и привалах они учили молодых, необстрелянных бойцов из пополнения, как вести себя во время боя, чтобы не кланяться пулям и не подставлять им лоб, делились своим боевым опытом, советовали, подсказывали наперед, на что обратить внимание, когда будем форсировать Одру и сражаться в Берлине.

После утомительного пятидневного марша подразделения 1-го пехотного полка прибыли 12 апреля в назначенный район сосредоточения, в Лысогорский лес севернее Костшина, и остановились на отдых. Настроение у всех было приподнятое. Мы чистили оружие и приводили в порядок снаряжение. До Одры было рукой подать — немногим более двух километров. Гитлеровцы словно догадывались, что мы находимся именно здесь, и их артиллерия время от времени прощупывала лес с большим или меньшим эффектом. В полдень 13 апреля вражеские снаряды начали рваться неподалеку от нас, в расположении 1-го пехотного батальона. Послышались стоны раненых. Несколько наших артиллеристов бросились к ним. Через

некоторое время оттуда вернулся подпоручник Стефаняк. Он был бледен.

— Эх, на войне никогда не знаешь, что ждет тебя в следующую минуту! Сейчас погиб мой товарищ, командир взвода сорокапяток первого батальона подпоручник Эдвард Хомик. В начале марта мы вместе окончили в Хелме Любельском офицерское артиллерийское училище. Парень даже не успел принять участие в боях, — с горечью сказал Стефаняк хорунжему Гаевнику.

— Да, на фронте всякое бывает, — серьезно заметил поручник Козак. — Одни всю войну пройдут и даже царапины не получат, а другие гибнут в первый же день. Не повезло парню... Но об этом лучше не думать.

— Видели, сколько войск движется в нашем направлении?— сменил тему Павликовский.— Вся Первая армия Войска Польского подтянулась сюда с моря. Ну и дадим же мы жару фрицам! Ни перед одним наступлением я не видел такой концентрации живой силы и техники.

— Удивляешься? Это последний рубеж их «эластичной» обороны, — рассмеялся Козлович. — Но даже Одра не остановит нас.

— Берлин — большой город... — задумчиво произнес канонир Сурма. — Увидеть бы, как он выглядит!

— Будем надеяться, что наше командование позаботится о том, чтобы мы приняли участие в его штурме, — утешил канонира капрал Крашевский.

В тот же день вечером 1-й пехотный полк сменил в районе Секерок советские части, которые перебрасывались на другой участок. Батарея заняла огневые позиции для стрельбы прямой наводкой на окраине деревни, в нескольких десятках метров от переднего края обороны нашей пехоты. Артиллеристы энергично принялись окапывать орудия и готовить укрытия для расчетов.

В наступившей темноте мы не могли сразу разведать состояние обороны противника. Сквозь пелену опустившегося к вечеру тумана вырисовывались лишь очертания высокой, предохранявшей от наводнений дамбы, которую время от времени озаряли вспышки выстрелов противника, укрытого за ней.

Гитлеровцы, словно почувствовав смену войск на нашем участке, то и дело освещали ничейную полосу ракетами и периодически обстреливали наши позиции из автоматического оружия и артиллерии. Видимо, хотели показать, что не дремлют, или подбадривали себя таким

образом. Наша дивизионная разведка не теряла времени даром. Воспользовавшись темнотой, разведчики направились в сторону Одры за «языком».

Вставало туманное утро 14 апреля. Когда туман рассеялся и солнце бросило свои первые лучи на поверхность реки, нашим глазам открылся передний край обороны гитлеровцев.

Правее Секерок, примерно в километре от них, по длинному стальному мосту через Одру проходила железная дорога. Немцы, отступая, взорвали часть моста с нашей стороны, а на уцелевших западных пролетах оставили несколько вагонов и оборудовали в них огневые точки. Благодаря этому они держали под обстрелом всю реку и заболоченные подходы к ней.

Прямо перед нами, за рекой, на расстоянии 800 метров, тянулась защитная дамба высотой около восьми метров с густо расположенными в ней огневыми точками и орудиями противника, установленными для ведения огня прямой наводкой. Самой реки с наших позиций не было видно. Одер — «река судеб немецкого народа», как сказал о ней Гитлер, и последний естественный рубеж вражеской обороны...

Повсюду валялись иллюстрированные немецкие солдатские газетки, в которых всячески превозносилась «крепость на Одере», ее мощь и несокрушимость. Она действительно была последним рубежом гитлеровской обороны, однако отнюдь не несокрушимым.

Вблизи моста, справа, возвышался небольшой, частично заросший кустарником пригорок, который в результате весеннего разлива реки превратился в остров. Позади переднего края своей обороны гитлеровцы, как мы вскоре в этом убедились, возвели еще одну мощную оборонительную систему, уходящую в глубину километров на десять, до самой Старой Одры.

День 14 апреля ушел на детальную разведку обороны противника. Артиллеристы внимательно рассматривали дамбу, пытаясь найти вражеские огневые точки. Несмотря на тщательную маскировку, многие точки были обнаружены Курасом, Пивоварчиком, Бронецким, Козловичем и другими бойцами. Молодые командиры взводов — Стефаняк и Гаевник, оказавшись на передовой впервые, тоже весь день внимательно наблюдали за передним краем обороны противника, чтобы, как их учили в офицерском училище, визуально собрать о нем необходимые данные.

В то время как мы сверлили взглядом дамбу и осматривали ее окрестности, пехота и саперы готовили в близлежащем лесу подручные переправочные средства: проверяли исправность понтонов, чинили найденные у берега рыбацкие лодки, рубили деревья и делали из них плоты.

Командиры проводили совещания, договаривались о взаимодействии отдельных частей, ставили задачи своим подразделениям.

В атмосфере особой приподнятости нашлось время и для торжественной и волнующей церемонии — установки польских пограничных столбов на берегу Одры.

На рассвете 15 апреля артиллерия провела в полосе нашей дивизии короткую, но мощную артподготовку; под прикрытием ее огня наш правый сосед — 3-й батальон 2-го пехотного полка — поднялся в атаку с намерением разведать оборону противника боем.

По затопленной пойме реки бойцы этого батальона устремились к Одре, с трудом передвигаясь по доходившей им до пояса воде, неся на плечах лодки и плоты. Они уже достигли островка и начали спускать на воду переправочные средства, как вдруг ожили гитлеровские огневые точки, расположенные на дамбе и в вагонах на мосту, и на наших пехотинцев обрушилась настоящая лавина огня.

Вскоре к этим огневым точкам присоединилась и немецкая артиллерия, стоящая на закрытых огневых позициях за Одрой, и начала посылать снаряд за снарядом на захваченный нашей пехотой островок.

Тотчас же откликнулись наши орудия, открыв огонь по ожившим огневым средствам противника. Расчеты капрала Козловича, сержантов Пивоварчика, Бронецкого и Кураса вывели из строя несколько вражеских огневых точек, но неприятель продолжал поливать огнем пытающихся переправиться через реку костюшковцев. Батальон вынужден был залечь на островке и под ураганным огнем гитлеровцев вести с ними весь день героическую борьбу. Немцы взяли наших бойцов под перекрестный огонь. С высокой дамбы и из стоявших на мосту вагонов весь островок был виден как на ладони. Отойти на исходные позиции костюшковцы не могли — их бы просто уничтожили во время переправы через открытую пойму реки. Поэтому им оставалось только одно — окопаться и продержаться до вечера.

Наша артиллерия весь день прикрывала своим огнем батальон, ведущий тяжелый бой на острове, но, к сожалению, это не принесло большого облегчения.

Хотя попытка форсировать Одру батальоном 2-го пехотного полка завершилась неудачей, бойцы свою задачу выполнили. Они не только выстояли под убийственным огнем вражеской артиллерии и пулеметов, но и разведали оборонительную систему противника и сконцентрировали переправочные средства для успешного форсирования реки.

Вечером 15 апреля командир батареи поручник Козак поставил перед нами боевую задачу:

— Завтра утром мы форсируем Одру. Наш 1-й пехотный полк должен переправиться через реку в районе деревни Секерки, захватить дамбу, а затем деревню Нойрюдниц. В первом эшелоне пойдет 1-й батальон, за ним — 2-й и 3-й. Наша батарея к концу артподготовки должна огнем прямой наводкой уничтожить уцелевшие огневые точки противника, помочь 1-му батальону форсировать Одру и поддержать его наступление в глубину обороны противника. Через реку переправимся на пароме, который соорудят саперы. Вопросы есть?

— А где будут форсировать Одру другие польские части? — спросил подпоручник Стефаняк.

— 2-й пехотный полк форсирует реку правее нас, у железнодорожного моста, а 3-й будет двигаться во втором эшелоне дивизии. Левее нас наступает 2-я пехотная дивизия. Один из ее полков форсирует Одру в районе деревни Старе Лысогурки, а остальные нанесут удар с плацдарма под Гоздовицами. 6-я пехотная дивизия вступит в бой на правом фланге нашей дивизии, за железнодорожным мостом.

На батарее все сразу же оживились. Наконец-то мы будем бить гитлеровцев на их собственной земле!

Вечером на огневых позициях зачитали специальное обращение командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Жукова, адресованное польским воинам. В нем говорилось, что слава наших побед, героизм и мужество, проявленные нами на полях сражений, дают нам право принять участие в окончательном разгроме фашизма. Заканчивалось обращение словами: «Вперед, на Берлин!»

Был зачитан также приказ командующего 1-й армией Войска Польского, в котором генерал Станислав Поплавский напоминал о необходимости гуманного отношения к

немецкому гражданскому населению и сдающимся в плен гитлеровцам.

Лозунг «Вперед, на Берлин!» — воплощение наших давнишних мечтаний — вызвал у нас небывалую энергию и подъем.

Опустилась ночь. Как же долго она тянулась! Бойцы не могли сомкнуть глаз. Ждали... ждали нетерпеливо, поскольку дорожные указатели извещали, что до столицы третьего рейха осталось всего 60 километров.

И вот наступил долгожданный час!

Ночная темнота еще окутывала наши огневые позиции, когда с юга, с плацдарма под Костшином, до нас долетел далекий грохот канонады. Одновременно ярким светом вспыхнули сотни прожекторов, ослеплявших немецкие огневые точки. Это на направлении главного удара перешли в наступление основные силы 1-го Белорусского фронта!

В 5.15 пронзительный вой «катюш» дал сигнал к началу артиллерийской подготовки на нашем участке. Тысячи орудий обрушили свой смертоносный груз на оборонительные позиции гитлеровцев, прокладывая пехоте дорогу к Одре. Стоял несмолкаемый грохот, дым перемешался с утренним туманом и окутал приодрскую долину. После получасовой огневой обработки передней линии противника артиллерия перенесла свой огонь в глубь его обороны.

Первым, погрузившись на амфибии, начал переправу советский батальон. Он форсировал Одру и захватил небольшой плацдарм на дамбе.

Бойцы моей батареи азартно уничтожали ожившие вражеские огневые точки. Прямой наводкой вела по врагу огонь и батарея 76-миллиметровых орудий 1-го полка легкой артиллерии, занимавшая огневые позиции на проходившей через Секерки дороге.

Вскоре возвратились амфибии, и на них быстро погрузился 1-й батальон под командованием капитана Войно. Одновременно на лодках и плотах с островка двинулся к другому берегу 3-й батальон 2-го пехотного полка, а следом за ним и остальные подразделения полков, находящихся в первом эшелоне. По реке плыли лодки, плоты, амфибии, паромы — все, на чем можно было переправиться.

Хотя наш массированный огонь, казалось, парализовал оборону гитлеровцев, на дамбе и железнодорожном мосту

уцелело еще немало их огневых точек. И теперь, увидев плывущих в их сторону польских бойцов, гитлеровцы открыли по ним яростный огонь из пулеметов, орудий и минометов. Взлетали в воздух обломки лодок, гибли люди. Однако атаку польских бойцов ничто уже не могло остановить. Уцелевшие карабкались на дамбу, прокладывая себе дорогу вперед в рукопашном бою. Метр за метром они неуклонно продвигались на запад.

Первый эшелон нашего полка форсировал Одру. Теперь должны были переправляться и наши орудия. Однако саперы почему-то запаздывали с сооружением парома.

— Хорунжий! — пытаясь перекричать грохот стрельбы, обратился ко мне поручник Козак. — Наша пехота, высадившаяся на другом берегу, нуждается в непосредственной артиллерийской поддержке! Возьми кого-нибудь из бойцов и разведай возможность переправы орудий через Одру с островка! Только быстро!

Я вызвал капрала Кочука, и мы с ним побежали. Погрузившись по пояс в воду, добрались до островка. Кругом следы вчерашнего убийственного огня гитлеровцев и сегодняшней кровопролитной переправы: разбитые переправочные средства, множество трупов. Среди них — несколько наших бойцов.

— Ну что ж... — сказал я побледневшему Кочуку, — гитлеровцы за это заплатят.

Необходимо было как можно скорее поддержать огнем прямой наводкой атаку ведущих неравный бой пехотинцев. Но где взять хоть одну лодку или плот, на которых можно было бы переправить орудие, весившее тонну, да еще с расчетом и боеприпасами? Внимательно осмотревшись, я не нашел ничего подходящего. Пришлось возвращаться в Секерки с пустыми руками.

Еще издалека я увидел Козака, который махал мне рукой. Оказывается, саперы соорудили паром, уложив на два понтона настил из досок. Отбуксирует его советская амфибия. На нем можно переправить орудие и около взвода бойцов. Пока я говорил с Козаком, командир 1-го взвода подпоручник Стефаняк, получавший боевое крещение здесь, на Одре, уже форсировал реку с орудием капрала Козловича. А я должен был переправиться следующим заходом, с орудием сержанта Пивоварчика.

Бронецкий доложил мне о потерях, которые понесла батарея во время моего недолгого отсутствия. Один из немецких снарядов пробил крышу дома. Осколками убило

находившихся в окопе командира 2-го огневого взвода молодого хорунжего Яна Гаевника, впервые принимавшего участие в боях, и старого костюшковца канонира Яна Рудзиньского. Трое бойцов были тяжело ранены. Их отправили в медпункт. Командование 2-м взводом принял Курас. Значит, наступление пехоты опять придется поддерживать только тремя орудиями.

Тем временем вернулся паром и саперы привезли последние новости. Наша пехота уже оттеснила гитлеровцев к железной дороге, проходившей в полукилометре от деревни Нойрюдниц. 1-й полк вырвался далеко вперед, а его соседи справа и слева были остановлены немцами.

Воспользовавшись этим, фашисты при поддержке нескольких танков предприняли контратаку из деревни Нойрюдниц. Наша пехота, которая могла рассчитывать только на огонь своего автоматического оружия и батальонных минометов, не имела возможности отразить столь сильный удар противника и испытывала острую нужду в непосредственной поддержке артиллерией.

Мы быстро погрузились. Амфибия, опустившись до самого борта в воду, буксировала паром с нашим орудием, бойцами расчета, несколькими ящиками снарядов и взводом минометов. Как только мы отплыли от берега, с моста застрочил гитлеровской пулемет. Очередь срезала несколько ветвей прибрежных березок. Неужели нас уже заметили? Вскоре мы оказались на середине Одры. Вражеская артиллерия вела непрерывный заградительный огонь, пытаясь помешать переправе наших частей. Вокруг бурлила река, взмывали вверх фонтаны воды и с шумом падали вниз. Слева, под дамбой, саперы устанавливали дымовую завесу, черное облако медленно ползло по реке.

И тут на наш паром обрушились пулеметные очереди, поразив людей и перебив буксирный трос. Водитель амфибии, не имея возможности хоть чем-нибудь помочь нам, повернул свою машину в мертвую зону. Старший на пароме, офицер саперов, рядовой Баран и несколько артиллеристов и минометчиков получили ранения. Наверняка были и убитые.

Когда мы увидели, что течением паром уносит под мост, откуда стрелял гитлеровский пулемет, началась суматоха. От западного берега нас отделяло чуть более ста метров.

— Прыгайте в воду! — послышался голос какого-то солдата. — Доберемся вплавь!

— Стойте! — крикнул я. — Беритесь за весла и доски и гребите к берегу! Немцы только и ждут, когда наш паром отнесет к ним под мост!

Итак, я как бы принял на себя командование людьми на пароме. И мы выиграли эту гонку со смертью. Лихорадочно гребя чем попало, мы вскоре вошли в мертвое пространство и пристали к спасительному берегу в двухстах метрах от указанного нам места высадки.

Менее чем на полутуракилометровом участке западного берега Одры, захваченном форсировавшими ее частями 1-го и 2-го полков, сосредоточилось множество боевой техники: батальонные минометы, 45-миллиметровые противотанковые пушки, наши орудия.

По узкой тропинке, бегущей у подножия дамбы, мы осторожно, чтобы орудие не свалилось в реку, вручную подкатили его к переправившемуся первым орудию капрала Козловича и перенесли с плота ящики со снарядами. А затем, не обращая внимания на яростный огонь противника, на руках втащили оба орудия на вершину крутой дамбы. Полковые пушки подпоручника Кевлича уже находились там и вели огонь по гитлеровцам. Вражеские танки по-прежнему атаковали нашу пехоту, залегшую в двух сотнях метров от подножия дамбы. Орудия Пивоварчика и Козловича открыли по ним огонь прямой наводкой. Танки не остались в долгу. Отдельные снаряды с громким свистом пролетали над нашими головами и падали в Одру. По-видимому, наш огонь оказался эффективным, ибо немецкие танки начали медленно отходить, пока не скрылись в сумраке надвигающегося вечера.

— Мариан, как самочувствие? — спросил я лежащего возле меня подпоручника Стефаняка, новичка.

— В порядке...— коротко ответил он.

— Постепенно привыкнешь. Фронт лучше любого училища.

Вскоре к нам присоединился командир батареи поручник Козак с третьим орудием сержанта Бронецкого. Их паром тоже был обстрелян немецким пулеметом, который поставил такой огневой заслон, что водитель амфибии даже был вынужден пережидать некоторое время у берега островка в пойме реки.

Гитлеровская артиллерия беспрерывно вела огонь по дамбе и району переправы на Одре. Вскоре в общем грохо-

те мы уловили тяжелое уханье орудий большого калибра, которые, по-видимому, вели огонь с закрытых огневых позиций.

С наступлением темноты мы спустились на западную сторону дамбы и расположились прямо на переднем крае. Бойцы буквально валились с ног от усталости.

Переправа других наших частей через Одру не прекращалась ни на минуту. Поздно вечером старшина батареи сержант Бялоокий привез нам горячую пищу — сразу обед с ужином. Ребята засыпали с поднесенной ко рту ложкой.

— Мы с Зиньчуком тоже попали в переплет во время переправы, — рассказывал мне Бялоокий. — Когда мы погрузили в лодку термосы с супом и кофе, мешки с хлебом, тушенкой и сахаром и уселись сами, откуда ни возьмись подплыла советская амфибия и ее водитель спрашивает: «Вы куда, товарищи, собрались?» Я ему отвечаю: «На другой берег, к артиллеристам 1-го пехотного полка». «Хорошо, — говорит он,— разыщем» — и добавляет, что они уже за дамбой. Привязали мы лодку веревкой к амфибии и помчались, но водитель в темноте заблудился в пойме и привез нас к мосту. Вдруг сверху как загрохочет станковый пулемет! Хорошо, что мы были уже у берега. Высадились, Зиньчук перерезал веревку, амфибия быстро отплыла, а мы — термосы в руки, мешки за спину и... в воду. К счастью, там было не очень глубоко.

— Одним словом, еще немного — и мы остались бы без ужина. Молодцы! — снисходительно похвалил их Пивоварчик.— Но чтобы вас утешить, скажу, что наш паром немцы тоже обстреляли, даже буксирный трос перебили пулей. Еще немного — и вам некого было бы кормить.

Позже мы узнали, что в эту ночь еще несколько наших лодок заблудились в темноте.

— Значит, их еще не выкурили... — задумчиво произнес я вслух.

— Это не так-то легко сделать, — повернул голову к невидимому в темноте мосту Бронецкий. — Сидят себе в вагонах и постреливают. Как их оттуда выкуришь? Даже подходы к мосту держат под прицельным огнем.

Утром 17 апреля костюшковцы возобновили атаку на яростно оборонявшуюся деревню Нойрюдниц. Наши лошади остались на восточном берегу Одры, поэтому почти це-

лых три километра нам пришлось вручную катить орудия и нести ящики с боеприпасами. Правда, в этом нам помогала пехота, которая вчера имела возможность убедиться в том, как боятся гитлеровские танки наших полковых орудий.

Прошло более часа, прежде чем мы наконец перетащили пушки и заняли огневые позиции у железнодорожной насыпи. Впереди роты 1-го пехотного полка вели ожесточенный бой за Нойрюдниц. Местность перед деревней была открытой, если не считать нескольких одиночных деревьев у дороги да пересекавших ее мелиорационных каналов.

Наши орудия, ведя огонь прямой наводкой, поддерживали атаки пехотинцев. Они уничтожили ряд огневых точек противника и держали на расстоянии прятавшиеся за домами гитлеровские танки и самоходные орудия, которые время от времени выползали и обстреливали нас из пушек.

Бой продолжался. Однако мы не продвинулись вперед и деревня еще не была взята.

К полудню поручник Козак решил.

— Будем передвигать орудия по одному вперед. Сначала вон до того кустарника, — показал он подбородком на зеленый островок примерно в трехстах метрах впереди нас. — Первым пойдет Курас с орудием Бронецкого. А ты, Стефаняк, со своим взводом прикроешь их.

У бойцов жилы напрягались и затекали руки, когда они вручную быстро перекатывали орудия через насыпь, а затем с усилием преодолевали оставшиеся триста метров. Однако вскоре все три орудия стояли на месте и из-за хилого зеленого укрытия стреляли по гитлеровским огневым точкам в крайних домах деревни.

Третье орудие находилось чересчур близко от окопа, в котором разместился командный пункт 1-го батальона, поэтому командир батальона приказал передвинуть его подальше. Во время переброски орудия на новую огневую позицию между одиночными кустами, растущими у дороги, гитлеровские танки засекли его. Наблюдавший в бинокль подпоручник Стефаняк, увидев появившиеся из-за домов танки, открыл по ним огонь из своих двух орудий. Однако противник упредил его: один из снарядов вражеского танка разорвался возле третьего орудия. Сержанта Кураса тяжело ранило, наводчик-бомбардир Бидзюковский потерял руку, а помогавший катить орудие пехотинец был

убит на месте. Погиб также заряжающий канонир Скалецкий. Еще два артиллериста были ранены — к счастью, легко. Серьезно пострадало и орудие. Командир расчета Адам Бронецкий, который не получил даже царапины, чуть не плакал от горя, бессмысленно упрекая себя в гибели товарищей, проклиная судьбу, войну и Гитлера.

Теперь мы вынуждены были поддерживать действия пехоты только двумя орудиями.

Полковая батарея противотанковых пушек, находящаяся в боевых порядках пехотинцев, не менее успешно поддерживала атаки костюшковцев. Командир взвода этой батареи хорунжий Чеслав Пеля рассказал мне потом, что немецкие танки и у них вывели из строя два орудия.

Кровопролитный бой за Нойрюдниц не прекращался. После обеда мы получили солидную огневую поддержку: с плацдарма под Гоздовицами прибыло несколько артиллерийских батарей, в том числе и батарея прославленных «катюш». В результате мощь огня, обрушившегося на деревню, заметно возросла. «Катюши» дали несколько сокрушительных залпов по оборонявшимся гитлеровцам, и сопротивление противника сразу ослабло. Воспользовавшись этим, костюшковцы поднялись в атаку, и к вечеру мы ворвались в Нойрюдниц... Бои в самой деревне продолжались еще некоторое время, но судьба фашистского гарнизона была уже предрешена. Вскоре Нойрюдниц был окончательно очищен от немцев и мы заняли огневые позиции в боевых порядках пехоты, на окраине деревни, направив стволы своих орудий в сторону другого населенного пункта — Нойкюстринхена, преграждавшего дорогу на Берлин. Артиллеристы, хотя и валились с ног от усталости, без лишних слов принялись рыть окопы для личного состава и оборудовать позиции для орудий. Даже молодые бойцы уже знали, что от огня противника может спасти только матушка-земля.

Поздним вечером к нам присоединились взвод боевого питания и орудийные упряжки с лошадьми. Сержант Трейтман доставил из-под Нойрюдница поврежденное орудие Бронецкого и взялся энергично ремонтировать его.

Когда все уже было готово к завтрашнему дню, я почувствовал какую-то тяжесть в голове, руках, ногах... Все вокруг меня начало приобретать неясные очертания, расплываться перед глазами, и я уснул. Из тяжелого, беспокойного сна меня вырвали лучи восходящего солнца. На-

чался новый день тяжелых боев в пойме между Старой и Новой Одрой.

Темпы нашего наступления с каждым днем возрастали. Вчера 6-я пехотная дивизия форсировала Одру правее железнодорожного моста и нанесла сокрушительный удар по гитлеровским позициям, вклинившись на два километра в глубину немецкой обороны и прикрыв правый фланг наступающих костюшковцев.

Из дымки утреннего тумана постепенно вырисовывались очертания построек Нойкюстринхена.

Наша артиллерия, стоявшая на закрытых огневых позициях, обрушила мощный огневой шквал на засевших в деревне немцев. После непродолжительной артподготовки пехота при поддержке орудий бросилась на штурм. Фашисты не выдержали нашей атаки, и мы ворвались в деревню. Пушки, которые теперь тащили отдохнувшие лошади, вошли в Нойкюстринхен почти одновременно с пехотой.

Пехотинцы получили короткую передышку, а мы, промчавшись в другой конец длинной и плотно застроенной деревни, заняли удобные позиции между домами и открыли огонь по засевшим в Адлиг-Ретце гитлеровцам.

Укрывшись в сарае, я внимательно разглядывал в бинокль эту небольшую, расположенную примерно в километре от нас деревню, в которую из Нойкюстринхена вела прямая дорога.

— Видишь, из окна вон того красного кирпичного здания ведет огонь вражеский пулемет, — взволнованным голосом проговорил подпоручник Стефаняк.— Ну что, ликвидируем его?

— Да, из орудия Козловича, — коротко ответил я, не отрывая глаз от бинокля. Стефаняк был уже внизу, когда я добавил:— А Пивоварчик пусть разрушит баррикаду, преграждающую дорогу в деревню. По десять снарядов на каждое орудие.

Спустя минуту грохот наших пушек потряс близлежащие постройки.

«Молодцы, ребята!» — мысленно похвалил я наводчиков Куликовского и Вавжиняка. В бинокль была видна брешь в стене красного здания — верный признак того, что от вражеского пулемета не осталось и следа, а баррикада у входа в деревню превратилась в груду мусора.

Сопротивление гитлеровцев постепенно ослабевало. Несмотря на хорошо организованную оборону с использова-

нием кирпичных домов, танков и артиллерии, включая зенитную, расположенную на высоких холмах в районе Бад-Фрайенвальде, они не выдержали наших нараставших ударов.

К полудню появился командир батареи.

— Приготовьтесь к атаке, — сказал он. — Как только начнется артподготовка, дайте по пятнадцать снарядов по обнаруженным целям или по передним домам деревни. Лошадей держите под рукой, сразу же после этого двинемся за пехотой.

После окончания артподготовки расчеты в боевых порядках пехоты ворвались в Адлиг-Ретце. Гитлеровцы еще сопротивлялись в центре деревни, а мы, не теряя времени, заняли позиции на ее окраине.

Оставшийся временно без орудия «безработный» Броиецкий крикнул мне почти в самое ухо:

— Сзади слева, со стороны Фридрихсхофа, между деревьями пробирается какая-то группа численностью в несколько десятков человек! Идет прямо на нас!

Издалека даже в бинокль трудно было различить их форму. Однако мы на всякий случай зарядили орудия, а наводчики Вавжиняк и Куликовский склонились над ними, ожидая только команды «Огонь!». Когда группа приблизилась, мы увидели, что это гитлеровцы. Они тоже заметили нас и, падая на землю, открыли огонь из автоматов.

Раздалась команда, и снаряды из орудий капрала Козловича и сержанта Пивоварчика начали рваться в расположении залегшей вражеской группы. В этот момент нам очень пригодился пулемет — трофей еще с Поморского вала. Я все время возил его на передке орудия. Пристроившись в саду за кучей компоста, я открыл из него огонь по немцам.

Пригвожденные к земле гитлеровцы не выдержали нашего огня и спустя минуту начали размахивать из-за деревьев белыми тряпками.

Мы прекратили стрельбу. Несколько наших артиллеристов бросились бегом к немцам. Это были, как выяснилось, летчики, которых из-за нехватки горючего для самолетов использовали как пехотинцев. Насладившись видом теперь уже покорных немецких летчиков, мы передали их в тыл.

Вскоре вся деревня Адлиг-Ретце была очищена от фашистов. Однако дальнейшее наше продвижение вперед

сдерживала расположенная за этой деревней гитлеровская артиллерия, которая продолжала обстреливать передовые цепи наступающих. Особенно большие неприятности доставляли нам зенитные орудия врага, установленные на холмах, простиравшихся за Старой Одрой. Грохот их выстрелов доносился до наших ушей одновременно с пронзительным воем неожиданно разрывавшихся в воздухе, прямо над головами, снарядов, осколки которых поражали наших бойцов.

За деревней проходила защитная дамба, находившаяся пока еще в руках фашистов. За рекой лежал небольшой городок Альтранфт, а дальше, правее, виднелся живописно раскинувшийся на склонах возвышенности город Бад-Фрайенвальде.

Пехотинцы залегли в нескольких десятках метров впереди нас, на краю небольшого размокшего луга, отделявшего их от дамбы. Чтобы укрыться от убийственного огня противника, они быстро окопались. Необходимо было как можно скорее засечь вражеские огневые точки на дамбе и в домах расположенного за ней Альтранфта.

Мы установили два наших орудия на лежащем правее Адлиг-Ретце небольшом пригорке, поросшем довольно густым кустарником и одиночными деревьями, но хорошо видимом с сахарного завода и других более высоких зданий за Старой Одрой.

Как только закончился очередной обстрел гитлеровской артиллерии, я пошел проверить орудийные расчеты. Они нашли безопасное место за пригорком, поэтому все бойцы были невредимы. И вдруг смотрю: нет подпоручника Стефаняка. Начинаю искать его, наконец нахожу — сидит себе спокойно в неглубоком окопчике на западном склоне пригорка, который наверняка хорошо просматривается гитлеровцами. Я опешил.

— Мариан! — крикнул я ему, придя в себя. — Почему ты там торчишь? Немцы могут тебя в любую минуту подстрелить. Вылезай оттуда немедленно! — рявкнул я.

Он спокойно посмотрел на меня и не пошевелился. Я резко повернулся и отправился на свой наблюдательный пункт.

Не прошло и пяти минут, как гитлеровская артиллерия снова обрушила на нас свой огонь. Я почувствовал, что несколько снарядов разорвалось точно в том месте, где сидел Стефаняк. Сердце мое сжалось при мысли, что он не успел уйти оттуда. Но нет, успел. Подошел ко мне

и, смущенно переступая с ноги на ногу, глухим голосом поблагодарил меня за то, что я ему спас жизнь.

Мы пролежали на пригорке до наступления сумерек. Вечером на батарею явился и лихо доложил о своем возвращении из госпиталя наш старый друг бывший командир 1-го расчета сержант Кароль Павлик, раненный под Выгодой при освобождении Праги.

— Ну вот, теперь у меня опять четыре командира орудий, — похлопал его по плечу поручник Козак. — Только пока, черт побери, одно орудие приходится на двух командиров, — рассмеялся он. — Ну ничего, не переживайте, Павлик. Трейтман уже заканчивает ремонт поврежденных пушек. На днях укомплектуем расчеты и вы снова станете командиром орудия, правда второго, поскольку первое забрал у вас капрал Козлович.

Почти всю ночь мы проговорили с Каролем. Наша беседа неоднократно прерывалась вспыхивавшей то и дело артиллерийской перестрелкой.

Только на следующий день после короткой артподготовки наша пехота двинулась по хлюпающему под ногами болоту в атаку на дамбу и после короткого штурма овладела ею. А справа, со стороны разрушенного моста, к Старой Одре вышли роты 3-го пехотного полка.

Утром 20 апреля в небе появились самолеты.

— Смотрите, наша авиация бомбит немцев! — обрадовался сержант Павлик.

И действительно, густое облако черного дыма окутало расположенный в трех километрах от нас район неприятельской обороны.

Батарея переправилась через Старую Одру по мосту в местечке Нойгауль и в тот же день миновала Бад-Фрайенвальде.

Преследование быстро отступающего противника продолжалось.

НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

Походная колонна нашего 1-го пехотного полка продвигалась на запад по проложенному в лесу шоссе. В нескольких километрах впереди нас время от времени раздавалась стрельба из автоматического оружия. Это шедшие в первом эшелоне 2-й и 3-й пехотные полки преодолевали сопротивление неприятельских заслонов.

Наша батарея следовала сразу же за 3-м пехотным батальоном. Все орудия были уже отремонтированы. Пав-

лик и Бронецкий снова стали командирами вновь укомплектованных расчетов.

— Здравствуйте, артиллеристы! — Это нас приветствовал, остановившись у дороги, хорунжий Сежпутовский.

— Привет, Стась! — обрадовался я. — Давненько мы с тобой не виделись! Служим вроде бы в одном полку, но в последнее время тебя что-то не видно. Как твои дела?

— Да ничего, живем помаленьку, на здоровье пока не жалуюсь, на погоду тоже, — пошутил он и начал рассказывать о себе.

Из Старого Солотвина, под Житомиром, где стояла наша батарея, его направили в Залещики для проведения призыва в Войско Польское. Возвратившись в полк, он получил назначение на должность заместителя командира взвода полковой конной разведки. Из-под Яблонны был откомандирован на учебу в офицерское училище 1-й армии Войска Польского в Рембертуве. После его окончания получил звание хорунжего и с февраля служит заместителем командира 9-й пехотной роты по политико-воспитательной работе.

Одру Стась форсировал в первом эшелоне батальона вместе с 1-м и 2-м взводами, в то время как два его взвода отражали на западном берегу контратаки гитлеровских танков и пехоты. С 3-м взводом переправился во втором эшелоне через Одру командир 9-й роты поручник Шимон Руй. Смертельно раненный в висок во время переправы, он позвал Стася, чтобы попрощаться. Умер Шимон по дороге в Секерки. Командир полка подполковник Максимчук приказал Стасю принять роту.

— Вот так и командую,— закончил свой короткий рассказ Сежпутовский. — Это моя рота шагает впереди вас. Замечательные и храбрые ребята...

— Поздравляю с повышением, — обнял Стася прежний его начальник хорунжий Высоцкий.

— Спасибо, но такое повышение не очень радует... Если бы Руй был жив...— покачал головой Сежпутовский.

— Что поделаешь, браток, война есть война, — заметил Высоцкий.

— А вы знаете, — вдруг сменил тему Стась, — нам обещают два дня отдыха, чтобы привести части в порядок. Думаю, пригодится.

И действительно, наш 1-й полк отдыхал несколько дней — вначале в деревне Данненберг, а потом в Целендорфе.

Мы набирались сил, готовились к предстоящим боям.

— Вскоре, возможно, мы встретимся с войсками западных союзников, — сказал нам на совещании командир батареи.— Чтобы избежать при этом недоразумений, наше командование установило, что опознавательным сигналом будет серия красных ракет. В других целях применять их запрещается. Доведите это до сведения всех бойцов батареи.

— А где сейчас находятся американцы? — спросил я.

— Говорят, подходят к Эльбе.

— Только бы они раньше нас не захватили Берлин! — с беспокойством в голосе воскликнул Стефаняк.

Эта мысль никому из нас не давала покоя. Мы нервничали из-за этого, только об этом и говорили. Ведь мы хотели первыми войти в Берлин!

В это время 2-й и 3-й пехотные полки достигли канала Гогенцоллернов, а 2-я пехотная дивизия держала оборону западнее 1-й дивизии, в районе канала Руппинер.

До 27 апреля в нашей батарее, да и вообще во всем 1-м пехотном полку, было относительно спокойно, но в этот день спокойствие вдруг нарушила тревога.

— Приготовиться к выступлению! — раздались всюду слова команды.

— Куда направляемся? — этот вопрос задавался чаще всего.

— На помощь второй дивизии, — отвечали командиры.— Немцы контратакуют с севера. Скоро узнаем все точнее.

После нескольких часов форсированного марш-броска мы добрались до участка обороны 5-го полка 2-й пехотной дивизии, на опушке леса, в трех километрах севернее Ораниенбурга. Его бойцы подробно проинформировали нас о сложившейся обстановке. Так вот, два дня назад большое подразделение гитлеровцев из оперативной группы генерала Штайнера, пытавшейся пробиться из Мекленбурга на помощь окруженному Берлину, при поддержке танков и артиллерии преодолело мост через канал Руппинер и неожиданно нанесло удар по стыку 5-го и 6-го полков. Домбровцы не выдержали внезапной контратаки, и фашистам удалось вклиниться на полтора километра в глубь их позиций. В течение двух последующих дней шли кровопролитные бои. Правда, бойцам 5-го полка удалось потеснить немцев, но их плацдарм у моста через канал

Руппинер представлял по-прежнему серьезную угрозу частям 2-й пехотной дивизии.

Перед нами простирался большой, шириной в несколько сот метров, луг. За ним возвышался лес. Наша батарея должна была поддерживать наступление находящегося на левом фланге 3-го батальона.

Утром 28 апреля костюшковцы при поддержке огня наших орудий и орудий 1-го полка легкой артиллерии перешли в атаку на гитлеровские позиции и углубились в лес, где завязался упорный бой. Как только подъехали орудийные упряжки, мы передвинулись вперед и заняли огневые позиции на дорогах, идущих по обеим сторонам густого молодого сосняка, окаймленного справа и слева старым лесом. Наши пехотинцы, не обращая внимания на сильный огонь неприятельской зенитной артиллерии, снаряды которой, словно шрапнель, разрывались в воздухе, смело продвигались вперед, используя приобретенный на Поморском валу боевой опыт, поскольку действовать приходилось в аналогичных условиях.

Справа от сосняка находились орудия Пивоварчика и Бронецкого, слева — Козловича и Павлика. Их расчеты буквально разрывались на части, поддерживая своим непосредственным огнем атаки пехотинцев. После нескольких часов ожесточенных боев гитлеровцы были отброшены за канал; на следующий день нам удалось захватить их укрепленные пункты у моста, и немецкий плацдарм на канале Руппинер был полностью ликвидирован. Попытка противника прорваться на этом участке завершилась полным провалом.

Уже после боя, обходя неприятельские позиции на другом берегу канала, я на каждом шагу натыкался на брошенное поспешно отступающими гитлеровцами вооружение и снаряжение. Валялись даже мундиры и фуражки. Видимо, хозяева побросали их, переодевшись в гражданскую одежду.

К полудню 30 апреля мы получили приказ немедленно передать свой участок обороны частям 2-й пехотной дивизии.

Это было для нас полной неожиданностью, поскольку мы организовали у канала довольно прочную оборону и ничто не указывало на то, что нам придется вскоре отсюда уходить.

Но поручник Козак так объяснил нам все:

— Командование решило поощрить нашу дивизию, вы-

делив ее для участия в непосредственном штурме Берлина...

Не знаю, хотел ли командир батареи еще что-нибудь добавить, но, если бы даже и хотел, ему это не удалось бы. Охвативший нас восторг заглушил все вокруг.

— А я что говорил! — кричал Крашевский, колотя Сурму по плечу кулаком. — Что войдем в самое их логово!

— Говорил, говорил... — поддразнил его Бронецкий. — Ты, Крашевский, всегда все знаешь, — добавил он и вдруг по-мальчишески высоко подпрыгнул, издав радостный вопль.

А на меня нахлынула волна какого-то необычного тепла.

«Значит, все-таки пойдем на Берлин», — тихо шептал я про себя.

И мы пошли. Забрали с собой лишь орудия, боеприпасы и самые необходимые вещи, оставив лошадей и обозы, которые должны были позднее догнать нас. Орудия прицепили к подъехавшим автомашинам и, теперь уже «моторизованные», в составе длинной, растянувшейся на несколько километров колонны с песнями двинулись в путь. Ехали как на учение или парад, а не на кровопролитный бой. И никто даже не думал, что многие не вернутся домой, что последние дни войны станут для кого-то из нас последними в жизни, что смерть вырвет многих из рядов победителей.

В наши руки попала листовка, выпущенная командованием 1-й пехотной дивизии имени Т. Костюшко:

«Костюшковцы! Вот уже в течение двух лет вы вместе с бойцами братской Советской Армии наносите удар за ударом по гитлеровским солдатам. Ваш боевой путь от Ленино через Прагу, бои в Поморье и форсирование Одры — путь, отмеченный большими победами, подходит сегодня к концу.

Костюшковцы! Мы идем на штурм логова гитлеровского зверя. На вашу долю выпала высокая честь, вы — вооруженные силы несгибаемого народа, гордо поднимете на развалинах Берлина бело-красное знамя, символ Польши, которая не погибла и не погибнет...»

Мы быстро миновали один за другим пригородные поселки, держа курс на юго-запад, все ближе и ближе к Берлину. Проезжали мимо покидающих город отдельных групп людей, одетых в гражданскую одежду, идущих

вдоль обочин дорог с небольшими тележками со скромными пожитками. Это возвращались в свои страны насильно вывезенные на принудительные работы в Германию русские, французы, итальянцы, голландцы, поляки...

— Да здравствует Польша! — долетали до нас сквозь гул моторов возгласы французов.

— Дорогие наши освободители, — наполнялись слезами глаза поляков, когда они видели нас.

Эхо артиллерийской канонады с каждым часом усиливалось. Мы проехали Фалькензее, и перед нами вырос Берлин в море огня и дыма. Думали ли о возмездии Гитлер и другие нацистские руководители, толкая свою страну сеять смерть, которая сейчас обрушилась на них, сокрушая все на своем пути? То, что я видел, трудно забыть до сегодняшнего дня: Берлин, охваченный огнем. Я смотрел на этот огромный горящий город, и мне вспомнилась наша Варшава, которую я видел со стороны Праги в сентябре 1944 года...

Мы продолжали путь. Советские бойцы радостно приветствовали нас, тем более что штурмующая город с запада 2-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника Богданова понесла в ходе последних уличных боев большие потери.

По дороге мы пытались сориентироваться в боевой обстановке. Выяснилось, что советские войска уже 21 апреля завязали уличные бои на восточной окраине Берлина. В результате обходного маневра войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершившегося полным окружением города, в берлинском котле оказались сотни тысяч хорошо вооруженных немецких солдат. Там должны были находиться и главные гитлеровские руководители во главе с Гитлером и Геббельсом. Мы уже знали о безумном приказе Гитлера защищать Берлин до последнего человека и о том, что этот приказ рьяно выполнялся. Из молодежи, входящей в гитлерюгенд, были организованы отряды истребителей танков, вооруженные фаустпатронами. Улицы города были перегорожены баррикадами и противотанковыми рвами. Подходы к домам и баррикадам заминированы. Чуть ли не каждый дом превратился в долговременную огневую точку. Была создана целая система подземных транспортных магистралей и переходов, охватывающая Берлин как паутина. Советские бойцы предупреждали нас, что бои в этом городе носят исключительно упорный характер.

— Немцы не только наносят удары по атакующим частям, но и оставляют в тылу засады, которые открывают неожиданный огонь по продвигающимся подразделениям. Но мы в Сталинграде, Севастополе и в других наших городах научились бить гитлеровцев... — добавляли они.

— У нас тоже есть кое-какой опыт ведения уличных боев,— заметил сержант Бронецкий.

— Дни Гитлера сочтены,— говорили нам советские товарищи. — Рейхстаг уже взят.

Тем временем колонна, с которой шла наша батарея, вечером миновала район Шарлоттенбург. Соблюдая осторожность, мы проследовали мимо большого, частично разрушенного железнодорожного вокзала и, минуя разбитые баррикады, вышли к исходному рубежу нашей атаки. Был объявлен короткий привал. Бойцы, делясь первыми впечатлениями, перекусили, привели в порядок снаряжение. Каждый спешил использовать эту небольшую передышку для отдыха.

Павлик лежал задрав вверх ноги, положив их на бетонные плиты.

— Набираюсь сил, — улыбнулся он, когда я удивленно взглянул на него. — Ноги очень устали, пусть немного отдохнут.

Райковский присел на корточки с хлебом в руке и, качая головой, бормотал себе под нос:

— Кто бы мог подумать, что я заберусь так далеко...

Другие вслух поражались огромным разрушениям города, третьих беспокоили самые земные дела — отстает подошва сапог, перетирается ремень, хлеб почему-то чересчур кислый.

Я покрутился среди своих бойцов и тоже уселся, но, едва кое-как устроился, с совещания у командира полка вернулось наше начальство, уже с боевым заданием. Поручник Козак сразу же сказал нам:

— Наша батарея должна поддерживать огнем второй пехотный батальон капитана Богдзеевича, наступающий вдоль Шиллерштрассе. Батальон придан девятнадцатой бригаде первого механизированного корпуса второй гвардейской танковой армии. Я хочу, чтобы вы знали, что нас ждут тяжелые бои. Гитлеровцы яростно сопротивляются, поэтому во время атаки необходимо использовать ниши, подворотни, выступы домов и внимательно следить за окнами, где чаще всего расположены вражеские огневые точки. Вы должны видеть все и впереди, и сзади. Огонь по

обнаруженным целям открывайте самостоятельно... А теперь формируйте колонну. Первым пойдет огневой взвод подпоручника Стефаняка. Ну, двинулись, ребята...

Мы, соблюдая осторожность, начали двигаться по ночным улицам города, освещенным только заревом горящих зданий. Пулеметная очередь резко вспорола воздух. Пули с визгом отскакивали от каменной мостовой и стен домов, высекая искры. Рядом послышался стон раненого.

Козлович уже выкатил свое орудие и показывал цель бойцам расчета.

— Вавжиняк, видишь, из окна вон того дома, справа, на первом этаже, ведет огонь станковый пулемет?

— Вижу, — коротко ответил наводчик и навел орудие.

— Дай по нему несколько снарядов, прицел — десять.

Грохот выстрелов громким эхом отразился от стен близлежащих зданий. Вражеский пулемет умолк. Путь был свободен, и мы беспрепятственно добрались до ближайшего перекрестка.

На каждом шагу нас могли подстерегать новые, еще большие неприятности, поэтому поручник Козак велел распрячь лошадей и отвести их в какое-нибудь безопасное место.

— Будем перекатывать орудия вручную, — решил он. — Пока что погрузите на передки по нескольку ящиков боеприпасов, а остальные притащите, когда выкатим орудия на линию огня.

Рассвет застал наши расчеты на огневых позициях на углу Шиллерштрассе и одной из поперечных улиц. Орудия мы установили на тротуарах по обеим сторонам улицы, замаскировав их пятнистыми немецкими накидками. Когда рассвело, увидели в нескольких десятках метров прямо перед собой солидную баррикаду. Откуда-то издалека, закрытые ею, по нашим расчетам вели огонь минометы противника. Их мины то и дело рвались на мостовой, поражая наших солдат осколками и оглушая взрывами, которые усиливало эхо.

Ранним утром, после короткого огневого налета нашей артиллерии, пехота, осторожно продвигаясь вдоль домов, бросилась на штурм баррикады, но находящиеся за ней гитлеровские пулеметы открыли бешеный огонь. Кроме того, весь перекресток простреливался укрытым в боковой улице станковым пулеметом противника.

Орудия Павлика и Бронецкого открыли огонь прямой

наводкой по баррикаде, а Пивоварчика и Козловича — по окнам близлежащих домов на Шиллерштрассе, откуда тоже непрерывно стреляли вражеские пулеметы.

Откуда ни возьмись, появилось несколько советских танков. Они сразу же открыли огонь из пушек по баррикаде, преграждавшей нам дорогу. Благодаря этой эффективной помощи баррикада спустя некоторое время умолкла, и наши пехотинцы быстро овладели ею, однако преодолеть обстреливаемый перекресток улиц они не смогли.

Бронецкий получил приказ обезвредить мешающий продвижению пехоты неприятельский станковый пулемет. Задача была нелегкой: требовалось действовать быстро и осмотрительно, чтобы не попасть под ответный огонь. Осторожно высовывая время от времени голову из-за угла, сержант Бронецкий пытался обнаружить месторасположение вражеской огневой точки. Наконец это ему удалось: он увидел вспышку огня в окне стоящего справа дома. Бронецкий показал Рокошевскому цель, расчет молниеносно выкатил заряженное орудие из-за угла дома и быстро выпустил несколько снарядов по окну.

Глаз у Рокошевского был на редкость метким — вражеский станковый пулемет замолчал.

Насколько же различны условия и методы ведения боя в городе и в поле! Высокие дома, а также глубокие и длинные, как ущелья, улицы во многом затрудняли нам наблюдение и разведку. Появления противника можно было ожидать в любую минуту и в любом месте. Перегороженные баррикадами улицы, запертые ворота дворов и окна домов ревниво оберегали тайну того, что находилось за ними. Где проходит передний край обороны гитлеровцев, мы часто узнавали лишь тогда, когда немцы открывали огонь.

Тем временем бои на улицах Берлина разгорались, принимая все более ожесточенный характер. Гитлеровцы, предчувствуя надвигающийся неминуемый разгром, оказывали отчаянное сопротивление. Все, что двигалось, подвергалось уничтожению, особенно советские танки, поддерживающие наступление нашей пехоты. За ними охотились истребители танков из числа гитлеровской молодежи, вооруженные фаустпатронами и прятавшиеся за баррикадами, в подворотнях или подвалах домов, в нишах стен. Уже несколько стальных машин, чересчур смело вырвавшихся вперед без прикрытия, были подбиты ими и теперь горели как факелы.

В грохоте стрельбы, долетавшей из-за близлежащей разрушенной баррикады, Бронецкий уловил крики о помощи. Он доложил об этом поручнику Козаку, но санитара поблизости не оказалось.

— Надо ему, черт побери, помочь! Притащите раненого сюда. Только мигом!

Выручить человека из беды — долг каждого. Бронецкий, пригнувшись, преодолел находившуюся под обстрелом улицу и подбежал к раненому. Им оказался командир взвода 82-миллиметровых минометов. Бежать назад с раненым на спине оказалось намного труднее, поэтому в качестве прикрытия Адам использовал проезжавший через перекресток советский танк. Пока добирался, минометчика снова ранило, а у самого Бронецкого прибавилось три дырки в шинели.

— Дырки — это ерунда! — философски заметил он позже. — Они заменяют медали. Главное, что я сам остался в живых и другому спас жизнь.

— Что правда, то правда, — согласился с ним Пивоварчик.

Мы сменили огневые позиции и продолжали поддерживать продвигавшиеся вперед танки и пехоту.

Орудие Павлика стояло в укрытии. Наводчик Гжибовский и заряжающий Либерда пристально вглядывались в окутанную дымом улицу. Из-за угла неожиданно выскочил немецкий танк и начал быстро приближаться к нам, поливая из пулемета наших пехотинцев, прижавшихся к стенам домов.

— Гжибовский, по танку, прицел — ноль, бронебойным! — скомандовал Павлик, хотя эта команда была уже только формальностью, поскольку ребята и так не теряли времени даром.

Спустя минуту раздался выстрел, неприятельский танк окутался пламенем и неподвижно застыл посреди улицы.

— Вот это врезал! — восхищенно причмокнул губами Либерда.— Получишь от меня орден.

— Ты от меня тоже. За помощь, — рассмеялся Гжибовский.

Разведка батареи доложила о длинном подземном переходе, ведущем через подвалы домов к еще занятым немцами зданиям. Тотчас же была наспех создана штурмовая группа из разведчиков и артиллеристов, в которую попал и я, и мы начали осторожно продвигаться по подземному

переходу, натыкаясь повсюду на гражданских лиц — женщин и мужчин, укрывшихся в подвалах со своими вещами, чемоданами, постелями. Они смотрели на нас исподлобья, озлобленные, но одновременно и покорные.

Наша группа, углубляясь все дальше и дальше, достигла уже подвалов одного из зданий у Шиллерштрассе. Наши разведчики — капрал Юзвин, канониры Высоцкий и Гжибовский, шедшие в нескольких десятках метров впереди, неожиданно были обстреляны автоматными очередями. Это трое гитлеровцев открыли огонь из бокового коридора. Но автомат капрала Юзвина застрочил почти одновременно с их автоматами и сразил наповал одного гитлеровца. Двое остальных скрылись.

Разведчики принялись лихорадочно совещаться, что делать. Дорога назад была, по-видимому, отрезана, поскольку оттуда, откуда они только что пришли, доносилась стрельба. Очевидно, немного отставшую часть их группы противник тоже атаковал в тесных переходах, и, возможно, она вынуждена была отступить.

— Идем вперед, — решил Юзвин.

Вскоре они вышли на небольшой двор. Из-за стены дома появилась группа гитлеровцев, поэтому наши свернули на первый этаж, чтобы найти выход из этой западни. Открыли какую-то дверь, которая, по их расчетам, должна была выходить на улицу. Но оказалось, что за этой дверью был холл, а в нем... полно немцев. Обе стороны, застигнутые врасплох, смотрели друг на друга в немом изумлении. Первыми опомнились артиллеристы — очереди из автоматов проложили им дорогу к входной двери, и они выбежали на улицу.

Вся эта рискованная вылазка длилась довольно долго. Выйдя из подвалов, мы не дождались возвращения наших разведчиков и решили, что они погибли. Так же думал и командир батареи поручник Козак. А тут из-за угла улицы выбегают наши герои, целые и почти невредимые, почти, ибо капрал Юзвин был ранен в руку. Мы радостно встретили их. Они как будто вернулись с того света.

Тем временем возникла новая трудность: начали быстро таять боеприпасы. Подвозить их обозными подводами было невозможно — вся улица простреливалась противником, а кроме того, в нашем тылу действовали снайперы.

— Осталось по десять снарядов на орудие,— доложил я командиру батареи. — Через несколько минут мы можем остаться без боеприпасов!

— Надо найти какой-то способ доставить их, — озабоченно заявил поручник. — А пока экономьте! Огонь ведите только по наиболее важным и верным целям.

— Мы с рядовым Файгенблятом займемся этим, — предложил Зелькович. — Оба знаем немецкий язык, как-нибудь справимся!

— Ну давайте, только не лезьте на рожон, — согласился командир батареи.— А вы, Пивоварчик, соберите из разведчиков и артиллеристов группу человек в десять, вытащите из близлежащих подвалов и домов всех спрятавшихся там немцев, способных носить оружие, и отведите подальше в тыл.

Пивоварчик приступил к выполнению приказа. К нему тотчас же подключились минометчики расположенной поблизости батареи. Следует признать, что идея проведения такой операции полностью себя оправдала. Вскоре в нашем тылу стало намного спокойнее. У немцев иссякли резервы для организации засад.

Приближался вечер 1 мая. Наши пехотинцы, предвкушая близкую победу, неудержимо рвались вперед. Ожесточенные схватки шли повсюду: на лестничных площадках, на этажах, чердаках и в подвалах. Бойцы использовали проходные дворы, пробивали стены подвалов и домов, через проломы заходили в тыл и застигали врасплох яростно оборонявшихся гитлеровцев.

Поддерживаемый нами 2-й пехотный батальон, преодолевая отчаянное сопротивление противника, медленно, шаг за шагом, но неуклонно продвигался вперед. Не менее успешно сражался и наступающий слева от нас 3-й пехотный батальон, который ворвался в расположенную в районе его боевых действий станцию метро и овладел ею.

Наступила ночь. На противоположной стороне улицы горел многоэтажный дом, подожженный немецкими снарядами. Усиленные караулы охраняли огневые позиции наших орудий.

Тем временем рядовые Зелькович и Файгенблят раздобыли где-то тележки, погрузили на них ящики с боеприпасами и доставили их к орудиям.

Рядовой Зелькович напряженно всматривался в темную боковую улицу. Там он заметил чьи-то движущиеся тени. Подпустил поближе и неожиданно дал очередь из автомата над их головами, крича «Хенде хох!». Двое молодых гитлеровцев подняли руки вверх. После допроса их отправили в тыл на сборный пункт военнопленных.

Утром 2 мая поступила необычайно радостная весть, которая молниеносно облетела все части, сражавшиеся в этом городе. Берлин капитулировал! Стрельба начала постепенно стихать. Воцарившаяся тишина резала уши, привыкшие к шуму боев.

На улицы высыпали польские и советские солдаты. Радости их не было предела. Если пал Берлин, то наверняка со дня на день капитулирует весь третий рейх, наступит конец этой затяжной войне.

Прятавшееся до сих пор в подвалах немецкое гражданское население начало робко вылезать наружу. Возле расположенного невдалеке колодца выстроилась за водой большая очередь. Пожилые мужчины, бледные женщины, даже дети — все имели белые повязки на рукавах. К бомбардиру Антони Морданю, который как раз проходил мимо, подбежала какая-то немка и попросила, чтобы он взял ей без очереди немного воды для маленьких детей. Мордань возмутился, хотел было оттолкнуть женщину, но вовремя остановился, подумав, что он, поляк, победитель, не может действовать по образу и подобию тех, кто замучил его брата в Демблинской крепости, кто зверски сжег его соседа в Подгаях, кто, отступая, еще сеял смерть и пожары, и взял из рук женщины посуду для воды.

Хотя Берлин и капитулировал, хотя командующий его обороной генерал Вейдлинг отдал немецким солдатам категорический приказ о прекращении огня, многие фанатичные гитлеровцы еще не сдавались. Они стреляли не только по нас, но и по своим, по немцам. Как-то по улице шла пара немцев — старый мужчина и молодая женщина, оба с белыми повязками на рукавах. Мужчина вел велосипед с переброшенным через раму мешком, а женщина подталкивала велосипед сзади. Они вышли на перекресток, и тут из подвала близлежащего дома раздался выстрел. Немка вскрикнула и схватилась за ногу. Наши бойцы тотчас же бросились в подвал и вытащили оттуда обезумевшего от ярости эсэсовца, который выстрелил по своей соотечественнице только потому, что она надела белую повязку.

В этот день весь Берлин покрылся белым цветом капитуляции. Почти каждый житель, выходивший на улицу, имел на рукаве белую повязку, а из окон, с чердаков и крыш домов свисали белые флаги, простыни, полотенца,

наволочки самых различных форм и размеров — красноречивые свидетельства того, что жителям столицы третьего рейха опостылела эта страшная война и они хотят мира и покоя.

Батарея после завтрака, на этот раз неторопливого, получила приказ приготовиться к выступлению. Вскоре мы торжественно проследовали по улицам захваченного Берлина в походной колонне своего 1-го Пражского пехотного полка, обгоняя по дороге многочисленные группы немецких военнопленных, вчерашних «завоевателей мира», а теперь подавленных, удрученных, исподлобья поглядывающих на победителей — советских и польских воинов.

Битва на улицах Берлина была последней битвой костюшковцев во второй мировой войне. Последующие три дня наша колонна двигалась на запад, однако до Эльбы мы не дошли, а достигли лишь города Фризак, расположенного примерно в сорока километрах от этой реки, а оттуда, пробыв в нем два дня, 6 мая повернули на восток.

— Ну что, возвращаемся опять в Берлин, товарищ старшина? Может, будем служить в гарнизоне? — пошутил бомбардир Казимеж Бубенец.

— А вы хотели бы вернуться туда?— не понял шутки и поэтому искренне удивился сержант Бялоокий.

— Только не туда! Мечтаю как можно скорее попасть в Белосток, — уже серьезно ответил Бубенец. — Меня там более четырех лет ждут.

— А я вернусь в Сибирь, под Иркутск,— вступил в разговор пожилой бомбардир Кароль Жмурковский. — Очень уж я соскучился по тайге, — добавил он мечтательным тоном.

— А я хотел бы поскорее оказаться в Варшаве и взяться за ее восстановление,— выразительно, как бы давая всем понять, что высказанная им мысль является самой важной, проговорил капрал Генрик Влодарчик, доброволец из Праги.

— Вы правы, — кивнул головой сержант Бялоокий.— Пора уже всем возвращаться на родину, домой.

9 мая — день капитуляции фашистской Германии, День Победы, застал нас в местечке Рульсдорф под Ораниенбургом. Сообщение о полной капитуляции вызвало у нас неописуемый восторг.

Небосклон озарили тысячи разноцветных ракет и трассирующих пуль, бойцы обнимались, целовались, у некоторых на глазах блестели слезы радости.

Это была трогательная и волнующая минута. Всему миру стало известно об окончательном разгроме гитлеровской военной машины. Мы с нетерпением ожидали возвращения домой, исполнения надежд и мечтаний...

На батарее наступила определенная разрядка. Наконец-то снова объединились в единое целое все ее подразделения: оба огневых взвода, действовавшие на передней линии фронта, и взвод боевого обеспечения, идущий всегда в нескольких километрах сзади них. Разговорам и дискуссиям, дружеским шуткам и хвастовству не было конца.

— Вам-то возле орудий было хорошо. Следи только за тем, что происходит впереди, — попрекал нас ездовой бомбардир Дембовский. — А мы, расположившись в деревне или в лесу, вынуждены были держать настоящую круговую оборону, чтобы какой-нибудь заблудившийся гитлеровский отряд не напал на нас врасплох.

— Зато вы почти всегда спали на удобных кроватях, не мокли, как мы, под дождем, не лежали в окопах на голой земле, — поддел его бомбардир Морсула.

Артиллеристы отдыхали, чистили орудия и снаряжение, мыли лошадей, а старшина батареи фейерверкер Бялоокий снова почувствовал себя в своей стихии, когда в его руки попал наконец весь ее личный состав.

Началась мирная военная служба — поверки, сборы по тревоге, смотры, подъем, утренняя зарядка, построения. Многим бывалым воинам начал уже надоедать такой распорядок. Некоторые с тоской вспоминали недавнюю, более разнообразную, по их мнению, фронтовую жизнь.

На отсутствие дел не могло жаловаться лишь командование батареи. Оно вынуждено было составлять и посылать в штаб полка различные отчеты; впрочем, во всей 1-й армии Войска Польского шло лихорадочное подведение итогов последних боев, начиная с форсирования Одры. Это означало прежде всего подготовку представлений к награждению и присвоению очередных воинских званий. Командование нашего полка дало нам на это всего несколько дней. Поэтому очень пригодилось умение подпоручника Стефаняка печатать на пишущей машинке. Он целыми днями сидел и отстукивал на ней надлежащим образом мотивированные представления, касающиеся рядового и подофицерского состава, а также офицеров батареи.

В один из таких мирных дней командира нашей батареи поручника Козака вызвали в штаб полка. Он вернулся довольно быстро, собрал нас и приказал объявить тревогу.

— Группа гитлеровцев из разбитых немецких частей, не признавших капитуляции Германии и скрывающихся в лесу,— сказал он, — напала на тыловые службы нашей дивизии, расположенные в десяти километрах отсюда. Второй пехотный батальон получил приказ ликвидировать эту группу. Хорунжий Рутковский, приготовьте немедленно два орудия для поддержки батальона... Через десять минут подъедут автомашины, мы выступаем...

Сказано это было ясно и убедительно.

Батарею охватило возбуждение. Каждый хотел участвовать в этой операции, но количество мест в автомашинах было ограничено. Поэтому мы взяли с собой только два орудия — сержанта Бронецкого и капрала Козловича. Подпоручник Стефаняк перестал печатать на пишущей машинке и, как командир огневого взвода, начал торопить своих артиллеристов.

Когда спустя полчаса мы прибыли в деревню, бой уже закончился. Оказалось, что рано утром группа гитлеровцев напала на спокойно отдыхавшее подразделение нашей тыловой службы. Возможно, немцы просто нуждались в продуктах. Наши обозные, в первые минуты застигнутые врасплох, быстро пришли в себя и отбили яростно наседавших на них фашистов, которые вынуждены были в конце концов отступить в близлежащий лес. В этом бою погибли, к сожалению, некоторые наши бойцы. А ведь война уже закончилась...

Прибывший вскоре 2-й пехотный батальон развернулся в цепь и двинулся в лес. Наши два орудия двигались в первых рядах пехоты, готовые немедленно открыть огонь. Мы прочесали лес по фронту в несколько километров, однако не обнаружили бежавших гитлеровцев. Наверное, они, увидев нас, отошли куда-нибудь подальше. Поручник Козак уже отдал приказ возвращаться в расположение батареи, как вдруг один из пехотинцев сообщил, что немцы, судя по всему, спрятались в лесничестве, расположенном неподалеку, на небольшой лесной поляне.

— Товарищ поручник, давайте дадим несколько залпов по этой усадьбе. А вдруг там действительно засели гитлеровцы? — предложил я командиру батареи.

Козак нерешительно почесал затылок, подумал.

— Ну хорошо... — решился он наконец.

Я подал команду:

— Цель — одиночный дом, по три снаряда, огонь!

И наши два орудийных расчета с энтузиазмом выполнили последнюю в этой войне боевую команду.

Разрывы снарядов, выпущенных из орудий Бронецкого и Козловича точно в цель, потрясли дом и сарай. Посыпался щебень, и вверх поднялось облако пыли.

Спустя минуту из-за угла дома высунулась палка с белой тряпкой, а затем появилась группа немецких солдат с поднятыми вверх руками.

Несколько наших артиллеристов и пехотинцев с автоматами на изготовку бегом бросились им навстречу. Каждый хотел первым взять в плен еще одного фашиста.

— Гитлер капут, Гитлер капут! Не стреляйте! — издалека кричали гитлеровцы.

Они были без оружия и горячо уверяли, что не принимали участия в нападении на деревню.

Пленных мы передали в распоряжение командира батальона, и наша колонна с песнями вернулась в лагерь. Бронецкий и Козлович не без оснований гордились тем, что благодаря им в плен попало более десятка гитлеровцев.

Это были последние залпы батареи 76-миллиметровых орудий 1-го Пражского пехотного полка 1-й пехотной дивизии имени Т. Костюшко.

23 мая 1945 года после нескольких дней отдыха на немецкой земле мы отправились в обратный путь, на родину.

СОДЕРЖАНИЕ

Рутковский Тадеуш

Р90 Страницы огненных лет: Воспоминания артиллериста/Пер. с польск. В. А. Глазова. — М.: Воениздат, 1982. — 246 с.

В пер.: 1 р. 20 к.

В своих воспоминаниях польский писатель Тадеуш Рутковский показывает славный путь артиллеристов Войска Польского, прошедших с боями от Ленино до Берлина.

Книга заинтересует широкий круг читателей.

Р $\frac{70304\text{-}103}{068(02)\text{-}82}$ 164.82.4703000000.

ББК63.3(2)722

9(С)27

Тадеуш Рутковский

СТРАНИЦЫ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Редактор *В. А. Никольский*
Художник *А. Я. Салтанов*
Редактор (литературный) *А. Г. Кобозева*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Опрышко Н. М.*

ИБ № 1755

Сдано в набор 30.06.81. Подписано в печать 18.01.82.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 7 3/4. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,02. Уч.-изд. л. 13,88.
Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/6795. Зак. 706. Цена 1 р. 20 к.

Воениздат
103160, Москва К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.